

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗВЕЗДЫ
КРУПНЫМ ПЛАНОМ

У НАС ОДНИ КОРНИ,
ОДНА ИСТОРИЯ

ЛИДЕР БАНКОВСКОГО
СЕКТОРА СТРАНЫ

И БЕСКОНЕЧНЫЙ МИР СТРАСТЕЙ
И СУДЕБ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

№1-2
Январь-февраль 2006

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№1-2 (4-5)
Январь-февраль 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАЙ НАШИХ!	КОЛЛАЖ ПОЛУТОРА СТОЛЕТИЙ	4
СТИЛЬ ЖИЗНИ	ЗВЕЗДЫ КРУПНЫМ ПЛАНОМ	8
ШЕДЕВР	«ВЕЛИКОМУЧЕНИК ГЕОРГИЙ»	14
ТРАДИЦИЯ	У НАС ОДНИ КОРНИ, ОДНА ИСТОРИЯ	16
СОЦИУМ	«РУССКИЙ МОРОЗ» В ГРУЗИИ	18
МУЗЕЙОН	ВОССТАНОВИМ МУЗЕЙ	22
ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ	И БЕСКОНЕЧНЫЙ МИР СТРАСТЕЙ И СУДЕБ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ	26
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ЛИДЕР БАНКОВСКОГО СЕКТОРА СТРАНЫ	34
О, СПОРТ!	ЧЕМПИОН, СЫН ЧЕМПИОНОВ	38
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	МОЯ БАЛЕТНАЯ МАМА	42
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ЖУРНАЛ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ	47
ШЛЕЙФ ПРОШЛОГО	ФЕЙЕРВЕРК ТАЛАНТА	48
РУССКИЙ ДУХ	МОНАСТЫРЬ СВЯТОЙ ОЛЬГИ	52
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	РЫЦАРЬ, СОЗДАННЫЙ ДЕТСТВОМ	54
ПЕРЕВОДИМ	ВСТУПЛЕНИЕ	60
ЛЕНТА ПАМЯТИ	«Я ВЕРНУСЬ...»	62
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	«СЕДОЙ ВОДОПАД» ГАРМОНИИ	64
ВЕРНИСАЖ	КИСТИ БЕЗ СТРАХА, ЯРКИЕ РОСПИСИ...	68
ЮБИЛЕЙ	ВЕРНОСТЬ МЕЧТЕ	71
ТВОРЧЕСТВО ГРИБОЕДОВЦЕВ	ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ	72
БЛАГОДАРИТЕ	ДЕТЯМ ТЕПЛО	73

КОЛЛАЖ ПОЛУТОРА СТОЛЕТИЙ

Альбом к 160-летию
Русского драматического
театра в Грузии

Кем-то было сказано, что если бы героев А. Чехова собрать вместе, они заполнили бы базарную площадь. Если бы собрались вместе причастные к нашему Грибоедовскому театру за 160 лет его деятельности, заполнилась бы огромная столичная площадь. Мы называем его грибоедовский условно, театр за полтора столетия носил самые разные названия, но для нас он грибоедовский, вместивший в себе понятие русского драматического со дня его основания, с времени выступления первых театральных трупп, еще не подозревавших, что они закладывают основу академическому театру.

И какие бы имена собрались! Многие театры могут составить список столь разных, не пересекавшихся в ином месте миров. В эти дни перед своим юбилеем театр получил множество поздравлений. Реваз Габриадзе ярко подчеркнул мысль о том, что театр – это еще и зритель. Если добавить зрителей за полтора столетия, наберется целый многоголосый город «грибоедовцев».

У нынешних наследников всего полуторавекового прошлого возникла идея увековечить деяния театра в альбоме, впервые собрать под одной обложкой все знаменитые имена. И идея получила блестящее вопло-

щение. Руководителями проекта стали нынешний художественный руководитель театра им. А. С. Грибоедова Автандил Варсимашвили и директор театра, президент международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» и директор Центра российской культуры в Грузии Николай Свентицкий, благодаря которому в последние годы были осуществлены многие масштабные проекты. Главным консультантом стал директор Государственного музея музыки, театра и кино Александр Шалуташвили, который предоставил уникальные материалы, фотографии, афиши из собрания музея.

Огромный труд проделали исполнители проекта, члены редакционной коллегии Нелли Узнадзе, Александр Сватиков, Лана Гарон и Татьяна Шах-Азизова. Хотелось бы отметить и прекрасное оформление альбома, над которым работали также художник-дизайнер И. Кипиани, график-компьютерщик Д. Элбакидзе-Мачавариани, авторы прекрасных фотографий А. Левин, Г. Чанадири и А. Сватиков.

Словно несколько театральных занавесей, одна за другой открываются первые страницы – живописный образ старинного театра, репродукция гагаринского «Майдана», разворот с материалом об А. С. Грибоедове (с его профильным портретом, словно

РУССКИЙ ТЕАТР В
ГРУЗИИ

160

выплывающим из синей дымки времен), портреты Нины Грибоедовой, Ал. Чавчавадзе, иллюстрации к первым постановкам «Горя от ума», материалы о Л. Толстом, А. Дюма, А. Чехове, В. Сологубе, М. Воронцове. Образ времени, воспоминания основоположников, мысли их великих современников.

В альбоме более 270 страниц, каждая заполнена прекрасно отобранным и составленным текстом и изобразительным материалом: портретами, сотнями афиш и сцен из спектаклей, городскими пейзажами.

костюмах, в афишах. Казалось бы афиша, вот она висит, всему городу сообщая о будущем действе, приглашая на него. Но спектакль состоялся, и афиша тут же становится историей, сворачивается, теряет, истлевает. Попробуйте собрать их все воедино... Но собранные в одном альбоме (конечно не все, но почти ... всего собрать уже не удастся), они составляют летопись эпох, по ним можно проследить, как сменялись режиссеры, поколения актеров, композиторы, музыканты, директора. Как развивались репертуарные вкусы и потребности, что можно было и что было нельзя ставить, как менялась полиграфия от витиеватых дореволюционных, от скромных черно-белых листков начала советской поры, 30-х годов и военных лет, к цветным афишам. Но какие имена они содержат! На сцене русского театра ставили и играли К. Марджанишвили, А. Хорава, В. Анджапаридзе, М. Туманишвили, А. Рубин, Г. Лорткипанидзе, Г. Товстоногов. С именем последнего связана целая эпоха театра, а потом уже наше поколение помнит расцвет грибоедовского при А. Товстоногове – сыне мастера.

В юбилейные дни на всех этажах театра открылась уникальная выставка, на которую словно перелились страницы альбома, или же, скорее наоборот,

Театр – магия сиюминутной сопричастности к рождающемуся в присутствии и при соучастии зрителя чуда. Спектакль не повторяется никогда, и живет он лишь в воспоминаниях, пересказах, в фотографии, запечатлевшей мгновение, в сохранившихся

из этих живых экспонатов – афиш, фотографий и костюмов составил альбом. Самая старая афиша датирована 1880 годом, тогда это был Тифлисский театр, далее мелькает 1883, «Гроза» 1901-го. Буквально приковывает внимание афиша сезона 1932-33 го-

дов. Постановки К. Марджанишвили, Вс. Мейерхольда, А. Попова, В. Шершеневича, художники - Ир. Гамрекели, Ладо Гудиашвили, В. Роберг, Ир. Штенберг (автор знаменитого портрета А. С. Грибоедова), И. Шлепянов, композиторы - З. Палиашвили, И. Туския, А. Шведов. В спектаклях участвовал В. Качалов, приезжавший не раз в Тбилиси. Вспомним, что в сезоны 1905-1907 и 1928 в театре ставил сам Вс. Мейерхольд.

В 20-е годы завлитом театра был Гр. Робакидзе - где еще, как не в грибоедовском встретились такие имена? С 1934 года на афишах появляется профиль А. С. Грибоедова - театру было присвоено его имя. Свой дипломный спектакль - «Сокровище» Д. Пристли поставил в театре Р. Стуруа. Вернувшийся после 17-летней ссылки Л. Варпаховский поставил булгаковские «Дни Турбиных».

Со страниц альбома словно звучит дивный грибоедовский вальс, альбом обладает своим неповторимым ритмом, кружатся перед нами лица великих, выдающихся, просто любимых актеров. Е. Сатина, уже маститая актриса и ее творческий вечер 1956 года, очаровательная Б. Белецкая, царственная Я. Максимова, «Анна Каренина» Л. Врублевской - сенсационный спектакль 1937 года, тонированные, мягкие снимки Е. Ковальской - кумира 30-х. Целая галерея образов А. Смиранина - мастера перевоплощения.

Герои И. Бодрова, легендарного П. Луспекаева, Н. Фоменко, А. Такайшвили. Сменяются поколения, по страницам альбома можно проследить атмосферу эпох. Тех актеров, которые были молодыми при великих мастерах, мое поколение в детстве помнит как маститых. «Чистейший герой-любовник» И. Русинов, как его назвала Н. Бурмистрова, неповторимый А. Гомиашвили и полный юмора М. Пясецкий, Ю. Шевчук и А. Левин, Д. Сихарулидзе и Б. Казинец. М. Иоффе, характерный и всегда узнаваемый, наш любимый актер как бы сошел со страниц альбома и приехал на юбилей своего театра.

В тех спектаклях, что нас формировали и растили, играла блестящая плеяда актеров, наряду с теми, кто уже назван и чьи персоналии включены в альбом - это Т. Белоусова, Л. Крылова, В. Воинова, И. Квицинадзе, А. Левин, Е. Килосанидзе, Э. Кухалейшвили,

Е. Байковский. И актеры, яркой звездой осветившие свое недолгое появление в театре. Сколько искренних слез было пролито на «Дневнике Анны Франк» в постановке М. Кучухидзе, и А. Шенгелая поджидали после спектакля девочки, робко просившие автографа.

Не знаю, часто ли просили автограф у Н. Бурмистровой? Может быть, и нет, потому что она была своя навсегда, а у близких не просят автографа, мы с ней

росли, выросли, зрели. Без нее театра не было. Это высшая похвала актрисе. В альбоме – вся палитра ее ролей, от трагических до комедийных. И сейчас кажется, что Наталья Николаевна будет с нами всегда.

В годы работы А. Товстоногова в Грибоедовском появилась новая плеяда актеров. Шукшинские спектакли тех лет представлялись тогда самым ярким проявлением истинного, не «социалистического реализма», реализма лукавого и печального одновременно. Зритель полюбил Л. Артемову-Мгебришвили, тонкую, красивую, способную играть как бы с интеллектуальной дистанцией. Постепенно сцена стала невообразима без В. Харютченко, актера страстного, искреннего, вызывающего в памяти лицедеев времен русской классики. Заняла сценическое пространство И. Мегвинету-хуцеси, острая, многоплановая, музыкальная.

Каждый театр, тем более на протяжении полутора столетий, имеет взлеты и падения. Грибоедов-

кого здесь не удалось назвать. Я не пишу историю театра, я листаю альбом. Но он дышит живой театральной жизнью – от первых страниц истории русского театра в Грузии до последних цветных портретов современных актеров, художников, режиссеров – красивых, вдохновенных, несмотря на наш «нетеатральный» век.

А репертуар театра А. С. Грибоедова, также приведенный в альбоме, включает всю классику, всю палитру современных или современных постановочному времени авторов.

Если перечислять все имена, включенные в альбом, а значит, связанные с грибоедовским, обозначится вся театральная, музыкальная и драматургическая жизнь Грузии и России за полтора столетия. Какая же кровная связь объединяет наши народы! И грибоедовский не просто поддерживал великие традиции, он творил их. На репетициях, в замыслах, в спектаклях, в аплодисментах, в гастролях великих

актеров на его сцене, в карте гастролей грибоедовского по бывшей стране и нынешним странам рождалась та ткань высокого искусства, причастности к нему, которая составляет ткань наднациональную, общекультурную. И как хочется надеяться, что она выдержит испытания нашим временем, что юбилей театра им. А. С. Грибоедова станет новым этапом русско-грузинских взаимосвязей.

С юбилеем театр поздравили многие, в том числе Е. Примаков, М. Захаров, Г. Канчели, Р. Габриадзе, С. Юрский. Многих деятелей

разных сфер ничего не объединяет, кроме причастности к грибоедовскому. Но именно потому роль театра как формообразующего организма так велика. И еще одно хочется добавить, что о многих персонажах альбома можно составить отдельное издание, но как прекрасно, что здесь они встретились, великие и рядовые, ставшие бессмертными и ныне творящие. Юбилей прошел, и как все события, стал историей. А альбом будет памятником театру, зримым, материальным, сохранившим связь эпох. Он сам напоминает многолюдный спектакль, который длится полтора столетия. Лишь одно огорчает – альбом достанется далеко не каждому желающему. Его высокий полиграфический уровень определил малодоступную стоимость. Это, правда, замечание из иной области, но тоже весьма существенной.

С приходом А. Варсимашвили театр обрел новое дыхание. Появились острые спектакли, нетрадиционная для старого грибоедовского, но уже вошедшая в наше сознание современная поэтика постановки и игры. В его спектаклях обрели иную жизнь и маститые актеры, и универсальный актер-поэт Н. Гомелаури, и острохарактерный Р. Иоселиани. Да простят меня те,

разных сфер ничего не объединяет, кроме причастности к грибоедовскому. Но именно потому роль театра как формообразующего организма так велика.

И еще одно хочется добавить, что о многих персонажах альбома можно составить отдельное издание, но как прекрасно, что здесь они встретились, великие и рядовые, ставшие бессмертными и ныне творящие. Юбилей прошел, и как все события, стал историей. А альбом будет памятником театру, зримым, материальным, сохранившим связь эпох. Он сам напоминает многолюдный спектакль, который длится полтора столетия. Лишь одно огорчает – альбом достанется далеко не каждому желающему. Его высокий полиграфический уровень определил малодоступную стоимость. Это, правда, замечание из иной области, но тоже весьма существенной.

МАРИЯ ФИЛИНА

ЗВЕЗДЫ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

«Звездной» тбилисскую жизнь последнего времени не назовешь. Но на нашем небосводе еще светятся звезды грузинского искусства. Одна из самых ярких – не только для Грузии, но и для России – Софико Чиаурели. Ее большие знают как кинозвезду. Сергей Параджанов называл ее гениальной кинобалериной, считал ее своим талисманом, музой, и без нее не хотел снимать ни один фильм. Она объездила весь мир – представляла советское кино на всех международных фестивалях... Все так. Хотя сама актриса звездой себя не считает. Она называет себя «народной артисткой исчезнувшей цивилизации».

Актерство у нее в крови, и на сцене Софико – это фейерверк. Она не боится показаться некрасивой, смешной, чудаковатой. Ее недавняя премьера «Рождение планет» – это пик мастерства и непредсказуемости. Дом, судьба, история, театр – все связано в один клубок. Она начинает спектакль как клоун, хотя это самое трудное актерское амплуа, для многих недостижимое. Софико вначале – балаганщица, клоун цирка-шапито – разноцветный парик, яркий грим, на носу красная клоунская нашлепка и живые горящие глаза... Клоуну можно все – у него смех и слезы, боль и ирония переплавлены в одно. Только так можно сделать спектакль-исповедь. Причем, не о себе, а о своих корнях, о родителях, детстве, о человеческой судьбе.

Стилистика задана, а дальше уже без клоунской маски идет калейдоскоп превращений и перевоплощений – лепет маленькой девочки, томность аристократки, уличный скан-

дал, любовные перипетии, жизненные драмы. Воспоминания, как бусинки, нанизанные на линию жизни – свою, родителей и близких, где радости, потери и утраты неразделимы. Полярные характеры переданы ярко и выпукло, но все идет как бы от лица самой Софико. Актриса не дает себе и секунды – моментальный переход в иное состояние и другую ситуацию. Мотор! Хлопушка! Эпизод! Чиаурели дает образец актерской полистилистики – отстраненность, бросающая театральность и вместе с тем непосредственность эмоций и переживаний. Театральную условность подчеркивает и отличная режиссерская находка: введен активный, хотя и бессловесный персонаж – балаганщик-мим.

Авторы пьесы, они же и режиссеры-постановщики Инга Гаручава и Петр Хотяновский выстроили спектакль так, будто здесь нет заученного текста – идет спонтанная импровизация, рассказ очень яркой, неординарной личности. И в финале мы готовы согласиться, что все мы – клоуны в жизни и песчинки в вечности, а над нами бесконечность Вселенной. Но при этом «каждый человек – целая планета с радостями, горестями, с вечной любовью. Бесконечное множество планет...» Нынешний спектакль «Рождение планет» – это даже не дань памяти, а некий внутренний долг, который у всех нас остается перед родителями и перед Создателем.

Пересказывать спектакль – занятие неблагодарное. Лучше рассказать о самой Софико, ее родителях и их уникальном доме. Сейчас это дом – музей, дом-театр, дом-салон. «Дом открытых дверей» – это во все времена было главным принципом.

ДОМ НА ПИКРИС ГОРА

У Софики изначально было исключительное положение – дочь легендарной актрисы Верико Анджапаридзе и не менее знаменитого кинорежиссера Михаила Чиаурели. Но актриса себя не поднимает в звездные выси. Кокетничать, рисоваться, щебетать ей абсолютно не свойственно. В этом смысле, она дочь своей матери, которая говорила, что у Софики ее внешняя суровость. Актерство у них только на сцене – не в жизни.

Софики считает, что для нее сначала существуют дом и семья, а потом все остальное. При этом «остального» в жизни актрисы было предостаточно – театр, репетиции, съемки, популярность и признание... В молодости она как цыганка моталась по съемкам с двумя детьми, объездила всю горную Грузию – Сванети, Мта-Тушети, Хевсурети...

Но родительский дом на Пикрис гора (Гора раздухий) для нее все: и очаг, и крепость, и ее дети, и театр, и детство, и тот старый Тбилиси, дух которого впитали стены. И еще в этом доме витает дух любви, ведь только благодаря ей он и возник, его строил отец собственными руками на месте первого свидания родителей. Именно здесь, а не в больнице появилась на свет и Софики.

Дом этот знают все. В былые времена он не закрывался. Вместо замка висел колокольчик, и звенел

он постоянно. Софики с детских лет привыкла, что в доме постоянное столпотворение. Приходили самые разные люди, начиная с простых крестьян, для которых родители были кумирами, и кончая светилами. Но конечно доминировали люди искусства – артисты, поэты, художники, в гостиной звучали стихи и музыка, шли бесконечные споры об искусстве. Во время войны здесь гостил старый МХАТ – Немирович-Данченко, Книппер-Чехова, Качалов. Все они были для ее матери кумирами, когда она в 1916 году училась в Москве в театральной студии. А теперь в Тбилиси вместе с Качаловым она играла в «Ричарде III», и он подарил ей свой портрет с надписью «Вечно влюбленный в Вас Качалов».

Верико и на сцене и в жизни была абсолютно уникальной, она притягивала к себе, как магнит. Ее талантом восхищались Марджанишвили, Михоэлс, Охлопков... Британская академия искусств назвала Верико в десятке лучших трагических актрис двадцатого века. Но, кроме того, она была неординарной личностью – цельной, сильной и невероятно интересной. Без всякой позы и актерских штучек.

Не менее уникальной личностью был отец – Михаил Чиаурели. Сын простого зеленщика, он же скульптор, художник, артист и певец, прославившийся как кинорежиссер, постановщик фильмов «Георгий Саакадзе», «Отарова вдова», «Иные нынче времена», трилогии о Сталине. Он был необыкновенно остроумен, велико-

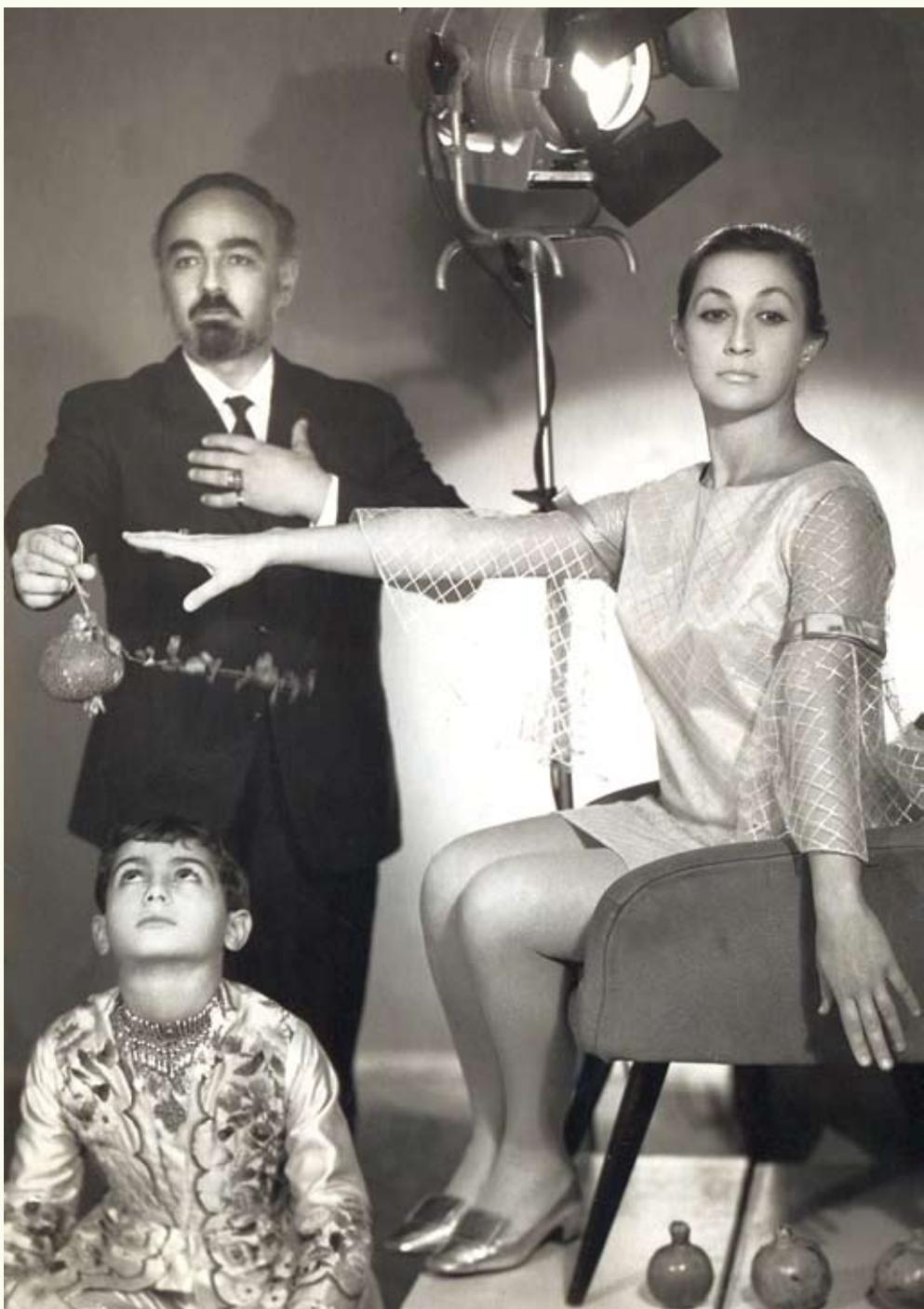
лепно пел, играл на гитаре, был златоуст – другого такого тамады не сыскать. Во всем был одаренным человеком. Его остроты повторял весь Тбилиси. Например, спектакль «Ханума» Роберта Стуруа и Гии Канчели родился в его кабинете. Они заперлись, хозяин шутил, импровизировал, напевал старые тбилисские мелодии. И все это потом было в спектакле...

Он был человеком непредсказуемым и страшно любил розыгрыши. Самый крупный он устроил в московской гостинице «Украина», где он всегда жил в огромном трехместном люксе. В это время в Москве ожидали приезда Джавахарлала Неру. В гостинице только и разговоров, что о Неру. У него был такой пиджак, где от наград не оставалось свободного места – советские и иностранные, с лентами и бантами, что-то висело даже на плечах и на шее. И еще он носил белую шапочку-пилотку. Однажды он надел все это, белые кальсоны впридачу и спустился в фойе. Все подумали, что приехал Неру, и стали чуть ли не падать ниц. Все КГБ стояло на ушах – как Неру мог попасть в гостиницу, если его никто не встречал в аэропорту?! За эту милую шуточку любой другой в те времена мог бы загреметь в места не столь отдаленные, но отцу простили – все знали, как к нему благоволил Сталин. Без него не обходилось ни одно застолье на сталинской даче. Отец Софики был яростный сталинист, партиец, и до конца таким оставался. Его не исправил даже ссылка в Свердловск в 56-м году. Когда он вернулся, его не пустили в большое кино по политическим соображениям, отправили в мультипликацию. Но он и там был верен своему кумиру и сделал фильм «Как мыши хоронили Кота».

А вот мать Софики совсем не разделяла политических симпатий мужа. Она прекрасно видела, что творится вокруг, ее друзей высылали, расстреливали. У нее тоже был собран узелок с вещами – вдруг и за ней придут. Верико знала, что ее страшно не любит Берия, т.к. она была свидетельницей его неудачного любовного похождения с ее подругой. Когда Анджапаридзе ехала с Марджановским театром на гастроли в Кутаиси, ее сняли с поезда, хотели арестовать. Спаслась она только благодаря мужу.

Но в принципе, она была вне политических идей, потому что ее ничего не волновало кроме театра. Она всегда говорила: «Театр требует всей жизни». Это

была ее формула – не словесная, а вполне реальная формула жизни. Для семьи предназначалось лишь то, что оставалось от сцены. Софики вспоминает: «Мать во всем была уникальной личностью... В 90 лет она оставалась молодой душой и сердцем. Она за день до смерти танцевала на сцене. Она пережила самую

большую трагедию, какая только может быть в жизни – потеряла сына. И, тем не менее, она жила полнокровной жизнью. На годовщину смерти сына она сыграла «Привидения» Ибсена, где повторила ту же трагедию на сцене. Она даже говорила потом, что именно сцена вернула ее к жизни когда, казалось, все было кончено. Я хорошо все это помню, потому что сама играла в этом спектакле».

Поздравляю читателей
"Русский клуб".
Прекрасный журнал о
театре, о культуре, это
так необходимо для
нас сегодня. Духовность
— такой дефицит.

София Иванова

ЖИЗНЬ - ЭТО ОДИН БОЛЬШОЙ КУРЬЕЗ

Софико любит повторять, что жизнь это один большой курьез. В жизни нет никаких канонов - почему так случилось, а не иначе. Особенно в личной жизни. Если было судьбой предначертано, что у нее будет две любви, то так оно и случится.

С детства у нее было исключительное окружение. Но с первых же своих шагов она хотела самостоятельности

и не желала быть лишь отпрыском своих знаменитых родителей. В юности она была, по ее признанию, достаточно строптивым существом. Софико не была милой ласковой девочкой, скорее мальчишкой-сорванцом. «Дети, как правило, забывают, что для появления апельсина нужно, по меньшей мере, апельсиновое дерево», - иронизировала по этому поводу Верико. С годами Софико поняла, какой это был дар судьбы и для нее, и для ее детей. А тогда все воспринималось как должное.

Будущий муж Софико, кинорежиссер Георгий Шенгелая, был сыном не менее знаменитых родителей - актрисы Наты Вачнадзе, которая являла собой символ женской красоты, и известного режиссера Николая Шенгелая. Их родители очень дружили, и когда в авиакатастрофе погибла Ната Вачнадзе, Верико стала заботиться о младшем сыне подруги, ему было тогда 14 лет. Они с Софико были одноклассниками и очень дружили. А потомужасно влюбились. Он хотел стать кинорежиссером, а в Тбилиси такого факультета не было. И она решила отправиться вместе с ним в Москву. Поехала и стала сама готовиться к экзаменам на актерский факультет. Никто не знал, есть ли у нее талант. Мать никогда не могла ее заставить прочесть хотя бы одно стихотворение, чтоб понять, на что она способна. Родители были в панике.

Ее приняли на актерский в ГИТИС и во ВГИК. Она выбрала второе, чтобы быть вместе с Георгием. В конце первого курса был фильм «Наш двор» Резо Чхеидзе - первый фильм для Софико и Георгия. Они должны были пожениться и попросили неделю для свадебного путешествия. Поехали в Сухуми. Софико и сейчас вспоминает эту «медовую неделю», говорит, что семейная жизнь началась бурно: они, как дети ссорились, мирились, как будто играли, и все равно очень любили друг друга. «Я была самой счастливой, когда у меня родился сын, когда я ощутила себя матерью. Наверное, человек понимает, что такое счастье, когда он что-то теряет. Мы не умеем ценить...»

А потом в ее жизни появился Котэ Махарадзе. Они были знакомы давно, часто пересекались то в одном театре, то в другом. Когда Верико стала восстанавливать «Уриэля Акоста» в марджановском театре, они оказались партнерами, тогда ближе узнали друг друга. «Уриэль» их и погубил - так они оба считали.

Софико не захотела вести двойную жизнь. «Я сама иногда думаю, а почему так произошло? Не знаю. Произошло, и все...С Котэ мне было очень легко. Он тонкий, любящий, внимательный. Недаром он прослыл Дон Жуаном. Меня это не волновало, ведь это было до моей эры».

Когда они поженились, друзья Котэ привезли в подарок якорь - настоящий, чугунный. Чтобы он в семейной жизни, наконец, бросил якорь. Якорь и теперь в доме, он

стоит в мастерской у Никуши, старшего сына Софико, талантливого художника - как украшение и неотъемлемая часть интерьера. Сейчас он вплотную приблизился к театру - Николоз Шенгелая как художник оформлял «Рождение планет».

Что значит для Софико потерять Котэ после двадцати с лишним лет совместной жизни, и говорить не надо. Но она сильный человек, это ей досталось по наследству. Теперь она одна продолжает начатое ими дело - театр одного актера имени Верико Анджапаридзе.

ТЕАТР КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Сначала о театре никто и не помышлял. Началось все с идеи Дома-музея Верико Анджапаридзе. Еще в благополучные времена Софики и Котэ успели реконструировать дом, надстроили его, а первый этаж сделали музеем. Софики всегда мечтала, чтобы гостиная родителей ожила вновь, и это осуществилось. Сейчас здесь театр одного актера имени Верико Анджапаридзе. Котэ Махарадзе шутил, что он, наверное, единственный, кто назвал театр именем тещи.

Изначально театр делался для Котэ, это его идея, его призвание. Еще с 1989 года, во времена национально-освободительного движения, он окунулся в историю и публицистику. Его спектакли - это история Грузии в театральном-философском аспекте. Первый моноспектакль «Я, Илия!» шел в небольшом помещении церкви царицы Дареджан, где рассказ о жизни «отца нации» Ильи Чавчавадзе воспринимался потрясающе. Но во времена Гамсахурдия поднялся шум - театр в церкви, как это можно. И Котэ оказался на улице. Тогда он попробовал показать спектакль дома. Когда пришли первые зрители, хозяева поняли - это то пространство, которое необходимо для такого театра.

Театр начинается не с вешалки, а с небольшого двора, стена которого летом увита розами, и где с мини-бассейн соседствует с белыми садовыми столиками и стульями. Здесь можно выпить чашечку кофе или коктейль, просто посидеть и пообщаться. А зимой эти удовольствия внутри, у камина в гостиной-баре. Здесь до спектакля можно, хоть и заочно, но поближе познакомиться с хозяевами. Над стойкой бара висит парусник, мексиканское сомбреро, неподалеку зеленый крокодилчик - настоящий, но слава Богу, не живой. Все эти заморские чудеса - подарки из бесконечных путешествий хозяев по всему свету. На стенах фотографии Софики в фильмах Сергея Параджанова, его коллажи, живопись сына Софики Николоза.

А дальше несколько ступенек вверх, и зритель попадает в святая святых - в музей и театр. Здесь маленькая угловая сцена с изящной круговой лестницей, а зрительный зал в той самой гостиной Верико, где когда-то стоял резной буфет, а посередине большой стол, за которым собирался весь цвет Тбилиси. Сейчас гостиная заполнена рядами стульев. Присутствие родителей виртуальное, но вполне осязаемое: все стены в фотографиях, где можно увидеть рядом с хозяевами самые значимые фигуры XX века. Есть рисунки и скульптуры Михаила Чиаурели, портреты Верико в жизни и ролях, есть даже фотопробы для не снятых фильмов Параджанова, где она и Софики.

В общем, это не дом, а живая история грузинского театра и кино. Попадая сюда, люди невольно окунаются в эту ошеломляющую атмосферу. Для Софики эта сцена - соединение театра и кино. Она называет это «театр крупным планом»: «Здесь нельзя нажать, здесь зрителя не обманешь, он рядом, в двух шагах. Нужна абсолютная естественность, как крупный план на экране. В этом зале легко устанавливается об-

щение, здесь царит какая-то особая атмосфера, своя аура. Я уверена, она действует не только на меня, но и на зрителей».

Гостиная заполняется и в дни, когда нет спектаклей. Здесь часто проходят встречи с известными артистами, их концерты, в гостиной ведутся азартные диалоги. На этой сцене и в гостиной можно было увидеть Ванессу Редгрев, Сергея Юрского, Евгения Евтушенко, Елену Образцову, Зураба Соткилава... Не прочь приобщиться к искусству в исключительной обстановке этого дома и большие политики и их именитые гости.

Зрителей в этом театре помещается немного, человек 80. Театр постепенно разросся, прибавились актеры, спектакли, в репертуаре 15 наименований. Сохранены и спектакли Котэ, они идут на большом экране в видеозаписи. Серия его моноспектаклей - это эпохи, события, нравы, отдельные личности, где как в калейдоскопе слились факты и мифы, политика и религия, пафос и ирония. И каждый раз это новый взгляд, открытие неизвестного. Таким образом, театр этот кроме своего назначения нести искусство имеет и некую просветительскую функцию.

Двуязычие в этом доме норма - грузинский и русский язык одинаковы в обиходе, так было всегда. Свои спектакли, вывозя на гастроли в Москву или Петербург, Софики играет на русском, так будет и с последней премьерой, которую уже ждут за пределами Грузии.

Театр пользуется огромной популярностью. И публика здесь собирается особая. Вне зависимости от возраста сюда приходят не развлечься, а прикоснуться - к искусству, к прошлому, к мощной духовной

атмосфере, будто спрессованной здесь. Дом зажил той жизнью, какой он жил при родителях Софики: «Я чувствую, как счастливы были бы мои родители, если бы они увидели все это».

Дом открытых дверей сохранен.

ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

С этого номера мы начинаем знакомить наших читателей с шедеврами русской живописи из собрания Государственного музея искусств Грузии имени академика Ш.Я. Амиранашвили

«ВЕЛИКОМУЧЕНИК ГЕОРГИЙ»

Возникновению Государственного музея искусств предшествовала длительная история. Еще в конце XIX века в передовых кругах грузинской интеллигенции возникла идея основания музея национального искусства, однако, осуществить ее удалось только в 1920 году, когда и была создана Национальная галерея Грузии. Активное участие в ее организации принимали известные ученые и общественные деятели Э.Такаишвили, И.Сонгулашвили, Г.Бочоридзе, а также художник Д.Шеварднадзе, возглавлявший музей вплоть до 1937 года.

В 1932 году Национальная галерея была преобразована в Центральный музей изобразительных искусств, который с 1933 года, разместившись в здании Метехского замка, стал называться музеем искусств «Метехи». Коллекция музея стала пополняться за счет приобретений у частных лиц, а также экспонатами западно-европейского и русского искусства, предоставленными музеями Москвы и Ленинграда. В 1950 году музей получил новое помещение и стал называться Государственным музеем искусств Грузии. В 1952 году была открыта постоянная экспозиция, куда вошли экспонаты из семи отделов музея, в том числе и отдела русского искусства.

Бессменным директором музея с 1939 по 1973 год был Шалва Ясонович Амиранашвили, исследователь истории грузинского искусства, академик.

Икона «Великомученик Георгий» - интереснейший памятник русской и грузинской художественных культур конца XVII - начала XVIII века. Написанная царским иконописцем Оружейной палаты Симоном Ушаковым по заказу грузинской царицы Елены Левановны, икона была пожертвована владелицей в Алавердский собор, где грузинские мастера сделали на нее серебряный оклад, закрывший живопись и, тем самым, предохранившей ее от разрушения временем. Но, вместе с тем, икона надолго утратила имя своего создателя, воспринимаясь, как произведение местных мастеров.

В 1954 году оклад был частично снят, что дало возможность обнаружить две надписи на русском и грузинском языках. Однако, выпадения красочного слоя препятствовали полному прочтению авторской подписи и почитательной надписи. В 1983 году икона была подвергнута профилактическому осмотру с целью установления объема необходимых реставрационных работ. Тогда же были отогнуты остатки оклада, что сделало возможным прочесть авторскую надпись: «в лето 7185/1677/ по обещанию благоверных грузинских царицы Елены Ле-

онтъевны писал сии образ Пимин зовомы Симон У...ков» Палеографическое написание сходно с надписями на других иконах Симона Ушакова. Таким образом, автором иконы является Симон Ушаков. Почетная надпись позволила установить историю создания этого произведения и его появления в Грузии.

В 1652 году кахетинский царь Теймураз I, который в результате невиданного по жестокости нашествия иранцев потерял престол, мать и сыновей, отправил в Москву своего младшего внука - царевича Ираклия с его матерью Еленой Левановной, которую в русских документах называли Еленой Леонтъевной. Царевич воспитывался при царском дворе, а когда возмужал, то сделал попытку вернуться в Грузию и занять престол предков. Так как Кахетинское и Карталинское царства находились в вассальной зависимости от Ирана, то властителям приходилось ездить к шаху за подтверждением своих прав. Зная о превратностях, которые ожидали его по возвращении на родину, Ираклий, уезжая из Москвы, оставил там свою мать, которая, видимо, только в 1679 году присоединилась к нему уже в Иране. Не зная, как помочь сыну, Елена Левановна решает обратиться к заступничеству великомученика Георгия Алавердского и заказывает его икону «государеву жалованному иконописцу» Симону Ушакову.

По своему иконографическому типу ушаковская икона принадлежит к таким изображениям Георгия, в которых объединились черты мученика и воина. Повторяя традиционную иконописную схему, икона Ушакова несет и черты нового, что прежде всего сказывается в приемах реального изображения лица. Особыми приемами письма художник достигает реальной передачи форм глаз и живого блеска зрачков. Мягкими тенями вокруг глаз и по овалу лица создается та живописная светотень, которой С.Ушаков объемно моделирует лицо. По своей образной выразительности, по стремлению художника к реальному изображению человеческого лица и оттенков внутреннего настроения, образ великомученика Георгия можно поставить в один ряд с лучшими работами Симона Ушакова.

Став собственностью заказчика, икона в русских источниках нигде не упоминалась и исследователям древнерусского искусства стало известно о ее существовании только в конце 1950-х годов. Оказавшись в Алавердской церкви святого Георгия, икона вскоре стала одной из самых почитаемых святынь и в 1721 году по повелению одного из настоятелей была взята в серебряный оклад. Позднее, в 1797 году, оборотная сторона иконы тоже была окована: этот оклад состоял из рамы с широкими полями, заполненными пышным растительным орнаментом. В пальметках, картушах и розанах прослеживаются мотивы позднего европейского барокко.

Таким образом, икона «Великомученик Георгий» работы Симона Ушакова - произведение, отразившее новые тенденции развития русской иконописи XVII века и грузинского чеканного искусства XVIII века, является памятником художественной культуры обоих народов.

НОННА ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

У НАС ОДНИ КОРНИ, ОДНА ИСТОРИЯ

В нынешнем году Грузинский государственный университет театра и кино имени Шота Руставели, который многие тбилисцы называют по старинке прославившим его именем Театральный институт, планирует приятный сюрприз для русскоязычных любителей сцены. Здесь хотят открыть прием в целевую группу актеров для Тбилисского академического русского драматического театра имени А. С. Грибоедова. С этой очень важной новости в жизни знаменитого творческого вуза и начал беседу корреспондент нашего журнала с ректором университета Георгием Маргвелашвили.

- Такая традиция у нас живет давно, - говорит он, - фактически раз в 5-6 лет мы набирали русскую группу. Да и не только русскую. Традиционно мы не ограничивались воспитанием актеров и режиссеров для грузинской сцены. У нас были молдавская группа, несколько дагестанских, чеченская, абхазские, кабардинская. На наших факультетах литовцы учились кинорежиссуре, а туркмены - актерскому мастерству... Правда, в последние годы это не носило систе-

матического характера, но таковы уж были проблемы времени. Ситуация была такая. А сейчас она стабилизируется, и я решительно настроен эту традицию восстановить. Мне лично она нравится - думаю, очень ценно, когда учебное заведение готовит профессионалов для разных национальностей. В общем, возродить ее мы собираемся в этом году, и уже достигнуто предварительное соглашение с Грибоедовским театром.

- В свете нынешних веяний эта группа, конечно, будет платной?

- Отнюдь! У нас нет полностью платных групп или полностью действующих за государственный счет. Все они сейчас смешанные - наполовину платные, наполовину - нет. И русская группа не станет исключением. Вообще-то, группа может быть полностью платной, если ее составят не граждане Грузии. Как набравшиеся ранее группы с Север-

ного Кавказа. А тут речь идет о наборе в наш Грибоедовский театр, то есть, о молодых гражданах нашей страны. Поэтому принцип будет тот же, что и для всех в нашем университете: половина студентов группы будут учиться за государственный счет, половина - за свой.

- Пожалуйста, расскажите вкратце о вузе, в который придет будущее пополнение грибоедовцев...

- Наш вуз основан в 1923 году, вырос он из студии при Руставелевском театре. Среди его основателей такие выдающиеся театральные деятели, как Котэ Марджанишвили, Сандро Ахметели, Акакий Хорава. В нем преподавали психолог и философ Дмитрий Узнадзе, историк Иванэ Джавахишвили, другие представители элиты грузинской творческой и научно-гуманитарной интеллигенции. До середины 70-х годов это был государственный театральный институт, затем здесь открыли кинофакультет, и после нескольких его успешных выпусков вуз переименовали в институт театра и кино. А с 2000 года он уже университет. За все это время его

окончили тысячи студентов, и можно с полной уверенностью сказать, что весь профессиональный грузинский театр с 20-х-30-х годов по сегодняшний день, все его труппы укомплектованы актерами и режиссерами – нашими выпускниками. Есть, конечно, несколько театральных режиссеров, закончивших в советское время московские и ленинградские театральные вузы. Из старшего поколения это, в первую очередь, Гига Лорткипанидзе, учившийся у Марии Кнебель и Алексея Попова, из среднего поколения – Гия Кития, ученик Беби Туманишвили. Есть еще несколько человек. А остальные вышли из наших стен. В кинорежиссуре все старшее поколение – выпускники ВГИКа, а все среднее и молодое поколения закончили Грузинский университет театра и кино. Сейчас у нас три факультета – драматического искусства, гуманитарных наук, кино и телевидения. Учится на них 1361 студент.

- Извините, но не слишком ли много для небольшой страны?

- Дело в том, что в последние несколько лет, еще до моего прихода, были очень большие наборы за счет внебюджетного сектора, то есть, в платные группы. Вот и набралось много студентов. Но сейчас новый закон о высшем образовании ввел аккредитацию, и каждый вуз, проходя ее, получает определенную квоту на ежегодный набор студентов. Наша квота – 192 человека. Правда, в ближайшие два-три года, из того количества людей, которое было набрано в последнее время, университет ежегодно будут оканчивать по 400-450 человек. Мы понимаем, что это – много, и принимать будем в два раза меньше. В общем, сейчас фактически идет процесс оптимизации, и университет должен вернуться в свое нормальное положение, при котором будут обучаться не более 700 человек. К тому же, началась наша интеграция с Университетом культуры и искусств. В этом творческом вузе довольно большое количество специальностей

дублируют нас, и было принято решение объединить два учебных заведения под нашей крышей. Так что, появятся новые возможности.

- А что можно сказать о связях с российским театром, российскими театральными вузами?

- Как и у всего грузинского театального мира, связи эти всегда были самыми тесными. Помимо Грибоедовского театра, одного из старейших профессиональных и лучших в Грузии, для нас всегда был своим и русский ТЮЗ, которым руководил замечательный человек Николай Маршак, в котором играли великий Евгений Лебедев и много других известных русских актеров. Не говоря уже о том, что Грузия вырастила как режиссеров Владимира Немировича-Данченко и Георгия Товстоногова, кстати, преподававшего у нас. Наши выпускники весьма успешно работают сейчас в России. В первую очередь, это всемирно известные режиссеры Роберт Стура и Темур Чхеидзе, которые творят там очень давно, очень интенсивно и очень продуктивно. Они востребованы российским театральным искусством, а Чхеидзе руководит легендарным товстоноговским БДТ. Успеха добились и многие другие воспитанники вуза, особенно те, кто получили киноспециальности. Они работают на разных каналах российского телевидения – режиссерами, редакторами, есть даже несколько менеджеров. А в последнее время молодые наши актеры стали появляться в российских телесериалах. Пока не на первых ролях, но успех налицо.

Что касается российских театральных вузов, то до недавних пор контакты с ними были постоянными, и сейчас мы собираемся их восстановить и развить. Потому что грузинский театр, его традиции практически основаны на тех же принципах, на той же методологии, что и российский профессиональный театр. В нынешнем грузинском театре, а тем более в том, который был, актеров и режиссеров учат мастерству точно также, как в российских театральных вузах. У нас – общие корни, одна история. Это факт, от которого отказываться глупо. И надо как можно быстрее и активнее восстанавливать связи и общаться на уровне обмена студентами и педагогами, курсами и лекциями, проводить мастер-классы... В общем, надо начинать обычное сотрудничество между театральными вузами. Конечно, необходимо общаться со всем миром, со всеми странами, насколько хватит сил и возможностей. Но в этом случае, наверное, надо обратить внимание на тесные контакты не только театральных, но и вообще творческих вузов Грузии и России. Так как и в них, повторяю, основа методологий одна.

- Ну а теперь, батона Георгий, несколько слов о себе.

- Я учился в этом университете в 1975-80 годы, окончил на режиссерском факультете мастерскую Михаила Туманишвили. Считаю его одной из лучших и важнейших фигур грузинского театра. Диплом защитил в Грибоедовском театре, потом некоторое время работал в нем. Тогда этим театром руководил Гайоз Жордания, и я очень благодарен ему и всей труппе за то, что именно у них состоялась моя дипломная работа. Потом служил в армии, работал на телевидении, пришел в Театр киноактера, носящий ныне имя Туманишвили, параллельно преподавал в нашем вузе. До сих пор работаю и там, и здесь, в театре – художественным руководителем, в университете исполняю обязанности ректора. Ну что сказать? Это – большая честь и огромная ответственность.

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«Русский мороз» в Грузии

Диверсия на основной и резервной линиях газопровода, снабжающего российским газом Грузию и Армению, произошла в воскресенье, 22 января, рано утром недалеко от пограничного контрольно-пропускного пункта «Верхний Ларс» на территории Северной Осетии. По информации МЧС России, первый взрыв вывел из строя линию магистрального газопровода «Северный Кавказ-Закавказье», затем взорвалась ветка резервного газопровода «Моздок-Тбилиси». Тогда же в Карачево-Черкесии была повреждена высоковольтная линия электропередачи «Кавкасион», соединяющая энергетические системы Грузии и России. Грузинская международная газовая корпорация (ГМГК) прекратила подачу природного газа Армении. Оттуда нам перестала поступать электроэнергия, поскольку энергоблоки в Армении работают на газе. Таким образом, Грузия фактически оказалась в энергетической блокаде.

Инцидент совпал с резким похолоданием на всей территории страны, наступившим вслед за удивительно теплой погодой в осенние месяцы, а также в декабре и первой половине января. Сильные холода прогнозировались синоптиками заранее, еще за несколько дней до случившегося.

Произожди подобное года три, а то и два назад, Грузия не-

замедлительно оказалась бы в состоянии глубочайшей стагнации. На этот раз ничего подобного не произошло, благодаря, во-первых, квалифицированным и слаженным действиям центрального руководства страны и местных властей, во-вторых, проведенным в последние годы серьезным работам по ремонту и обновлению систем энергообеспечения. ГМГК начала импорт природного газа из Азербайджана. На начальном этапе российский «Газпром» увеличил объемы поставок топлива в эту страну для подачи его Грузии. Дополнительные поставки, впрочем, позже были прекращены из-за выхода из строя участка газопровода в Дагестане, соединяющего Россию и Азербайджан.

В Тбилиси газ полностью отключили в левобережной части города. Районы, расположенные на правом берегу Куры, оказались в более выгодном положении.

В квартирах многих из живущих там людей, хотя и далеко не всех, газовые горелки не гасили вовсе. Во всем городе имели место изрядно подзабытые за последние годы перебои с подачей электроэнергии.

Что касается регионов, положение в большинстве из них оказалось значительно хуже. Были приняты оперативные меры по их обеспечению альтернативным топливом. В частности, уже на второй день после диверсии жидкое топливо доставили жителям пограничного высокогорного Казбегского района, первым оставшегося без газа, где в день аварии столбик термометра опустился ниже 25 градусов мороза.

Поначалу сообщения в средствах массовой информации о взрывах и перспективе надолго остаться без света и тепла вызвали среди населения обеспокоенность, граничащую с паникой. Вспомнив о тяжелых го-

Были организованы пункты продажи керосина по твердой цене ниже рыночной раза в три. Простаивать за дешевым топливом приходилось подолгу, но оно спасало. В столице и за ее пределами удалось наладить отопление в больницах и детских домах. Правда, в некоторых средних школах, тех, которые отапливались природным газом, учеников вынуждены были распустить. Как утверждают в министерстве образования страны, пропущенные из-за этого занятия будут впоследствии восполнены за счет проведения уроков по субботам.

В столице ни на один день не прекращали работу хлебозаводы. В Тбилиси и регионах было проведено несколько акций по безвозмездной раздаче хлеба и дров малообеспеченным семьям. Продолжали работать в прежнем режиме предприятия общественного питания, в том числе и в первую очередь, бесплатные столовые для нуждающихся людей.

Таким образом, на бытовом уровне все вроде бы обошлось. Однако, с самого же начала случившееся вызвало кипение политических страстей, поставив под новую угрозу и без того далекие от идеальных отношения между Грузией и Россией. Уже в день, когда произошли взрывы, стороны начали искать ответы на извечные российские вопросы: «кто виноват?» и «что делать?», обменявшись достаточно резкими выпадами в адрес друг друга. В специальном заявлении в связи со сложной ситуацией в энергетике президент Грузии Михаил Саакашвили выразил мнение, что со стороны России предпринят акт саботажа против энергосис-

дах, казавшихся ушедшими безвозвратно, сограждане извлекали благоразумно припрятанные в свое время керосинки и примусы, устанавливали печки-буржуйки. Резко подскочили цены на керосин и дрова. Узнав о случившемся, автор этих строк пять часов проторчал на морозе в очереди, чтобы заправить сжиженным газом переносной пятилитровый баллон, которого, как показывает опыт, семье, живущей в строгом режиме экономии горючего, хватает дней на десять. Рядом стояли сотрудники интерната для глухонемых детей с баллонами гораздо большего объема. Они опасались, что не смогут обеспечить воспитанников горячим питанием. Очередь, выразившая-было возмущение по поводу их непомерных аппетитов, узнав, кто эти люди, единодушно пропустила воспитателей вперед.

Впрочем, уже в понедельник волнение постепенно улеглось и положение начало стабилизироваться.

темы нашей страны. Он подчеркнул, что Россия пошла на такой шаг с целью вынудить Грузию передать ей магистральный газопровод и другую газовую инфраструктуру на своей территории. Председатель парламента Грузии Нино Бурджанадзе высказала позицию высшего законодательного органа по этому вопросу, заявив, что парламент не поддержит изменения, которые снимут запрет на приватизацию газопровода.

В ответ последовало заявление российского МИД, в котором поведение грузинских политиков называлось «истерией и вакханалией, направленной на раскручивание нового витка антироссийской кампании». В документе позицию грузинской стороны объясняли «смесью иждивенчества, лицемерия и разнузданности, помноженной на ощущение безопасности в надежде найти на Западе покровителей своей антироссийской линии». Российский «Газпром», впрочем,

призвал воздержаться от того, чтобы излишне политизировать ситуацию.

К вечеру 22 января перед зданиями штаба Группы российских войск в Закавказье и посольства Российской Федерации в Грузии началась акция с участием представителей широких слоев общества, в том числе, творческой интеллигенции и студенческой молодежи. На ней большому северному соседу припомнили все обиды и высказали претензии, как связанные с энергоснабжением, так и достаточно далекие от него. Взрывы на газопроводе и ЛЭП «Кавкасиони» расценивались как попытка России применить энергетические рычаги для оказания давления на Грузию, в

частности, в связи с предстоящим в самое ближайшее время обсуждением в грузинском парламенте вопроса о выводе российских миротворцев из зоны грузино-осетинского конфликта. Акция продолжалась до глубокой ночи и возобновилась утром. Однако, уже к вечеру следующего дня была прекращена.

Позднее тон высказываний, во всяком случае официальных, стал значительно более сдержанным. Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Грузии Владимир Чхиквишвили назвал инциденты в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии хорошо спланированными террористическими акта-

ми, которые стали вызовом России едва ли не в большей степени, чем Грузии. На пресс-конференции дипломат выразил мнение, что диверсия явилась ударом по российско-грузинским отношениям, а ее заказчиками и исполнителями выступили силы, которые не заинтересованы в развитии отношений партнерства и добрососедства между двумя странами. Он заявил, что сложившаяся ситуация ставит под вопрос целесообразность двустороннего сотрудничества в области новых энергетических проектов и напомнил, что Россия несет в связи со случившимся серьезные убытки. Владимир Чхиквишвили подчеркнул, что после того, как было выработано соглашение по выводу российских баз из Грузии, в отношениях между двумя странами наметился определенный позитив, но последующие события свели эти перспективы на нет. «Сегодня наши отношения развиваются ненормально, и их состояние тревожное», - сказал дипломат.

В эфире радиостанции «Эхо Москвы» государственный министр Грузии по урегулированию конфликтов Георгий Хаиндрава также высказал мнение, что, скорее всего, взрывы на газопроводе были террористическим актом. Это, считает он, подтверждается информацией о найденной на месте происшествия взрывчатке. По словам госминистра, авторами теракта могли являться лишь недруги России и Грузии, которые пытаются таким образом вбить клин в отношения между двумя странами.

Некоторые эксперты склонны рассматривать диверсию, как предупреждение со стороны агрессивных сил, заинтересованных в разжигании новых очагов напряженности на Кавказе. Впрочем, на ряде российских сайтов в Интернете мелькали высказывания о возможной причастности грузинской стороны к терактам на газопроводе. Грузии, в общем, не впервой оказываться в положении гоголевской унтер-офицерской вдовы, которая, как утверждали герои бессмертной комедии, сама себя высекла. В то же время, по логике, любой скандал в связи с российскими энергопоставками должен противоречить и интересам России, как крупного экспортера энергоносителей. Уже хотя бы потому, что это отрицательно влияет на имидж России как надежного поставщика. Не надо забывать также, что кем бы ни был спланирован и осуществлен террористический акт, Россия несет за него ответственность, поскольку произошел он на ее территории.

В любом случае, окончательный ответ на первый из двух извечных российских вопросов могут дать только следствие и суд, если до него дойдет дело. По факту взрывов на газопроводе в Северной Осетии прокуратура Российской Федерации возбудила уголовное дело по статье 167 Уголовного кодекса РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества). В связи с взрывом опоры ЛЭП «Кавкасиони» в Карачаево-Черкесии уголовное дело возбуждено сразу по двум статьям: «терроризм» и «незаконное хранение боеприпасов и взрывчатых веществ». Пока следствие публично лишь подтверждает версию, согласно которой взрывы квалифицируются, как

заранее спланированная диверсия. Об этом заявил заместитель генерального прокурора России Николай Шепель, сообщив, что мощность взрывных устройств, обнаруженных на месте преступления, могла соответствовать примерно 700-800 граммам в тротиловом эквиваленте.

Что касается второго извечного вопроса, искать ответ на который суть занятие более разумное и продуктивное, чем пытаться отвечать на первый, то тут, как представляется, все ясно. Во всяком случае, для Грузии. Энергетическая блокада, какими бы причинами она ни была вызвана, со всей очевидностью поставила вопрос об обеспечении собственной безопасности в области энергетики. Во-первых, путем поиска альтернативных поставок углеводородов параллельно с укреплением партнерства с Россией, во-вторых же, путем развития собственного энергетического сектора. 23 января в Гардабанском районе состоялось торжественное открытие новой теплоэлектростанции комбинированного цикла мощностью 110 мегаватт. Выступая на презентации, Михаил Саакашвили назвал ее хорошим примером сотрудничества грузинских, российских и американских компаний. Две газотурбины для теплоэлектростанции были закуплены у американской компании «Pratt & Whitney» и доставлены в Грузию в конце октября 2005 года. Мощность каждой из газотурбин составляет 55 мегаватт. Их покупку профинансировал российский «Внешторгбанк». Смонтировали агрегаты специалисты австрийской компании «Капитал Турбинс». В целом объем капиталовложений составил около 80 миллионов долларов. Пустить газотурбины в день открытия не удалось, поскольку природный газ в Грузию тогда поступал в очень незначительном объеме.

На месте происшествия специалисты компании «Кавказтрансгаз» (это дочернее предприятие российского «Газпрома») в течение недели трудились в круглосуточном режиме, в результате чего последствия диверсии на газопроводе «Северный Кавказ – Закавказье» были полностью ликвидированы 29 января. В соответствии с технологией началось заполнение труб природным газом. Снабжение Грузии и Армении этим видом топлива восстановлено. В начале февраля удалось также восстановить взорванный участок высоковольтной линии электропередачи «Кавкасион».

Параллельно с этим по итогам двусторонних переговоров было заключено соглашение о поставках 30 января в Грузию природного газа из Ирана в объеме два миллиона кубометров. Иранский газ поступает транзитом через Азербайджан по газопроводу, связывающему эту страну с Грузией. Он был восстановлен в прошлом году на средства, выделенные азербайджанским и грузинским правительствами. По этой ветке осуществляются также поставки и собственно азербайд-

жанского газа в объеме 2,5 миллиона кубометров.

Таким образом, как сообщил министр энергетики страны Ника Гилаури, Грузия сегодня имеет возможность реализовывать импорт природного газа сразу из трех стран – России, Ирана, Азербайджана. В совокупности, по словам Гилаури, объемы поставляемого в Грузию Ираном и Азербайджаном топлива составляют порядка 35 процентов от общего объема потребления в стране. Этот газ в основном подается районам Восточной Грузии. В зависимости от российских поставок, поступление топлива из Азербайджана и Ирана со временем может и прекратиться. Однако, подчеркнул министр, Грузия сохранит перспективу газообеспечения из этих стран в случае возникновения такой необходимости.

Наряду с этим, в Европе форсируют решение вопроса о строительстве газопровода через территорию Грузии. Евросоюз намерен одобрить рекомендации комиссии, которая создана в связи со строительством газопровода по маршруту «Азербайджан-Грузия-Турция-Балканы». В перспективе проект предусматривает привязку к основному маршруту ответвлений в направлении «Молдова-Украина». В ближайшее время конкретные вопросы, связанные с реализацией этого глобального проекта, который даст возможность увеличить импорт в Европу энергоносителей из стран Центральной Азии, Ирана и Азербайджана, будут обсуждены на заседании комиссии с участием глав энергетических ведомств государств – членов ЕС.

В Грузии пока не торопятся делать громких официальных заявлений в связи с перспективами строительства нового магистрального газопровода. Хотя, как подчеркнул в беседе с журналистами пресс-спикер президента Гела Чарквиани, этот проект будет иметь огромное значение для нашей страны. По словам эксперта Гии Хухашвили, принятие решения по вопросу об его реализации ускорило актуальность проблемы поиска альтернативных поставщиков углеводородов в самой Европе. В результате, отмечает он, Грузия как транзитное государство превращается в партнера Запада в сфере энергетики. По утверждению Хухашвили это вовсе не означает, что страна должна отказаться от сотрудничества с Россией. На-

оборот, надо стремиться всячески развивать его, поскольку это даст Грузии возможность иметь несколько источников поступления энергетических ресурсов.

Что касается перспектив взаимодействия возможностей внутреннего энергетического сектора, летом текущего года планируется объявить тендер на строительство в стране гидроэлектростанций. Предполагается также возобновить строительство ХудониГЭС, замороженное полтора десятка лет назад.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

ВОССТАНОВИМ МУЗЕЙ

Многими не раз отмечалась особая духовная и интеллектуальная атмосфера Грузии, чудесным образом способствующая пробуждению и развитию талантов. Великий реформатор сцены Владимир Иванович Немирович-Данченко родился в селе Шемокмеди, недалеко от центра Гурии Озургети. Там более 20 лет назад был открыт дом-музей режиссера.

С инициативой восстановления дома-музея Немировича-Данченко выступили Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» и его президент, генеральный директор Тбилисского русского драматического театра имени А. С. Грибоедова Николай Свентицкий, побывавший на родине режиссера. Эту идею он озвучил на форуме творческой интеллигенции соотечественников «Русский язык как фактор сохранения национального наследия и межнационального общения» в октябре 2004 года в Санкт-Петербурге. Она была изложена и во время его встречи с председателем Союза театральных деятелей России Александром Калягиным, который горячо поддержал эту инициативу.

ВЕЛИЧАЙШАЯ МИЛОСТЬ

Родился будущий драматург и режиссер в семье капитана Ивана Немировича-Данченко. Какая же миссия привела его в Грузию? Обратимся к историческим фактам и документам.

«Император Николай I, отдавая полную справедливость отличной храбрости Гурийской милиции, с кою действовала она в отряде генерал-майора Гессе, при нападении 5 марта 1829 года на укрепленный лагерь трапезундского паши Кея-оглу, расположившегося вблизи Николаевской крепости, и желая сделать оной вознаграждение, которое и на будущее время, при распусчении милиции, оставаясь в народе гурийском, служило бы памятником оказанной им храбрости и преданности их правительству нашему, – пожаловал в 1829 году Гурийскому народу знамя, при следующей грамоте:

Божией Милостию Мы, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Гурийскому народу.

Отличное мужество и примерная храбрость, оказанные гурийской милициею 5 марта 1829 года на урочище Лимани, при нападении на укрепленный лагерь трапезундского Кея-оглу паши, обратили на себя Наше благоволение, в ознаменование коего Всемилостивейше

жалуем гурийскому народу препровождаемое у сего почетное знамя, которое повелеваю, как знак монаршего нашего внимания к непоколебимой верности и особым заслугам, а в случае надобности – ополчиться вновь против неприязненных Империи нашей народов, употреблять в походе при ополчении. Пребываем Императорскою Нашею милостию к гурийскому народу благосклонны.

НИКОЛАЙ».

Этот документ – красноречивое свидетельство русско-турецкой войны 1828-1829 годов, завершившейся

подписанием 14 сентября 1829 года Адрианопольского мирного договора. В соответствии с ним к России отошли устье Дуная с островами и ряд крепостей на восточном берегу Черного моря. Турция признала присоединение к России Грузии, Имеретии, Мингрелии, автономии Молдавии, Валахии, Сербии и Греции. Однако русскими дипломатами при установлении границы с Турцией была допущена серьезная ошибка: вместо реки Чорохи была названа Чолоки, в результате чего 50 гурийских селений оказались на территории Турции.

Ошибка пришлось исправлять капитану Ивану Васильевичу Немировичу-Данченко. Он возглавил группу

политиков и военнотружущих, посланных в Грузию с целью уточнения границ, и был направлен в дом Антона Думбадзе – именитого человека, приближенного к правителям Гурии князьям Гуриели. В семье этого тавада (дворянина) выросло восемь детей, из них семеро сыновья. Один стал священником и певчим, пятеро – генералами русской армии, седьмой дослужился до полковника – случай беспрецедентный!

И. Немирович-Данченко сыграл значительную роль в решении проблемы спорной территории. В результате Гурии было возвращено пятнадцать селений. Гурийцы по сей день благодарны Ивану Васильевичу за его городскую миссию.

МАЛЬЧИК ИЗ СЕЛА ШЕМОКМЕДИ

Капитан Немирович-Данченко не захотел покинуть полюбившийся край, решил навсегда обосноваться в селе Шемокмеди. Собирался построить дом, но не успел – вскоре скончался. Ивана Немировича-Данченко похоронили на территории монастыря Шемокмеди.

Сегодня никто не может точно указать, где находится могила, однако старожилам приблизительно известно место захоронения русского военнотружущего – на участке перед монастырем, прямо у подножия крепостной стены.

В этом чудесном крае – Гурии в 1858 году появился на свет маленький Володя (напомним, что у Немировича-Данченко было четыре брата – Василий, Иван, Прокофий, Михаил и сестра Варвара). Сохранилось письмо, в котором дочь Думбадзе, Матуша, сообщает сестре, живущей в Тбилиси, о том, что «в нашей семье родился мальчик» – сын капитана Данченко.

Как рассказал руководитель гурийской неправительственной организации, занимающейся вопросами сохранения культуры в регионе, Алеко Квелашвили, дочери Думбадзе приняли Володю как родного брата, помогли его матери Александре Каспаровне Якубовой в воспитании ребенка. Володя научился говорить не только на русском, но и на грузинском. У мальчика проявились большие музыкальные способности, и он начал учиться церковным песнопениям. В тот период, как мы уже знаем, один из сыновей Антона Думбадзе – Давид был певчим в русском православном храме...

Подросткового Владимира отправили на учебу в Тбилиси, к одной из сестер Думбадзе. Учился будущий режиссер в первой тифлисской гимназии, в одном классе с Александром Сумбаташвили (впоследствии актером, драматургом и театральным деятелем Сумбатовым-Южиным), в этом же учебном заведении получил образование и Васо Абашидзе, впоследствии выдающийся деятель культуры Грузии.

Немирович-Данченко участвовал в любительских спектаклях, пробовал силы в режиссуре... Сыграл роль Жадова в «Доходном месте» А. Островского. Увидев его в этом спектакле, известный актер местного театра настоятельно советовал ему избрать театральную стезю. Известно также, что гимназист Владимир выпускал рукописный журнал, в котором был помещен большой отрывок из «Витязя в тигровой шкуре» Руставели ...

Крупнейший реформатор русского театра, писатель, драматург и педагог Владимир Иванович Немирович-Данченко вернулся в Грузию 28 октября 1941 года, а покинул ее и уже навсегда 2 сентября 1942-го. В 1943 году его не стало.

В музее театра имени Ш. Руставели сохранилась выписка из приказа, датированная 3 декабря 1941 года:

«Согласно приказу N 455 Управления по делам искусств при Совнаркомe Грузии, для участия в творческой жизни ордена Ленина театра имени Руставели назначить народному артисту СССР Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко с 1 декабря с.г. зарплату в размере четырех тысяч (4000) рублей в месяц. Директор театра имени Ш. Руставели А. Васадзе».

– Нас тогда не подпускали к Немировичу-Данченко – он общался только с труппой, только с участниками спектаклей, – вспоминает известный театровед, некогда студент Грузинского театрального института имени Шота Руставели Михаил Гижимкрели. – На наши занятия его не приглашали... Вела курс режиссер МХАТа Ольга Якубовская. Она попросила Владимира

Ивановича прийти на ее урок, на котором Лили Иоселиани, в будущем известному режиссеру и педагогу, посчастливилось показать Немировичу-Данченко свою работу.

Известно, что Владимир Иванович намеревался поставить в театре имени Грибоедова пьесу «На всякого мудреца довольно простоты» – актер Владимир Брагин должен был играть роль Глумова. Состоялась первая беседа актера с режиссером... На сцене театра Руставели предполагалась постановка «Антония и Клеопатры» Шекспира. Немирович-Данченко собирался пригласить на заглавные роли в этом спектакле Верико Анджaparидзе и Акакия Хорава. К сожалению, эти замыслы так и не были реализованы... Чтобы подобрать актеров для спектакля «Антоний и Клеопатра», Немирович-Данченко посещал различные постановки – 27 ноября 1941 года посмотрел «Отелло» с Акакием Хоравой, потом – «Даму с камелиями» с Верико Анджaparидзе.

– Когда Владимир Иванович посмотрел спектакль «Киквидзе» Дарасели, то сказал об Акакии Васадзе в роли заглавного героя: «Зерно образа Киквидзе – шальная пуля!», – рассказывает М. Гижимкрели. – Тогда великий режиссер был весь во власти своей идеи о «зерне» образа, обогатившей систему Станиславского... В Тбилиси состоялся и творческий вечер режиссера, на

приветствовал его от Грузии. Немирович-Данченко, под впечатлением от встречи, подарил земляку фотографию с надписью: «Талантливому представителю Грузии Месхиеву с сердечной благодарностью за то, что он напомнил мне мою юность».

БУДЕМ ГОВОРИТЬ НА ЯЗЫКЕ КУЛЬТУРЫ

В 1958 году в Озургети торжественно отмечали столетие со дня рождения Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Из Театрального общества России в Грузию пришла поздравительная телеграмма, ставшая стимулом, чтобы одна из улиц города Озургети (Махарадзе) была названа именем режиссера. С текстом телеграммы была ознакомлена озургетская общественность. Зал встал и долго аплодировал.

В 1983 году, отмечая 200-летие Георгиевского трактата, в Грузии проходили Дни РСФСР. На родину Владимира Немировича-Данченко съехались выдающиеся деятели российской культуры. Была открыта целая серия памятников, олицетворяющих нерушимость русско-грузинской дружбы – М. Лермонтову, В. Маяковскому, М. Горькому и В. Немировичу-Данченко.

Идея открыть памятник возникла не сразу. С инициативой выступил секретарь райкома Отар Тенеишвили.

Тогда же директор музейного объединения Энвер Гогуадзе предложил создать дом-музей режиссера. На эти цели было выделено 540 тысяч рублей, огромные по тем временам. Однако на пути реализации проекта возникли трудности. В доме, где некогда жили Думбадзе и родился Владимир Иванович, потомки знаменитого княжеского рода уже не обитали. Пришлось искать альтернативное решение – другое место для музея.

– Это округлое здание с очень высокими потолками, красивыми дверями, каменными ступенями, построенное с использованием каштанового дерева, причем в русском стиле – в нем был купол, – рассказывает Алеко Квелашвили. – Оно стояло на каменных столбах. Дом находился ниже Шемокмедского монастыря. В здании был устроен небольшой современно оснащенный зал – мини-театр, в котором установили рояль. Была организована выставка, посвященная В. И. Немировичу-Данченко.

В зале проходили литературные вечера, встречи с участием известных артистов. Музей ежегодно проводил Дни В. Немировича-Данченко. Вспоминали историю семей Немировича-Данченко и Думбадзе.

Рядом с музеем некогда стоял памятник работы скульптора Анзора Гомартели. На его открытие прибыли знаменитые гости – Ангелина Степанова, Владимир Андреев, Евгений Киндинов...

В тот памятный день гости передали в подарок музею много ценных экспонатов, связанных с име-

котором он выступил с воспоминаниями о Тбилиси. Билетов было не достать, а весь сбор пошел на нужды фронта.

Известно, что 23 декабря 1941 года Владимир Немирович-Данченко выступил в театре имени Руставели с лекцией.

Воспоминания о Грузии были дороги Владимиру Ивановичу. Один факт. На юбилее Александра Южина грузинский актер Константин Месхив (Котэ Месхи)

нем режиссера. В Озургетском (тогда Махарадзевском театре имени А. Цуцунава) состоялся вечер дружбы... На этом контакты не исчерпали себя, отношения между озургетскими деятелями культуры и МХАТом стали бурно развиваться. Мхатовская творческая группа в составе режиссера-постановщика Владимира Салюка, заведующего музыкальной частью МХАТа, внука великого режиссера сценографа – главного художника Московского театра оперетты Петра Кириллова и актрисы Светланы Коркошко, выступившей в роли Кручининой, осуществила на сцене озургетского театра постановку спектакля «Без вины виноватые» А. Островского. Его позднее увидели и тбилисцы.

За этим событием последовали малые гастроли Озургетского театра в помещении МХАТа на улице Москвина. Коллектив из Гурии показал два спектакля – «Без вины виноватые», в котором вновь выступила Светлана Коркошко, и «Здравствуйте, люди!» – инсценировка Котэ Ниникашвили по повести Нодара Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион» в постановке Василия Чигогидзе... Спектакли были приняты на «ура».

В подарок мхатовцам Чигогидзе привез макет дома-музея Владимира Ивановича Немировича-Данченко и барельеф с изображением режиссера.

После пресловутой перестройки, в ситуации хаоса и неразберихи режима Гамсахурдиа, музей перестал существовать.

– Местный священнослужитель отец Николоз открыл в его здании церковь и женский монастырь, – рассказывает Алеко Квелашвили. – Тогда указом Кабинета министров Грузии музеи Озургети были ликвидированы, их имущество, экспонаты были переданы в центральный музей города. Судьбу мемориала Немировича-Данченко разделили музеи других озургетцев – Варлама

Симонишвили, Нестора Каландаришвили, Филиппа Махарадзе.

В числе других «испарился» и памятник режиссеру, в обстановке полной безнаказанности, когда грели руки на вывозе цветного металла в Турцию. Злоумышленники провернули свою «коммерческую операцию» ночью...

Вопрос восстановления музея или строительства нового на прежнем месте обсуждался на собрании общности Озургети. В нем приняли участие представители театрального мира, неправительственных организаций, руководство района. Единодушно решили, что если идет речь о восстановлении мемориала, то нужно создать не просто музей В. И. Немировича-Данченко, но Русский дом, то есть место проведения встреч, творческих вечеров деятелей культуры России и Грузии. Это будет культурный центр, комплекс, включающий музей, театр с залом на 800 человек, гостиницу...

– Можно было бы приглашать ветеранов русской сцены на отдых в Шемокмеди, – считает А. Квелашвили. – Вряд ли возможно вернуть здание бывшего музея, находящееся сейчас в собственности церкви. Ситуация изменилась, но возможно организовать музей в том доме, где в действительности родился Немирович-Данченко.

Немирович-Данченко – фигура, значимая как для русского, так и для грузинского народов... Личность Владимира Ивановича может стать мостом между двумя народами. Чтобы сохранить наше общее достояние – Русский дом в Грузии.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

И БЕСКОНЕЧНЫЙ МИР СТРАСТЕЙ И СУДЕБ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Любопытные бывают совпадения: перед уходом на встречу с Робертом Стуруа, случайный взгляд, скользнув по книжным полкам, задерживается на томике Эккертмана «Беседы с Гете». Вернувшись, слышу на телеканале «Культура» монолог Белинского о театре. Подарки неожиданные: и рубрика, и заголовок.

Давнее знакомство с известным режиссером мало что меняет: включая диктофон, волнуясь, как стажер, в чем откровенно признаюсь визави, - и (еще удача) разговор «раскручивается» сам собой, без неизбежного первого вопроса:

- Я тоже всегда волнуясь, когда приступаю к работе. Вообще, это, наверно, одна из «привилегий» творческого человека.

(Можно позавидовать ремесленникам - они делают свое дело уверенно и привычно и всегда знают, что из этого должно получиться. Беседа со Стуруа, приходится быть готовым к неожиданным ассоциациям, парадоксальным (на первый взгляд) суждениям и мыслям, - ко всему, что во многом определяет уникальность его творческой натуры).

НАЧАЛО

- Когда я делал мою первую постановку - в 1961 году в Грибоедовском театре я ставил пьесу Пристли «Сокровище», - очень готовился к первой репетиции, за неделю начал писать «инаугурационную речь». На репетиции были актеры, распределенные на роли, и «обиженные», кому роль не досталась, - как это всегда бывает в театре. Я очень волновался, начал докладывать им свой замысел, концепцию (как меня учил Туманишвили) и почувствовал, что люди начинают постепенно дремать. Вижу, что не получается, но уже не обращаю внимания - будь, что будет. Впереди сидел Смиранин, очень внимательно слушал, но я замечал, что он теряет нить моего рассказа. Не в силу своего возраста, а потому, что я, видимо, говорил косноязычно.

- Это был дипломный спектакль?

- Нет, мы делали спектакль на 5-м курсе, я был тогда на 4-м, но Абрам Исаакович Рубин (в те годы - главный режиссер театра, замечательный человек, мы с ним очень подружились) предложил мне сделать постановку. В общем, я почувствовал, что аудитория «уходит» из-под моей власти, скомкал финал и обратился к публике - есть ли замечания или вопросы. Гробовое молчание подтвердило мой провал. И вдруг сзади, где находился т.н. вспомогательный состав (стажеры, участники массовок), поднимает руку одна из девушек. Я обрадовался и взволновался - вот сейчас будет какой-то сложный вопрос по пьесе. И слышу: «Простите, как вас правильнее называть, Роберт Робертович или Раб'ерт Раб'ертович?». И тогда мне стало окончательно ясно, что мой первый выход на публику не удался.

- Ну, а потом как пошла работа?

- Я слепо подчинился системе, которой меня учили. Это традиционный английский сюжет о золотоискателях, которые нашли пиратский клад, и между ними начинаются распри. Я придумал такую форму, якобы все происходило в тропиках, персонажи в борьбе за эти ценности постепенно дичали, ходили в шкурах и превращались в первобытных людей.

- По тем временам, тема актуальная - «Их нравы»...

- Не «их нравы», а это было как раз время, когда всюду писали о «дельцах», «комбинаторах» и т.д. На этой волне я это сделал, но все было очень схематично. Это можно было построить без внешней атрибутики, из-за чего все получилось очень примитивно. Но актерами я очень был доволен. Я познакомился с Валей Семиной, с Белоусовой, со Смираниным, замечательным артистом, со Злобиным... Всех мне теперь не перечислить, - уже 45 лет прошло. Ровно 45 лет - как раз в январе была премьера. (И потом мы очень часто встречались, особенно, с молодыми актерами, я хотел еще с ними поставить спектакль, но потом уже попал в театр Руставели). Пришел тогда Туманишвили на просмотр, но они не поправили мне ничего. Хотя я думаю, что там много чего стоило поправить. Вообще,

Михаил Иванович никогда не правил мне спектакли. Вот кроме «Перед ужином», где он мне помог сделать первую сцену...

- Когда ставили Розова в театре Руставели...

- Да, и действие пьесы мы перенесли в Грузию. Это был один из таких моих, можно сказать, последних реалистических спектаклей, потому что я думаю, что тогда поставил - может, сейчас хвастаюсь - самый бытовой спектакль по Станиславскому. И я понял, что просто меня это не очень интересует. Я это поставил и свою страсть к этому виду театра как бы исчерпал.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

- И что стало толчком к переходу к иной театральной лексике?

- Я не могу сказать. Видимо, какая-то во мне существует страсть к этому, скажем так, условному театру, где театр не скрывает свое истинное лицо, не делает вид, что это - настоящая жизнь, не лжет,

использует средства, данные ему изначально.

Я думаю, что советский период был очень плохим для русского театра, потому что он как бы уничтожил эту традицию. Особенно, после 38-го года, когда остался практически один театр, одно направление, один стиль – это очень неверно понятый Станиславский. И только после смерти Иосифа Виссарионовича началось какое-то возрождение. Я имею в виду традиции Мейерхольтца, Вахтангова, Таирова. И вообще русскому театру почему-то приписали только одно направление – какое-то бытописание и создание какой-то иллюзии жизни. На самом деле Станиславский ставил очень разные спектакли, и это был путь человека, – на этом пути он и ошибался, и находил, и дошел до очень сложных театральных форм.

- Что характерно и для грузинского театра, особенно после возвращения Марджанишвили, появления Ахметели...

- Я думаю, в грузинском театре, все-таки, больше тенденция не к бытовому театру, а, скорее, к поэтическому. Если посмотреть на историю грузинского театра, – хотя она не очень долгая, но здесь с самого начала есть стремление к лицедейству, откровенности, к игре. Не будем стыдиться и скажем, что мы не можем поставить Чехова. Великий драматург, великий писатель – он, в общем-то, не освоен грузинским театром. Когда в Турции, например (я ставил там 2-3 спектакля), каждый сезон идет несколько чеховских спектаклей (я не буду сейчас говорить, какие они). А здесь вообще Чехова не осваивают. Я думаю, это не потому, что Чехов не понятен, а потому что традиция русского театра как бы заштамповала Чехова только как какого-то бытописателя. А на самом деле это великий поэт театра, и открытие Эфроса – что Чехов писал стихами, – закономерно: он просто расчленил эту прозу и написал ее по ритмам. Вот, допустим, большой монолог Раневской, – он его так распределил, что ты понимаешь, что это – стихи.

- И у Заречной - тоже...

- Естественно! Они говорят не реалистическим языком, – просто, мы им приписываем это. Кажется, в 79-м году я написал в журнале «Современная драматургия» статью о Чехове (я уже хотел тогда ставить «Вишневый сад») и указал на очень странные связи между Шекспиром и Чеховым. Допустим, если мы возьмем «Чайку» – первую пьесу – то заметим, что просто зеркально взята история «Гамлета»: Тригорин – это Клавдий, Аркадина – Гертруда, сам Гамлет – это Треплев, ну, Офелия... И пьеса начинается с «мышеловки». Конечно, там видоизменены мотивы, но невольно эта ассоциация рождается, потому что мы видим как бы парадигму пьесы Шекспира. «Три сестры» – если глубоко вдуматься, то можно представить, что это «Король Лир» после смерти Лира. Все проблемы как бы соприкасаются с шекспировскими проблемами. Это он не мог делать несознательно. И я думаю, когда этот быт конца XIX века и начала XX века исчезнет, станет достоянием истории (для режиссера и актеров главное – решить человеческие проблемы), че-

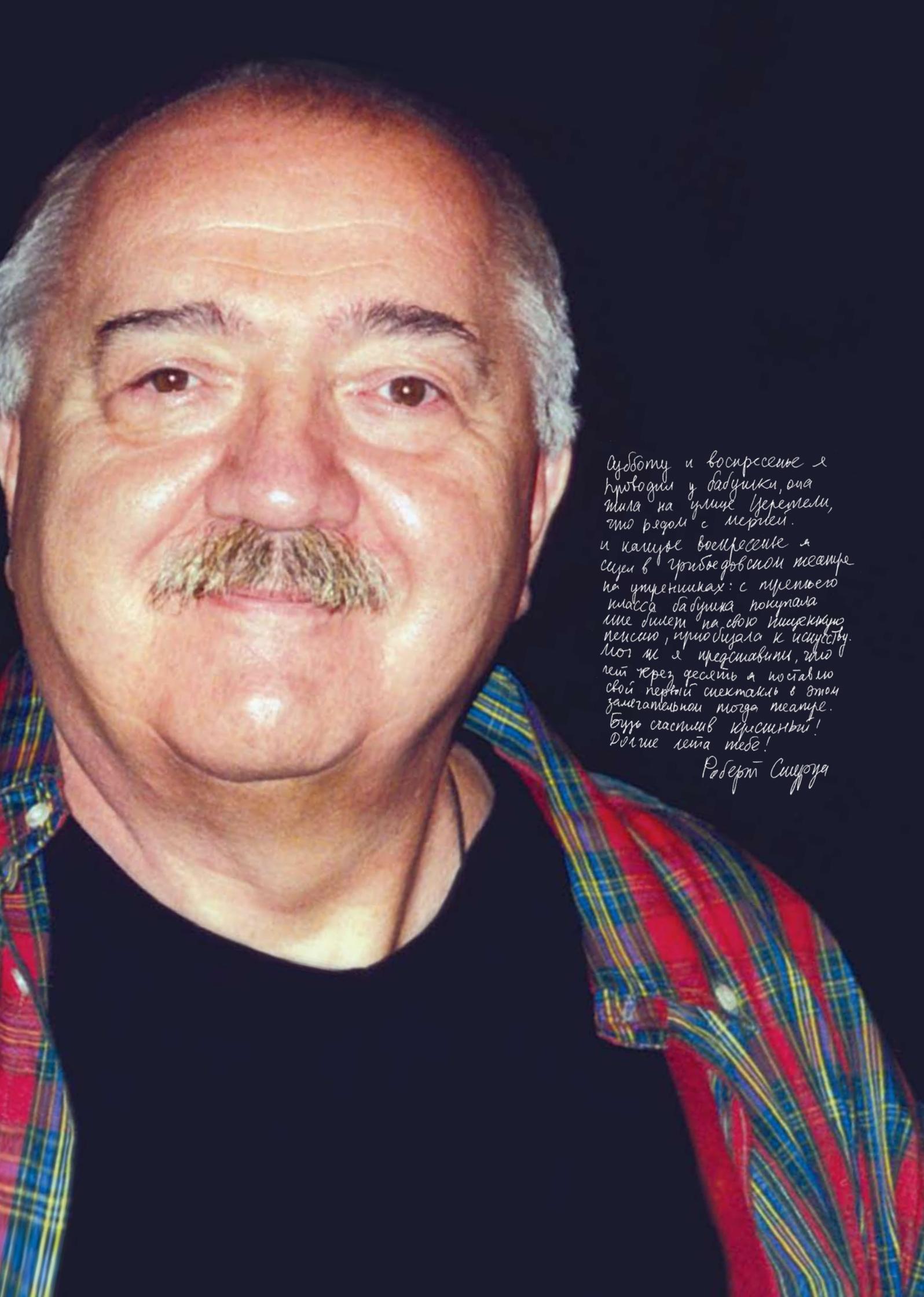
рез сто лет, когда все это забудется, вот тогда, наверно, Чехова можно будет ставить. Я поставил два чеховских спектакля в Англии – «Три сестры» и «Чайку» – и пришел к заключению, что его никто не может сейчас поставить. Проблемы, которые там заложены, не поддаются человеческим возможностям постановщиков. Во всяком случае, я этого не видел.

- Но почему это так – ведь классическая драматургия, как и поэзия, – всевременна?

- Да, но если мы возьмем, допустим, Шекспира, – его пьесы (мы, правда, не совсем убеждены, кто это писал) имели успех при его жизни. Потом вдруг на сто лет он исчез, – его ставили, но это был, с позиций англичан эпохи Просвещения, не совсем хороший драматург. А в XIX веке вдруг произошел взрыв, и Шекспира начали ставить как романтического писателя, – а он совсем не романтик. И только в XX веке начались попытки по-настоящему вскрывать суть его поэтики, потому что это сложный писатель. Я бы сказал, если бы не появилось кино, то очень сложно было бы воспринимать эти его маленькие сценки – почти монтажные, побочные сюжеты, наличие очень многих героев... Когда я его сейчас читаю, мне даже иногда кажется, что он плохой драматург. Французы, кстати, считают его (они, конечно, очень тактично об этом говорят) человеком с не очень хорошим вкусом. Французский классицизм не показывает никогда такое выражение эмоций, и никогда убийство не происходит на сцене, а если и случается, то, скорее, – в романтической комедии. Поэтому наличие таких страстей для них – не совсем хороший вкус. Если взглянуть на историю французского театра, – там по Шекспиру мало выдающихся спектаклей. Скажем, Жерар Филип был бы, кажется, замечательным Гамлетом, да? Но он его не сыграл, он сыграл, допустим, Сиде...

- Корнель, Расин, Ростан...

- Да. Но ведь он был просто создан для роли Гамлета, как мне кажется. Но, видимо, даже не подумали об этом... Поэтому, драматурги – они как бы живы, но, в то же вре-

Субботу и воскресенье я
проводил у бабушки, она
жила на улице Черемухи,
то рядом с перекрестком.

и каждую воскресенье я
сидел в Цюльбедовском театре
на утренниках: с третьего
класса бабушка покупала
мне билет на свою Инженерную
пенсия, приводила к искусству.
Может и я представил, что
лет через десять я поставлю
свой первый спектакль в этом
замечательном тогда театре.
Будь счастлив Кристина!
Долгие лета тебе!

Роберт Смирнов

мя, постоянно – особенно классики – меняются вместе с миром. Т.е., мир, изменяясь, влияет на них, что не происходит с другими видами искусства. Может быть, это происходит с музыкой...

- Как Бах вернулся к нам когда-то...

- Да. Потому что это, все-таки, тоже исполнительское искусство, – музыка должна быть сыграна, мы должны это послушать. Например, музыка XX века нам казалась чудовишной, но сейчас мы уже слышим ее даже в фильмах, – все новации, все достижения – и нормально воспринимаем эти диссонансы, они кажутся нам уже гармоничными. То же самое – драматургия. Это действительно на века написано, потому что человек, в общем-то, по сути, не меняется. Если бы он менялся, то мы отбрасывали бы и литературу, и живопись – все это оказалось бы ненужным.

- И вы своими чеховскими постановками недовольны?

- Скажем, «Три сестры» я сделал в 2-х актах, и первый был просто замечательный, как мне кажется. Но он не отражал основную мысль Чехова – взаимоотношения людей и времени – как время безжалостно обращается с героями, и как они сами (кто сознательно, кто невольно) приближают то, что их губит, – такое изначально свойственное всем героям стремление к смерти.

- Кстати, я не был в восторге от «Вишневого сада» Питера Брука, когда он показал его здесь...

- Да, мне эта версия тоже не понравилась, потому что я видел первый спектакль, когда он поставил в Париже, с этой же актрисой, своей женой, – это было замечательно. Потом он повторил его в Америке (там он тоже театр свой построил), но это было уже не то, – какое-то бессилие ощущалось, словно немножко уставший человек что-то там рассказал, не будучи сам во всем этом заинтересован. Конечно, говоря «не понравился», я имею в виду его уровень, иную шкалу ценностей.

ИНЫЕ ВРЕМЕНА

- В таком случае, что можно сказать о нынешнем театре, в частности, о российском, о грузинском. Русский театр – это, ведь, вообще выдающееся явление в мировой театральной культуре...

- Да, конечно. Тем более, что я как-то связан с русским театром, – я там поставил несколько своих спектаклей. И некоторые – очень хорошие, есть посредственные, но все время меня зовут туда.

- Это «Шейлок» по Шекспиру и «Последняя лента Креппа» Беккета в театре «Et cetera» у А. Калягина, «Гамлет» и «Сеньор Тодеро» Гольдони в «Сатириконе» у К. Райкина...

- И еще «Ромео и Джульетта» в театре антрепризы. Деньги на эту постановку добыли девушки-организаторы независимой премии «Чайка» и пригласили меня.

- Вы лауреат этой престижной театральной премии...

- Да, и это стало для меня очень приятным событием. А в этом спектакле заняты самые популярные артисты, но это имело негативные последствия, потому что очень сложно было всех их вместе собирать, – то они снимались, то куда-то уезжали, – все они востребованы до предела. Я просто не успел все доработать. Например, исполнитель роли Меркуцио приехал прямо накануне генеральной репетиции на публику, будучи две недели в Париже. Мы сыграли два спектакля, а потом у меня было время, – после показа на зрителя

я обычно начинаю 2-3 недели по-настоящему делать спектакль, но я не смог приехать в Москву (пришлось лечь на операцию). Они тоже были очень огорчены, – спектакль шел не собранный, не сбитый, надо было что-то сокращать, менять сцену, немножко вяло все это было... Жаль, потому что там у меня были интересные находки...

Но я должен сказать, что, мне кажется, сейчас русский театр, так же, как и грузинский, проходит через какой-то кризис. Я часто говорю об этом, но думаю, что это – постоянное состояние театра, – как кризис у поэта, когда он напишет одно удачное стихотворение, а пока появится следующее – это тоже кризис. У него просто побольше стихотворений получается, у режиссеров – меньше. Но это состояние кризиса сейчас как бы овладело всеми театрами, особенно, русскими. Мне кажется, стремление очень вырваться в лоно (я так это назову) немецкого провинциального концептуального театра – оно, может быть, и хорошо для какого-то опыта, но лично меня раздражает.

- Может, это связано с чисто финансовыми проблемами и потерей театралов, которые прежде заполняли залы, – теперь их надо завлекать чем-то иным?

- Нет, я не думаю, чтобы в Москве сейчас была такая ситуация, – там вернулась публика в театр...

- Но там прошли через это...

- Да, но я имею в виду другую тенденцию. Например, мой немецкий коллега приехал на премьеру моего спектакля «Три сестры» в Лондоне (тогда немцы уже начали очень мощные эксперименты проводить с драматургией) и на мой вопрос – как тебе понравилось – сказал, что это – постыдно. А когда я оправдался, что это – Чехов, и что я тут могу сделать, он сказал: «Ну, хотя бы, роли трех сестер дал мужчинам!». Здесь изначально заложено это направление – не знаю, как его назвать, постмодернизмом или концептуальным театром, – когда обязательно надо переносить действие куда-то в другой мир, другие времена или в безвременье... Все это – уже такие заштампованные приемы, которые в течение 20 лет, вроде бы, стабилизировались, и вот теперь увлечение этим русским театром я бы назвал не очень искренним. Этот театр не может тебя по-настоящему захватить. Может быть, я ошибаюсь, может, я уже постарел, но когда я вижу эти спектакли, – они очень красивые, очень профессиональные иногда, но мне кажется, что актерам нечего играть, – мысль, которая должна в них быть, мне кажется, исчезла. И потом, все-таки, традиция русского театра – реализм. Когда, допустим, Мейерхольд ставит такую бытописательскую пьесу как «Лес» Островского в кубистической манере, он все-таки умудряется стилистику сохранить. Я думаю, что режиссеры, вместе с преподнесением каких-то своих новых идей, еще и иллюстраторы. Когда пианист играет Шопена, это должен быть Шопен, – может быть, в очень оригинальной трактовке, но я должен почувствовать: да, как он гениально обнаружил в моем любимом Шопене какое-то новое качество. Когда я ставлю Шекспира или, скажем, Островского, я, все-таки, не должен забыть, что это Шекспир, а вот это – Островский. Как, допустим, Дон Кихота иллюстрировали Дорэ и Пикассо, но в обоих случаях ты видишь, что это – Сервантес.

ОДА ЛИЦЕДЕЙСТВУ

Спектакли Стурау обычно очень зрелищны: остроумные находки, предельно простые и образные, легко воспринимаются, вовлекая нас в стихию игры и условности. Вспомните лошадь в «Кавказском...», откровенно демонстрирующую свою арматурную «сущность», как бы напоминая нам об условиях игры, или микрофонный шнур, «играющий» роль шаткого мостика, – в 1977 г. эта сцена привела в восторг московский театральные бомонд.

- Фантазия, образность – одни из самых заметных ваших помощников в завоевании зрителя...

- Моя фантазия зиждется на очень конкретных ассоциациях. Я никогда не отличался особенно сильной фантазией во время учебы и первые несколько лет, но потом я как бы начал понимать, как ее развить (не буду выдавать свои секреты). Но для меня в основе фантазии лежат очень конкретные цели, причины, мотивы, и я все могу объяснить, хотя мои объяснения могут показаться очень примитивными. Как говорит Анна Ахматова, – «...из какого сора растут стихи» – вот иногда не хочется об этом рассказывать, потому что это мешает восприятию самого стиха. Есть, конечно, зрители, которые хотят увидеть в театре «почти как настоящие» дом, деревья или реку, но внутренне человек, все-таки, приходит смотреть на людей, которые его обманывают, – т.е., на группу лицедеев, шутов (трагических шутов, может быть). И он этой игре поддается, – как сказал поэт, «...над вымыслом слезами обольюсь...», – в этот вымысел он верит изначально. Мне очень нравится притча, которая бытует в английском театре. В конце представления «Отелло» один очень эмоциональный зритель убил из пистолета Яго, а потом, осознав, что он совершил, выстрелил в себя. По легенде их похоронили рядом, и эпитафия гласила: «Лучшему артисту и лучшему зрителю». Брехт говорит, что следовало написать «худшему артисту и худшему зрителю», потому что один играл так, что заставил этого человека забыть, что это спектакль, а этот дегенерат забыл, что он – в театре (смеется). Ну, конечно,

это тоже своеобразная ироническая шутка, но я с нею согласен.

ВРЕМЯ И МЕСТО

- Товстоногов, например, в беседе со мной (в конце 70-х мы вместе были в Америке и очень подружились) сказал, что ему не понятно, почему действие классических пьес (допустим, шекспировских, мольеровских) часто переносится в современность. Кстати, он замечательно знал грузинский язык. Может, немножко отвык говорить, но понимал абсолютно. Потом уже со мной он быстро все восстановил.

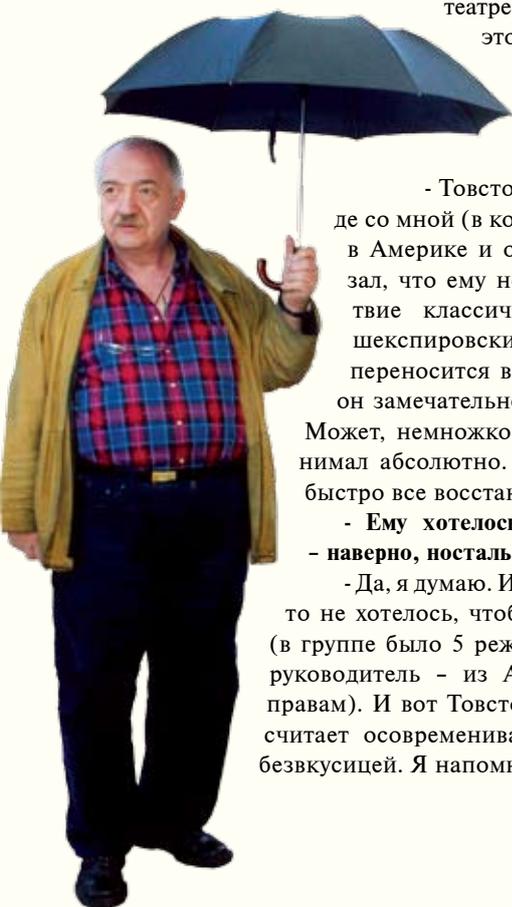
- Ему хотелось говорить по-грузински, – наверно, ностальгия сказывалась?

- Да, я думаю. И потом, нам иногда просто не хотелось, чтобы другие нас понимали (в группе было 5 режиссеров, один критик и руководитель – из Агентства по авторским правам). И вот Товстоногов тогда сказал, что считает осовременивание классических пьес безвкусицей. Я напомнил ему, что Шекспир не

написал ни одной современной пьесы, – все они исторические, из античной жизни, или фантастические. Вот, допустим, «Антоний и Клеопатра», – они тогда уже знали приблизительно, как в то время одевались египтяне и римляне (были какие-то раскопки, выходили книги), но он все свои пьесы играл в костюмах елизаветинской эпохи, т.е. в современных костюмах. Эту традицию заложил сам драматург, просто мы не обратили на это внимание. И только в XIX веке, в эпоху романтизма, начали переносить действие пьес в те места и времена, о которых они написаны: скажем, Рим – в римских костюмах, если «Гамлет», то обязательно Эльсинор и т.д. А XX век вновь вернул традицию Шекспира, – для него не важно было, как они одеты, потому что все его пьесы – это пьесы, написанные поэтом, где время не является главным фактором.

- Ваши многолетние партнеры по театру – композитор Гия Канчели, художники Гоги Месхшвили, Мириан Швелидзе, Темур Ницуа. Чего здесь больше – это нежелание что-то менять, максимальная уверенность в том, что понимаете друг друга с полуслова? Не было желания внести что-то новое в этот сыгранный за многие годы ансамбль?

- Раньше мне говорили, что я, в принципе, как бы все время ставлю один большой спектакль. Я должен сказать, что, к сожалению, все режиссеры так делают. Есть нечто, что должно быть постоянным. Но, как мне кажется, когда, допустим, ты приходишь в галерею и узнаешь, скажем, Рембрандта или Ван Гога или там Мондриана, ты не говоришь, – почему он все время одинаково рисует? Когда ты слушаешь музыку и узнаешь Чайковского или Стравинского, – ты даже горд этим. А когда смотришь спектакль и узнаешь почерк режиссера или актера, то заявляешь свысока: «Ну во-от, снова он повторяется»... Но сейчас, оглядываясь назад, мне кажется, что я ставил очень разнообразные спектакли, и они не похожи один на другой. Т.е., конечно, похожи, но не только по стилистике, а, скорее... Я бы сказал, моим взглядом на жизнь. Я думаю, что режиссеры все-таки должны быть немного философами. Я не говорю, что надо превращаться в Гегеля, но они должны, по крайней мере, говорить со мной, и что-то новое мне говорить о жизни, о смысле жизни, о проблемах, которые касаются бытия человеческого, а не просто ставить спектакли. Это сразу распознаешь: можно смотреть шикарный экспериментальный спектакль, но чувствовать, что режиссер в этом слаб, не знает, о чем говорит, не знает жизни, не может с тобой говорить о проблемах, которые, ну меня, по крайней мере, как зрителя волнуют. Поэтому, когда я беру, допустим, все время Гию и троих моих художников, – во-первых, они знают меня, и нам даже не нужно друг другу объяснять что-то, обговаривать детали, – мы говорим о сути. Я им говорю, что мне нужно, очень примитивным языком, – у нас свой какой-то лексикон. Вообще в театре говорят на каком-то «птичьем» языке, и когда один театровед записывал мою репетицию на «Кавказском меловом круге» (по просьбе журнала «Театр») и я потом это прочел, то ужаснулся, потому что все это было на абсолютно непонятном языке, – обрывочные фразы, междометия... Но мои коллеги и актеры улавливают, что я имею в виду, или даже догадываются: «Да, да, все понятно». Т.е., вербальность наша – она выглядит очень странно для посторонних.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

- Руставелевцы наконец вернулись на родную сцену, прошла первая премьера...

- Да, эти годы были для нас нелегкими. Но теперь вот пришли молодые артисты, – я каждые 15 лет (уже, кажется, в четвертый раз) беру молодых артистов, чтобы жизнь продолжалась в этом театре. И я думаю, что даже мой недавний сердечный приступ – он, все-таки случился и от этого спектакля («Солдат, любовь, телохранитель и президент» - А.Б.) потому что, во-первых, я очень волновался за них, – они впервые выходили на нашу сцену. К тому же пришлось неделю не спать по ночам из-за освещения, потом

из-за ночных репетиций, из-за своих волнений, потому что четыре года театр ничего не показывал – и вдруг премьера. Артисты еще молодые, хотелось, чтобы они не провалились. Они, кстати, очень хорошо вписались, – не скажу, чтобы хватали звезды с неба, – просто впервые не утонули. Хотя приехавшие на юбилей Грибоедовского театра гости пришли к нам посмотреть первый акт (который многим не нравится, кажется скучноватым) и были в восторге настолько, что Шадрин (заместитель К.Лаврова и директор Чеховского фестиваля – А.Б.) пригласил нас на Чеховский фестиваль, чего никогда прежде не делал. Это пьеса о власти и о простом человеке.

- По сути, извечная ваша тема – и «Кваркваре», и «Кавказский...», и «Ричард...», «Король Лир», «Гамлет»...

- Да, и она сейчас воспринимается вроде как о нынешней власти. Но я здесь как бы обобщил опыт свободной Грузии – с 89-го года – и указал, как мне кажется, на несколько причин, почему мы находимся в таком положении. Никакой конкретной личности там не указано, – это опыт всех трех президентов, всех парламентов. Это очень сложный спектакль, сложнее, чем все остальные, особенно, первый акт, – многие его не понимают, хотя другие считают, что первый

акт намного лучше, и второй больше похож на сатиру.

А «Стикс» был поставлен 2 года назад у нас на «чердаке», когда в театре шел ремонт. И сыграли мы его впервые в Москве, в Доме кино (мы тогда повезли два спектакля – «Гамлет» и «Стикс»). И вот «Стикс», который на «чердаке» мы играли на 80 зрителей, был показан в огромном зале на 1200 человек. В нем нет ни слов, ни балета, ни пантомимы, актеры просто передвигаются в пространстве, – волнение наше было понятно, – и вот когда этот зал застыл на полтора часа, а артисты, может быть, впервые сыграли так, как и надо было играть, – с какой-то магией... Этот спектакль действительно долго готовился, я делал несколько экспериментов в этом жанре, – в как бы, ну, скажем, невербальном театре.

- Он мог появиться, если бы не было одноименного опуса Гии Канчели?

- Я ведь ставил на эту музыку спектакль к Сорока дням трагедии 9 апреля, – тоже, кстати, в исполнении Башмета, которому Канчели посвятил свой «Стикс». А в этот раз я послушал эту музыку, мне просто захотелось. Мы тогда уходили из театра (здесь начинался ремонт), это было под новый год, и Гоги и Рамаз (Г.Гегечкори и Р.Чхиквадзе – А.Б.) выступили на полутемном зале – свечи у нас горели, какие-то «дежурки» – и они сказали, что, может, кто-то уже не вернется в этот театр... И мы пошли пешком к театру в Царском квартале, где должны были временно работать. Многие действительно не вернулись, – жизнь такая штука, – и тогда я решил посвятить этот спектакль людям, которых мы за эти 15 лет потеряли, – близким, актерам, всем, кто покинул этот мир... Но потом посвящение постепенно исчезло, и спектакль приобрел какое-то другое звучание: мне кажется, это разговор о нашей сложной жизни, об этих 15 годах, которые мы как-то прожили и пока что выжили. Нас еще ждут, наверно, какие-то испытания, как мне кажется...

В минувшем году мир отмечал 60-летие окончания Второй мировой войны, и я поставил в Буэнос-Айресе пьесу Брехта «Карьера Артуро Уи» – в своей версии (в конце 80-х Стурúa уже ставил в Аргентине и тоже Брехта – тогда это была «Матушка Кураж...» – А.Б.). Здесь не было разговора о реальном Гитлере, – разговор идет о будущем Гитлере, – и не было даже портретного сходства с известными персонажами. А где-то за неделю до премьеры я ехал в такси, и шофер поинтересовался, кто я такой (к тому времени я уже начал немного говорить по-испански). Я сказал, что ставлю здесь пьесу о Гитлере и т.д. и вдруг слышу: «О, как нам сейчас необходим Гитлер, чтобы навел порядок!» (Усмехается) – Т.е., как здесь говорят о Сталине...

Следующая фраза прозвучит уже при выключенном диктофоне, когда мы беседуем у длинного рабочего стола, где в беспорядке (?) смешались книги, фото, CD, листки с записями, эскизы костюмов, декораций (не тот ли это «сор»?):

- В «Новой газете» я прочел выдержки из книги, которая была издана в Израиле, потом в Германии. Не помню названия, – это дети пишут Богу. В разных странах педагоги попросили младших школьников написать короткие обращения к Богу. Там есть послания и наших детей, и один 8-летний мальчик пишет: «Господи, когда умрут все грузины, кончится Грузия. Не допусти этого!» И еще замечательный вопрос: «А когда на Земле война, ты что – в отпуске?!»...

АНДРЕЙ БЕЛЯВСКИЙ

ЛИДЕР БАНКОВСКОГО СЕКТОРА СТРАНЫ

Сегодня банковский сектор является одной из динамично развивающихся сфер экономики Грузии. Таких темпов развития банковского сегмента на протяжении последних пяти лет не было ни у одного государства СНГ Восточной Европы.

К тому же, последний период отмечен позитивной тенденцией восстановления доверия населения к банкам. Можно надеяться, что канули в прошлое времена, когда вкладчики, обманутые обещаемыми раздутыми процентными ставками, в конечном счете полностью теряли свои сбережения. Сейчас они могут довериться реальным обещаниям надежного банка.

«Объединенный грузинский банк» занимает 16 процентов финансового рынка Грузии и в масштабах страны посредством широкой сети своих

филиалов (более 40 филиалов и сервис-центров) предлагает потребителям полное банковское обслуживание.

Корреспондент «Русского клуба» встретилась с генеральным директором банка Юзой Михайловичем Тавдишвили.

- Расскажите, пожалуйста, кратко об истории создания банка.

- «Объединенный грузинский банк» был основан в 1995 году. С первых же дней функционирования были определены направления его развития, что подразумевало формирование универсального банка с широкой сетью обслуживания и современными банковскими продуктами. Приоритетами банка стали: создание эффективной системы управления, развитие высших технологий, внедрение новых банковских продуктов.

7 апреля 2005 года ОГБ исполнилось десять лет. Несмотря на сложную, неустойчивую экономическую ситуацию, банк в течение этого периода стал лидером банковского сектора страны.

Сегодня «Объединенный грузинский банк» активно сотрудничает с международными финансовыми инс-

титутами, банками, инвесторами, государственными и негосударственными организациями, ведущими грузинскими компаниями, корпоративными клиентами и физическими лицами.

Капитал банка составляет 24 млн лари. В ближайшее время будет осуществлена эмиссия, в результате которой капитал вырастет еще на 20 млн лари. В банковском бюллетене Национального банка мы занимаем третье место. То есть суммарные активы банка составляют 16 процентов в общих активах банковской системы Грузии.

Акционерами ОГБ являются такие организации, как «Европейский банк реконструкции и развития» и «Внешторгбанк», который приобрел солидный пакет акций ОГБ. «Внешторгбанк» – один из ведущих банков России. У него высокий рейтинг, об этом свидетельствует и то, что Агентство рейтинга традиционно называет «Внешторгбанк» самым надежным банком РФ. По данным 2005 года уставной капитал банка составляет 42, 1 миллиарда рублей, а объем активов 508, 2 миллиарда рублей.

- Каков спектр услуг ОГБ?

- Самый широкий. Мы предлагаем все виды банковских услуг, существующих в мире. Это различного рода кредиты, пластиковые карточки, операционное обслужи-

вание, денежные переводы, документальные операции и многое другое.

- Каковы приоритеты кредитной политики банка?

- В этой сфере у нас два приоритета – это обслуживание крупного и среднего бизнеса и помощь в развитии инфраструктуры по кредитованию физических лиц, то есть микрокредитование. Если в начале 2005 года суммарный объем кредитов, выданных физическим лицам, был около двух миллионов долларов, то сегодня эта сумма составляет около 16-17 миллионов долларов. За год прирост составил почти 14 миллионов долларов. Значительна социальная роль микрофинансирования, ориентированная на преодоление бедности, безработицы, способствующая декриминализации бизнеса. Клиентов привлекают упрощенные требования, доступность микрокредитов и быстрота их выдачи.

«Объединенный грузинский банк» и Европейский банк реконструкции и развития осуществляют программу микрокредитов по финансированию сельского хозяйства в Гори и Ахалцихе.

Кредиты занимают около 78 процентов активов банка.

- Как известно, о надежности банка говорит и рост депозитных вложений населения...

- Конечно. Недавно мы успешно завершили реформу в этой области. Департамент маркетинга подготовил проект, предусматривающий разработку депозитных продуктов нового типа, которые удовлетворят любого потребителя. Сегодня банк осуществляет пять видов депозитного обслуживания, с наилучшими для клиентов условиями. Это растущий депозит, детский, объединенный, сберегательный и срочный.

Рост депозитов внутреннего рынка в 2005 году составил около 60 процентов.

Вместе с тем, «Объединенный грузинский банк» является ассоциированным членом международных платежных систем VISA International и Europay International.

У нас разработана своя высокоэффективная банковская программа, поддерживающая наше управление информационных технологий. Мы закупаем новые современные программы по обслуживанию банкоматов, переводных операций. Внедрена и онлайн-система оплаты коммунальных платежей, ТЭЛАСИ, мобильных телефонов...

- **Международные и корреспондентские отношения...**

- ОГБ прочно интегрирован в международную банковскую сферу. Банк установил профессиональные взаимоотношения с крупнейшими финансовыми структурами мира. Особое внимание уделяется привлечению кредитных линий и осуществлению совмес-

тных проектов. Сегодня банк использует три кредитные линии:

KFW (Кредиторский институт развития Германии) 3323000 EUR

EBRD (Европейский банк реконструкции и развития) 3087000USD

СВГ (Коммерческий банк Греции) 13164000USD

«Объединенный грузинский банк» установил корреспондентские связи с ведущими иностранными банками. Среди них UNION BANK OF SWITZERLAND, Zurich, DEUTSCHE BANK AG, Frankfurt, CITI BANK N.A., New York и многие другие.

По традиции банковские учреждения, осуществляя профессиональную деятельность, одновременно видят свое предназначение и во всемерном содействии сохранению и развитию культуры...

Высоким уровнем благотворительности характеризуется и «Объединенный грузинский банк». Он известен своей поддержкой многих культурных мероприятий, содействием сохранению и развитию духовно-нравственного и культурного наследия нашей страны.

Спонсорство и благотворительность-индикатор приверженности к общественно-значимым ценностям. Банк занимает активную социально ответственную позицию, воспринимая меценатство как неотъемлемую часть сво-

ей работы, позволяющую выполнять свою миссию по отношению к обществу. Спонсорская и благотворительная деятельность банка сочетает в себе долгосрочную поддержку проектов и разовые пожертвования.

На протяжении всей своей истории банк участвует в крупных проектах, направленных на подъем и развитие грузинской культуры, сохранение художественных и исторических ценностей и памятников, и не только грузинского народа. ОГБ содействует и программам, ориентированным на помощь талантливой молодежи.

Серьезное внимание ОГБ уделяет поддержке образовательной и спортивной сфер. Учреждены именные стипендии Джансуга Кахидзе и Гии Канчели для студентов Тбилисской государственной консерватории. Стипендии банка учреждены и для студентов факультетов математики и экономики Тбилисского государственного университета имени Ивана Джавахишвили. Финансовая помощь оказывается заслуженным деятелям грузинской культуры и спорта. При непосредственном участии «Объединенного грузинского банка» один из популярных театральных коллективов Тбилиси – «Театрадури сардапи» – переселился в новое помещение. Банк шефствует и над воспитанниками Коджорской спортивной школы-интерната для лишенных родительской заботы детей.

На данном этапе руководство банка создает специальный фонд помощи Православной Церкви Грузии, который

профинансирует Центр обучения церковных песнопений.

Недавно ОГБ решил оказать помощь и Русскому драматическому театру имени Александра Грибоедова. Финансисты планируют оказать помощь Грибоедовскому театру в сохранении русских традиций в Грузии. Будут профинансированы постановки спектаклей на русском языке, журналы и многое другое... Это будет привлекать внимание и интерес общественности к деятельности русского культурного центра в Грузии.

Банк осуществляет множество проектов для развития экономики Грузии. Совместно с известной компанией «Энерджи-инвест» ОГБ осуществил проект по приобретению, реконструкции и запуску Руставского «Азота». ОГБ с помощью «Внешторгбанка» профинансировал проект по установке в Гардабани газотурбинных комплексов мощностью 110 мегаватт, что позволит значительно улучшить энергоснабжение и энергонезависимость Грузии.

Кроме того, ОГБ – неоднократный лауреат популярного конкурса «Евромаркет». Им получен статус «Евромаркета» для стабильно развивающихся бизнес-структур в регионе. В 2001 году международная платежная система «Western Union» признала ОГБ лучшим банком-агентом Восточной Европы.

ЛИЯ БЕНДУКИДЗЕ

ЧЕМПИОН, СЫН ЧЕМПИОНОВ

Она стояла на пьедестале почета, принимая поздравления под аплодисменты 70-тысячного олимпийского стадиона. Вместе с подругами по команде Ниной Ромашковой и Лизой Багрянцевой. Они первыми из полторы тысячи легкоатлетов завоевали медали в Хельсинки. Ромашкова - чемпионка с новым олимпийским рекордом. Багрянцева - вторая, а она, Нина Думбадзе, рекордсменка мира и безусловный лидер Игр, - бронзовый призер. Но ее медаль весила ничуть не меньше. Мало кто знал в тот дождливый июльский день, что незадолго до Олимпиады Нина попала в автоаварию, повредила колено и после операции, когда времени для лечения и восстановления уже не оставалось, все же приняла участие в Играх, проявив в очередной раз доблесть и стремление к высшим достиже-

ниям. Само появление Думбадзе среди соревнующихся ободрило подруг, и не только их. Старшей сестрой называла Нину бывшая шестой в Хельсинки румынка Лия Манолиу, чемпионка Олимпиады в Мехико, бронзовый призер Рима и Токио, многим ей обязанная.

Отец будущей мировой рекордсменки, Яков Константинович Думбадзе окончил медицинский факультет Берлинского университета и вместе с дипломом привез из Германии жену - баронессу Матильду фон Икскуль, шведку по происхождению. Семья поселилась в Одессе, где губернатором был двоюродный брат Якова Константиновича - Иван Думбадзе. Здесь у супругов родилась дочь, с этим городом связаны ее первые выступления в спорте. Начинала Нина с балета и танцев, бега и прыж-

немки Гизеллы Мауэрмайер, чемпионки Берлинской олимпиады, – 48,31 м. Так было на победных для нее все-союзных первенствах, на чемпионате Европы в Осло, на знаменитой фабрике легкоатлетических и конькобежных рекордов – стадионе «Бишлет».

... Преследователя они обнаружили, едва вышли из гостиницы, и потом долго кружили по улицам Осло, стараясь оторваться от назойливого «поклонника». Но тот не отставал, умело лавируя в толпе. После двух часов погони норвежский полицейский решил подойти к двум красивым подружкам и, достав блокнот, попросил автографы у Нины Думбадзе и Лены Гокиели, выступление которых на стадионе «Бишлет» его восхищало. Скоро все трое оживленно разговаривали. Объясняться с полицейским не составило труда: Лена окончила в Тбилиси немецкую школу, а в семье Думбадзе немецкий, наряду с грузинским, был родным. Уже выиграв золотую медаль, Нина в числе других сильнейших советских спортсменов была приглашена на международные соревнования в Саарпсборг. Маленький городок, расположенный в ста километрах от норвежской столицы, стал ареной ее нового триумфа. Моросил мелкий холодный дождь, но уже первый бросок чемпионки Европы оказался победным – 48,60 м. «Поздравляю вас, фрау Думбадзе, с новым

ков в длину, установила первые все-союзные рекорды, но после травмы переключилась на метание диска и здесь раскрыла свои недюжинные способности.

В конце 30-х годов Нина Думбадзе переехала в Тбилиси, начала тренироваться у Бориса Михайловича Дьячкова, стала его женой. Когда высокая, стройная, красивая, как картинка, Нина входила в круг для метания диска, многие годы перед ней маячил белый флажок в поле, обозначающий мировой рекорд

С Джесси Оуэнсом на Римской олимпиаде. 1960 г.

мировым рекордом», – сказал ей судья, замерявший бросок. «Рекорд Советского Союза, установленный мною, – отвечала Нина, – равен 49,88 м. Буду продолжать соревноваться». Через несколько минут на табло появились новые цифры – 50 м 50 см. К ней бежали взволнованные товарищи по команде, работники советского посольства. Поздравляя ее, председатель легкоатлетического союза Норвегии г-н Хельгессен сказал: «Я счастлив, что видел такой бросок! Два раза в жизни такое не повторяется!»

Так заветный 50-метровый рубеж покорился ей в самых неблагоприятных погодных условиях. 30 раз улучшала Нина Думбадзе мировые рекорды в заочных поединках с Мауэрмайер, пока признание, наконец, состоялось, и ее фамилия появилась в таблице официальных рекордов мира – 53,25!

Произошло это в августе 1948 года в Москве, на центральном стадионе «Динамо», на празднике 25-летия этого спортивного общества. Француженка Мишлен Остермейер, выигрывая в те же дни Олимпийские игры в Лондоне, уступила в заочном споре рекордсменке мира более 11 метров!

К тому времени Нина Думбадзе была одной из самых ярких представительниц советского спорта. Первая мировая рекордсменка, наряду с редкой женской привлекательностью и поистине королевской статью, притягивала сердца людей, была народной чемпионкой. В военные годы, в 43-м – 44-м будучи далеко не в лучшей своей форме, все же выиграла чемпионаты страны, само проведение которых оказало огромное влияние на морально-политическое состояние людей. Потому никого не удивило участие Нины Думбадзе в параде Победы 24 июня 1945 года в Москве, когда она стояла на трибуне в числе почетных гостей народного праздника и, глядя на красавицу грузинку, стоявшую в непосредственной близости от правительственной трибуны, купающуюся в волнах всеобщего почитания, мало кто знал, какую трагедию пережила семья двукратной чемпионки Европы, кавалера орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». В тридцать седьмом арестовали Якова Константиновича – вот когда аукнулась его учеба в Берлине – и долгих 15 лет провел он в лагерях прежде, чем возвратился в семью.

Нина Яковлевна никогда не отказывалась от приглашения участвовать в соревнованиях – всего у нее их было свыше четырехсот, и она не жалела ни сил, ни здоровья,

уставая физически и психологически. И продолжала с редким упорством штурмовать фантастический по тем временам рубеж 60 метров, за которые на тренировках летел ее диск. Вместе с Борисом Михайловичем она разработала и в многотрудных тренировочных и соревновательных условиях с годами довела до совершенства новый, более совершенный стиль метания, когда, появляясь на стадионе, всем на удивление, становилась в круг спиной по направлению метания и совершала поворот быстрым скачком, ловя долгожданные скорость и силу, отличавшие эту уникальную дискоболку. Мировой рекорд ее 57,04 м остался нестираемой строчкой в летописи самых выдающихся достижений своего времени, став наградой новатору, человеку неустанного поиска, лауреату референдума лучших грузинских спортсменов XX века.

Последнее выступление Нины Думбадзе в большом спорте состоялось в 1959 году, когда в интересах грузинской команды она соревновалась на II Спартакиаде народов СССР. А самым молодым легкоатлетом в составе сборной Грузии в Москве был ее сын Юрий – будущий мастер спорта международного класса, двукратный чемпион страны в десятиборье 1963 и 1966 годов, участник Олимпийских игр в Риме и Токио. Юрий унаследовал чемпионские гены родителей – заслуженных мастеров спорта и заслуженных деятелей физкультуры и спорта Грузии. Борис Михайлович был чемпионом страны в беге на 110 метров с барьерами, в дальнейшем, как и его брат Владимир Дьячков, профессор ЦНИИФКа, основоположник знаменитой школы прыжков-высотников (среди его учеников – Брумель, Большов, Кашкаров, Скворцов), был известным спортсменом, а впоследствии стал выдающимся тренером.

Борис Дьячков установил первый рекорд Грузии в беге на 100 метров, был рекордсменом в прыжках с шестом, первым в республике (в 1939 году) покорив высоту 4 метра. Будучи тренером-новатором широкого профиля, он одним из первых в стране опробовал методики прогрессивных тренировок. Это отцу в первую очередь обязан был Юрий своей разносторонностью, что позволяло систематически выполнять на соревнованиях норму мастера спорта в четырех легкоатлетических дисциплинах – в беге на 100 метров и 110 метров с барьерами, в прыжках в длину и с шестом. Братья Владимир и Борис, Юра Дьячков почти полвека безраздельно владели рекордами Грузии.

На Римской олимпиаде Юрий, выступая в компании сильнейших десятиборцев мира, получил травм и не смог стартовать в заключительном виде многоборья – беге на 1.500 метров, но и по сумме девяти видов был девятым в итоговой таблице. В Вечном городе он встретился с легендарным американцем Джесси Оуэнсом.

В олимпийском Токио Юрий был шестым, но рассказывает об этом неохотно, как о чем-то малозначимом. Травмы преследовали его, как и Нину Яковлевну, постоянно. Согласитесь, неудачно упасть с высоты в яму для приземления, заполненную песком и опилками, а не пружинящей поролоновой «перинной», – занятие не из приятных. Да и шесты ломались в его руках, не выдерживая стокилограммового веса. На первенстве СССР 1969 года в очередной раз подстерегла Юрия травма. Врачи запретили занятия спортом, а он проявил характер – вернулся в большой спорт ценой ежедневного, изматывающего труда и через

год занял шестое место в споре сильнейших десятиборцев страны, показав лучший результат в толкании ядра.

Выпускник Грузинского института физкультуры, экономического факультета Тбилисского университета, Саратовского высшего военно-командного училища МВД СССР, заочно – Рижского медицинского института, полковник запаса и доцент Юрий Дьячков многие годы руководил кафедрой физподготовки Академии МВД Грузии, готовил курсантов быть мужественными и сильными, и сам никогда не тушует в кагорте настоящих мужчин. Одним из первых участвовал в ликвидации последствий трагического землетрясения в Спитаке, охранял порядок, спасал людей; во время боевой операции под Цхинвали, рискуя жизнью, вытащил офицера из горящего бронетранспортера.

Все-таки удивительная генетика у этого человека, которого я знаю много лет, со школьной скамьи в знаменитой тбилисской 43-й школе. Не страшны ему ни травмы, ни контузия. Он увлеченно рассказывает, как мать стала дважды чемпионкой в метании связки ручных гранат в послевоенные годы (в виде спорта, совершенно у нас забытом), и показывает серебряную азарпешу – подарок коллег-офицеров Тифлисского гренадерского полка его прадеду Ивану Ефимовичу Дьячкову. Прадед был женат на чеченской княжне. Сын их, Михаил Иванович, служил в Тифлисе заместителем начальника кадетского корпуса. А начальником был сам наместник Михаил Семенович Воронцов.

Вот какие глубокие корни у семьи Дьячковых в Грузии, вот где надо искать объяснение воинской доблести его правнука Юрия.

- Учиться никогда не поздно, – говорит он мне, показывая три международных сертификата американской Академии «Наутилус».

Еще один сертификат выдан ему Российским научным центром восстановительной медицины и курортологии министерства здравоохранения и социального развития РФ. Свой опыт и знания он реализует в медико-оздоровительном центре Давида Татишвили, будучи президентом фитнес-клуба «Наутилус».

Придя в очередной раз в гостеприимный дом Дьячковых-Думбадзе, я не мог не воспользоваться возможностью и спросил Юрия Борисовича Дьячкова, председателя Союза русских Грузии (с конца 2000 года), как он рассматривает нынешние российско-грузинские отношения, которые сегодня оставляют желать много лучшего.

«Родители воспитали меня в спартанском духе и научили одинаково любить обе родины – Грузию и Россию. Вместе с тем до последнего своего дня буду гордиться, что мне довелось родиться и жить в великой стране под гордым названием – СССР.

Идет очередная битва за Кавказ. И чубы в этой битве гигантов трещат одинаково и у грузин, и у осетин с абхазами, равно как и у всех наших соседей по обе стороны Кавказского хребта. И пока паны не договорятся о разделе сфер своих национальных интересов, науськивание друг на друга и соседа на соседа будет продолжаться бесконечно. Моя генетика и достаточное знание истории Грузии не позволяют усомниться в искренности и доброжелательности русского народа к Грузии.

Я одинаково не приемлю как не отвечающих за свои непристойности в адрес Грузии краснобаев из российского парламента, так и нуворишей из грузинского, жирующих на поставках в Россию и одновременно изрыгающих в ее адрес смехотворные угрозы.

В Грузии никогда не было недостатка в трезвомыслящих политиках и общественных деятелях, твердо уверенных в том, что у нас с Россией – общая судьба. Список можно на-

чать с любимых в народе грузинских царей, вернувших Грузию в лоно святой православной церкви после веков принудительного омусульманивания. И продолжить его именами всех героев нашей истории, веривших в Россию, как заступницу и избавительницу. Большинство и сегодня оставалось бы при этом убеждении, если бы не одно большое НО. Это Абхазия. Михаил Булгаков писал, что «москвичей испортил квартирный вопрос». Так вот, всех нас «напряг» именно абхазский вопрос, остающийся главным камнем преткновения на нашем пути друг к другу. В Грузии не без основания уверены, что если бы Россия проявила добрую волю, то абхазы с грузинами давно бы сидели за круглым столом и по хорошему договаривались о принципах и формах совместного общежития. И это непременно произойдет, пусть даже через много лет. Весь вопрос в том, какой ценой? Хотелось бы договариваться под добрый бокал изрядно подзабытого чхавери. И это будет».

На этой оптимистической ноте мы с Юрием Борисовичем завершили нашу встречу, договорившись, что выпьем за достигнутый прогресс из фамильной азарпешу Дьячковых. И пусть это будет по возможности скорее.

АРСЕН ЕРЕМЯН

Моя балетная мама

Детская память - странная: цепкая, крепкая, но избирательная. Иногда выпадает что-то главное, близкое. Так, не помню маму на сцене, хотя в балет ходить начала рано и точно знаю, что смотрела, например, «Бахчисарайский фонтан», когда мама была Заремой (она и партию Марии танцевала, поочередно). Воссоздать балетный облик мамы могу лишь по фотографиям, по свидетельствам близких, да по тому ощущению, что сложилось в конце концов. Сама она была скупа на подробности, говорить о себе не любила. Но в автобиографиях, в выездных делах, в разного рода отчетах была (как и во всем) неукоснительно точной.

Доверимся ей.

Я родилась 27 января 1907 года в г. Тбилиси. Отец, польский крестьянин Иван Устинович Казинец, переехал на Кавказ из Польши после русско-японской войны и женился на тбилисской дворянке Наталье Давидовне Карсидзе.

В нашей семье было три дочери. Отец служил в различных учреждениях г. Тбилиси; скончался в 1918 году. Мать, домашняя хозяйка, умерла в 1925 году.

Девочка из трудовой небогатой семьи выбрала себе балет. Можно сказать иначе: балет выбрал ее; когда кто-то из знакомых привел ее в балетную студию, приняли сразу – данные были бесспорны.

1917-1922.

Я училась в тбилисской балетной студии, принадлежавшей итальянской балерине М. И. Перини. Из учеников этой студии назову также: Вахтанга и Тамару Чабукиани, М. Бауэр, Л. Гварамадзе, Е. Чикваидзе, Лидию и Евгению Семеновых и др.

Одновременно с обучением начала выступать в балете Тбилисского оперного театра. Исполняла детские партии в оперных спектаклях, во вставных балетных номерах и сценах,

1920/1921 и 1921/1922.

Работа под руководством известного танцора и балетмейстера М. М. Мордкина, приехавшего в Тбилиси во главе группы артистов Большого театра. Сольные партии в балетах, поставленных Мордкиным: «Жизель», «Шопениана», «Карнавал», «Привал кавалерии», «Праздник Диониса».

Михаил Мордкин, в короткий срок воспитавший тифлисскую труппу, был творческой личностью такой силы и яркости, что не позволяет себя забыть. Природная мощь, талант и редкий дар педагога не часто соединяются в человеке. Девочка-подросток, с независимым видом читавшая на подоконнике книжку, заинтриговала его. Он угадал в ней завтрашнюю балерину, направил ее, зарядил надолго вперед – практически на весь ее балетный век. Хотел взять с собой в Америку, да мама ее не пустила, а то не писать бы мне этих строк.

Позже она будет доучиваться в Москве, в Ленинграде, повышая квалификацию, но основы были заложены в юности – у Перини, у Мордкина. Благодарная память о них сохранилась у нее до конца.

1921/1922

Зачислена в балетную труппу корифейкой.

1922/1923.

Зачислена солисткой балета. Сольные партии в балетах: «Жизель», «Карнавал», «Коппелия».

Рано осиротев, она рано и начала служить, прибавив себе год, дабы скорее попасть на сцену (на самом деле год ее рождения – 1908). В 14-15 лет – уже солистка балета. С 17-ти сама ставит танцы и концертные номера. Все было рано, прочно и навсегда – в профессии, как и в личной жизни.

Сентябрь 1925. Вышла замуж за Константина Язовича Шах-Азизова, актера и театрального деятеля.

Семья возникла тоже рано и навсегда. Шах стал единственным до конца своих дней, более чем на полве-

ка, и была длинная, щедрая на дары и трудности, жизнь. Потом она прибавит к своей фамилии мужнину и будет именоваться в документах так: М. И. Казинец-Шах-Азизова.

Время 20-х годов, голодное, трудное, обращало все силы на творчество. Театральная энергия была ключом – что в Москве, что в Тифлисе. Молодежь была нетерпеливой и жадной в работе; театр как таковой захватывал ее, дабы не отпустить до конца. И мама, юная балерина, пробовала себя во многих жанрах, на разных сценах, неизменно возвращаясь в свой первый и главный театр.

За период почти 30-летней сценической деятельности я работала в театрах Тбилиси, Баку, Свердловска, Москвы под руководством балетмейстеров: С. Вакарца, М. Мордкина, М. Моисеева, С. Сергеева, С. Семенова, В. Кононовича, П. Иоркина, Д. Джавришвили, В. Литвиненко, В. Чабукиани.

Мною исполнены сольные и ведущие партии в балетах: «Жизель», «Шопениана», «Лебединое озеро», «Коппелия», «Дон Кихот», «Красный мак», «Бахчисарайский фонтан», «Эсмеральда», «Корсар», «Утраченные иллюзии», «Сердце

Татьяна Шах-Азизова

гор», «Малтаква», «Карнавал», «Привал кавалерии», «Шехеразада», «Вальпургиева ночь», «Половецкие пляски» и др.

В балетных коллективах Тбилиси и во время гастрольных поездок мною поставлены балеты «Красный мак», «Коппелия», «Овальный портрет», танцы в операх «Князь Игорь», «Гугеноты», «Лакме», «Джоконда», концертные номера «Вторая рапсодия» Листа, симфонические танцы Грига, «Табакерка» Лядова, «Березка», «Коробейники», различные народные танцы, а также танцевальные номера и сцены в спектаклях драматичес-

ких театров Тбилиси: театра им. Грибоедова, театра им. Марджанишвили, ТЮЗа.

Какой она была балериной?

В воображении моем сливается то, что осталось на фотопленке, и то, что я видела в жизни, и рассказы многих оставшихся очевидцев.

Маленькая, легкая – с нежностью говорил о ней папа. Волевая, упрямая, со скрытым и недюжинным темпераментом, с абсолютным артистизмом во всем – вот она, смесь грузинской и польской, дворянской и крестьянской крови. Сила и чувство формы, скульптурная лепка позы видна в фотографиях на пленэре. Диапазон редкостный, что есть уже в перечне ее работ, где естественно соединились классика, и деми-классика, и фольклор, и эстрада.

Это однако не стало всеядностью. Была своя линия, своя манера в балете, о чем наперебой и хором вспоминали осенью прошлого года три мамины ученицы. Вот они: Рузанна Арутюнова, Нюся (Анна) Церетели, Виви (Ирина) Метревели. Раньше их было четыре; одной уже нет. Но, неразлучные с юности, они сохранили и свою дружбу, и свою верность сцене (до сих пор работают репетиторами в театре), и легкость шага, и живость чувств.

- Вы помните маму как балерину?

- Ни один спектакль Марины Ивановны мы не пропускали.

- Она была очень академичная, на высшем уровне танцевала.

- А как считаете, какая партия ей больше удавалась

- Мария или Зарема?

- Трудно сказать. Она везде была хороша.

- Прыжок у нее был колоссальный. Вот так, знаете, раз! – и легкий прыжок.

- Она «Умиряющего лебедя» танцевала так, что при выходе уже был гром аплодисментов. У нее было такое па-де-буре, что я до сих пор не видела подобного. Как будто ее ниткой тянули. Она стояла, а ее тянули.

- «Умиряющий лебедь» – это была сказка.

- Что в нем было особенного – трактовка, руки?

- Исполнение. Внутреннее чувство.

Им как бы вторит на страницах своей книги воспоминаний еще одна балерина из их плеяды, Тата (Татьяна) Мачабели:

Марина Ивановна не относилась к категории балерин, ошеломляющих зрителя техникой танца. В исполнении всех ее ролей было необыкновенное чувство музыки, эмоции и внутреннего трепета, безукоризненная точность танца.

«Умиряющий лебедь» потрясал в ее исполнении. Волновало уже начало: сам выход, трепетное па-де-буре, руки – большие крылья. И то, что Лебедь появлялся уже ранним, обреченным. Широкие взмахи рук; она падает, потом выпрямляет гордо корпус, тянется, но силы покидают ее. Погибает Лебедь, есть крылья.

Не сговариваясь, они выделили из массы ролей Лебедя, хотя много было другого. Но, как видно, сильнее всего было лирико-драматическое начало. **Внутреннее чувство. Внутренний трепет.** Одухотворенная техника. Сдержанный драматизм.

С сезона 1936/1937 до осени 1945. Ведущая балерина Тбилисского театра оперы и балета.

Последнее десятилетие ее тбилисской жизни про-

шло в родном театре, было напряженным и плодотворным. Было оценено рядом наград, званием заслуженной артистки Грузинской ССР. Но к середине 40-х, вскоре после войны, все изменилось.

Сентябрь 1945. Переезд в Москву, в связи с переводом мужа на работу в московский Центральный детский театр, а меня – солисткой балета ГАБТ СССР.

Март 1948. Перевод на пенсию.

В Большом театре судьба ее не сложилась, не было заметных ролей. А балетный век жесток своей краткостью: в 40 лет, в расцвете сил – на пенсию, вне любимого дела. Далеко не все могут остаться в нем, пусть в ином качестве. У мамы как будто такая возможность была.

С начала 30-х годов я занималась педагогической деятельностью среди артистов балета и в хореографической студии. Вела тренировочный класс солистов балета.

1936-1943. Ведущий педагог и заведующая учебной частью тбилисской хореографической студии, организованной в 1935 году при театре оперы и балета. Мои ученицы, выпускницы студии, стали солистками балета. Помимо этого, я подготовила из состава балетной труппы педагогов-хореографов...

Я с мамой

Снова – воспоминания учениц.

Тата Мачабели:

В числе других учениц студии Перини я была принята в балетную труппу оперного театра. Поначалу на совместных занятиях с артистами мы растерялись от их темпа и техники. Но труппа эта в ту пору была очень дружественна, без интриг, каждому успеху радовались,

М. Мордкин

Мои родители

помогали. Тут мы и поняли, с каким добрым и чутким педагогом в лице Марины Ивановны связала нас судьба.

Приведу лишь один пример.

В труппу поступил молодой Зураб Кикалейшвили, впоследствии – народный артист, педагог, блестящий Яго в балете Чабукиани «Отелло». Но тогда это трудно было предугадать; данные его были неочевидны. И Ма-

рина Ивановна, образец доброжелательности, взялась за него, долго репетировала и первая вывела на сцену, приготовив красивое адажио в оперном спектакле, добившись легкой поддержки.

С тех пор не было случая, чтобы на встрече с балетной братией Зураб не вспоминал свой дебют, страх, дрожание ноги – и шепот Марины Казинец: «Все отлично».

Из разговоров в Тбилисской опере.

- Она уроки нам давала изумительные, интересные уроки.

- Как она преподавала, до сих пор ее помним.

- Строгая была?

- Строгая. Мы так старались. Мы так ее боялись.

Встреча с подругами мамы. Тбилиси 2005

Мама и Тата Мачабели. 1990-ые г.г.

-Нас она любила, потому что мы из кожи лезли.

-Мы были последние у Перини, перед ее отъездом в Италию. От Перини у нас координация была хорошая, мы хорошо все соображали. Танцевальные были, профессиональные были. Ну, были у нас, конечно, неправильности, и Марина старалась нас выправить.

-У Перини «итальянские» (висячие) руки были. И когда мы к Марине Ивановне попали, у нее была такая палочка, и она ходила: а ну-ка, руки - раз! И когда она делала этой палочкой во 2-й раз, большие руки ни у кого из нас не висели.

-Эта школа давала, очевидно, не только технику, но и артистизм.

-Этот артистизм остался у нас до конца, потому что Марина не старалась его убрать, но наоборот. Мы были очень артистичные. Танцевальные.

Это с Перини у нас пошло, а Марина это сохранила.

Вот, казалось бы, продолжение пути - в своем мире, в балете; с большим опытом, с явным призыванием к педагогике. Но - не случилось. Почему? - Обернемся назад.

1928/1929. Командирована Наркомпросом Грузинской ССР на вечерние хореографические курсы при Большом театре, где стажировалась по классу педагога Н. И. Тарасова. В связи с болезнью пришлось прервать обучение за месяц до окончания срока и выехать в Тбилиси, не получив аттестата об окончании курсов и удовлетворившись справкой об учебе.

Справка в советское время не годилась. Практика свидетельством не была. Путь в балетную педагогику был закрыт; оставалась самодеятельность.

Работа педагогом-репетитором Народного театра балета при заводе «Серп и молот» долго это не продолжалась, удовлетворить не могла. Все кончилось, балет остался в воспоминаниях.

После волшебства сцены, из «духа музыки» трудно было переходить в мир будней. Шло долгое, трудное привыкание; нервы, болезни. Но и радости тоже - новые друзья, увлечения, праздничная работа отца в театре, праздничные поездки по разным странам; домашние хлебосольные праздники.

Маме дано было многое. Не богемная, но активная, игровая, она любила друзей, поездки, природу, спорт, плавала, ездила верхом (что быстро ей запретили - берегли балетные ноги), снималась в кино.

Она неплохо играла в шахматы. В старости стала отменной преферансисткой, виртуозно владевшей стратегией и тактикой сложной игры. Читала больше всех в семье, неторопливо и углубленно осваивая толстые романы. Была по складу натуры, по балетной строгой выучке перфекционисткой, как теперь говорят, имея ввиду манию совершенства.

Мания эта в балетном деле необходима, но распространялась на все. На домашнее хозяйство, которого она не любила, но делала все дотошно и безупречно. На разные виды рукоделия, которому она старательно обучалась, стремясь, помимо житейской пользы, как-то заполнить время. На медицину, которой по неизбежности становилось в ее жизни все больше, и она выполняла все предписания со строгой точностью и без понуканий.

Тоска по балету не оставила ее до конца (как и тоска по Тбилиси). Отсюда - живой отклик на каждую балетную передачу и публикацию, тяга к людям «оттуда», к бывшим коллегам, к старым друзьям, как верная Тата Мачабели. Последние годы ее были скрашены встречей с Марией Бауэр, тбилисской звездой балета, переехавшей с семьей в Москву. Они уединялись и вспоминали свои балеты, что-то напевая, что-то проигрывая (протанцовывая) руками.

Балет - это то, что не забывается и не проходит.

ТАТЬЯНА ШАХ-АЗИЗОВА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Такое мнение в адрес журнала “Русский клуб” было высказано на презентации этого нового общественно-художественного издания - она прошла в международном пресс-центре “Новости”. Симптоматично, что презентация журнала состоялась сразу после видеоконференции, посвященной IV международному фестивалю кинематографических дебютов “Дух огня”. Телемост соединил Ханты-Мансийск, Москву и Тбилиси, и в нем приняли участие известные деятели культуры России и Грузии - Софико Чиаурели, Александр Абдулов, Сергей Соловьев, Резо Чхеидзе, Эльдар Шенгелая. Это не случайно - в Ханты-Мансийске в рамках фестиваля в цикле “СССР - великое кино” будут представлены фильмы выдающихся грузинских кинематографистов. К этому же событию приурочены творческий вечер Вахтанга Кикабидзе, а также показ картин Георгия Данелия - замечательный режиссер отмечает свой 75-летний юбилей. На видеоконференции деятели культуры двух стран традиционно признавались в любви друг к другу, обсуждали перспективы сотрудничества в области кино. Сразу по завершении телемоста журналисты переключились на другое важное событие культурной жизни - презентацию журнала “Русский клуб”, который, как известно, тоже нацелен на грузино-русский диалог. Представление издания переросло в живейшее обсуждение его тематики, проблематики, формата. В нем приняли участие как авторы “Русского клуба”, так и его читатели. - Это издание было начато по инициативе президента международного культурно-просветительского союза “Русский клуб” Николая Свентицкого, - отметил главный редактор журнала Александр Сватиков. - Основная наша цель - сохранение культурных традиций, которые существовали и существуют на русском культурном поле Грузии, укрепление и развитие двусторонних отношений в новом историческом контексте. Мы предлагаем нашему читателю достаточно широкий спектр культурных материалов из разных областей - балет, театр, литература, музыка. Учитывая то, что союз “Русский клуб” входит в международное объединение организаций, расположенных более чем в семидесяти странах мира, издание будет распространяться по всему земному шару. - Очень не хочется, чтобы Грузия превратилась в страну, не помнящую родства, - подчеркнула член редколлегии “Клуба” Вера Церетели. - Родства с Россией. Поэтому мы стремимся делать этот журнал в таком формате, чтобы он прозвучал для России, Грузии, других стран. С тем, чтобы иметь возможность заявить: связи не прерваны, а культура может развиваться только в мультикультурном пространстве. - Хочется, чтобы “Русский клуб” был мобильным организмом, живооткликающимся на сегодняшние процессы, - высказала пожелание профессор ТГУ имени И. Джавахишвили, руководитель грузинской “Полонии” Мария Филина. А главный редактор газеты “Кавказский акцент” Гамлет Зукакишвили оценил новое издание как “очень квалифицированный, культурный, интеллигентный журнал”.

«... Я, Зарецкий Юрий, считая город Тбилиси своей второй родиной и в благодарность грузинскому народу, все мое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим... завещаю Тбилисскому историко-этнографическому музею (Караван-сарай)...»

Это из завещания, составленного известным балетмейстером за день до кончины. Щедро, нерационально. На своих известных фотографиях Зарецкий с экспансивно выброшенной вперед рукой – жест самоотдачи.

Но неужели не было родных, семьи? В смысле родственных уз он был богаче и счастливее многих из нас, потому как искренне считал членами своей семьи всех тбилисцев.

НЕИСПОВЕДИМЫ ПУТИ

У Зарецкого, как это ни поразительно, нет биографов. Существует, пожалуй, единственная книга Мананы Гедеванишвили, выпущенная к 50-летию хореографа. Ни одного полноценного прижизненного интервью

ФЕЙЕРВЕРК ТАЛАНТА

(был неуловим?). Даже для близких друзей жизнь его по сей день остается загадкой – не больше того, что сам о себе рассказывал.

Корни, между тем, из Запорожья, из Киева. Дата рождения – по одним документам декабрь 1928 года, по другим – апрель. В некогда популярной графе «социальное происхождение» запись от руки Зарецкого – «из семьи служащих». На Украине остались родные – мать Софья Иосифовна и сестра Алла с ребенком. В Тбилиси молодой Зарецкий проходил военную службу (в Карвасла хранится его военный билет, выданный Орджоникидзевским районным комиссариатом), да так и не смог с нашим городом расстаться. Михаил Туманишвили высмотрел его в ансамбле песни и пляски ЗакВО и предложил поставить сибирскую купеческую оргию-пьянку в спектакле «Канун грозы». Зарецкий справился великолепно.

Это было начало многолетней эпопеи, рождение новой

звезды на театральном небосклоне. В Тбилиси нет театра, где бы не работал Зарецкий – Руставелевский, Марджанишвилиевский, музкомедии, оперный, Грибоедовский... В бывшем Советском Союзе – крупного города, где бы не шли постановки с его участием. Он вызывал зависть и восхищение – тщеславный, предприимчивый и талантливый. Казалось, он монополизировал хореографическую сферу. После «Чинчраки» М. Туманишвили и «Мудрости вымысла» Н. Хатискаци его по-настоящему заметили, а после «Мелодий Верийского квартала» и «Переполюха в Салхитети» приняли как своего.

«Пришелец» сумел постичь национальный дух, грузинские народные традиции и передать это в танце. К тому же обладал редким режиссерским видением, за что его называли «драматическим хореографом» и «соавтором». Мог выступать одновременно в разных ипостасях: актера, художника, режиссера, композитора, давая универсальные советы. Одним штрихом создавал нужное

настроение. Незначительный, на первый взгляд, жест выстраивал сцену, эпизод, спектакль. Нередко воссоздавал стиль эпохи. Эти «волшебные прикосновения» Зарецкого даровали долголетие многим спектаклям – «Кавказский меловой круг», «Кваркваре», «Ричард III» и др.

По словам близко знавшего его Гизо Жордания, многие театральные постановки сохранили налет его хореографии.

ЭСТЕТ, ФАНТАЗЕР... ЦИНИК

За вездесущность Юрия Зарецкого прозвали Фига-ро. Утро его начиналось с занятий в Театральном институте или в драмкружке какой-нибудь школы. Днем его можно было застать в театре Руставели, после обеда в хореографической студии или же снова в институте. Под вечер он спешил в школу балета на льду. И еще успевал заглянуть на киностудию «Грузия-фильм» и в Дом моделей. Работал, как вол. Друзья не переставали подшучивать: «Юра, зачем тебе столько денег?», он усмехался: «Чтобы покупать красивые вещи». Зарецкий жил один в своей квартире на Пекинской, в необыкновенной роскоши. Его квартира напоминала музей. Зарецкий отвергал быт или, точнее, вносил в него невиданную эстетику: «Почему я должен есть из пластмассы, когда есть фарфор?» Гонорары подчистую тратились на приобретение антиквариата, в загранпоездах, командировках он отлучался от коллег, чтобы пройтись по антикварным салонам.

Дружил с известными художниками – Еленой Ахведиани, Давидом Какабадзе, Ладом Гудиашвили, обожал живопись. В его коллекции много картин-презентов. Его рафинированный вкус проявлялся во всем. В Театральном институте помнят его модные шляпки, приталенные сорочки. Вовремя сделанный в адрес его безукоризненного вида комплимент порой предотвращал бурю. Юра Зарецкий никогда не входил тихо, а обязательно с шумом, метая молнии и критические замечания.

Голос у Юры был особенный, вспоминает коллега Натела Ионатамишвили, – звучный, ораторский. На Зарецкого не обижались – любили. И студенты, получавшие хлесткие характеристики, и преподаватели. Чтобы было понятнее, не гнушался неформальной лексики.

Зарецкий реформировал экзаменационную систему

– вместо скучных упражнений его студенты должны были представлять концерт, зрелище. По интуитивному наитию такой же подход избрал сегодня Котэ Пурцеладзе. Скуки ни грамма. Зарецкий отвечал в то время за массовые действия и коммунистические парады. Его таланта с избытком хватало на все.

В танцзале номер восемь, в старом корпусе Театрального института, где обычно проводил занятия со студентами Зарецкий (почему бы не назвать его именем балетмейстера?), его ученица Нина Кервалишвили показывала полонез. За полчаса урока Зарецкий мог добиться результата, для которого другому педагогу понадобилось бы три-четыре месяца.

Он слишком отдавал себя работе, сгорал. Никогда не следил за здоровьем, готовить было некому. Напротив института продавались пирожки с печенкой – они и составляли обычное меню. Но если ждал гостей, устраивал изысканный аляфуршет. Сам предпочитал красное грузинское вино.

Вопросы о женитьбе, советы обустроить наконец свою жизнь, как вспоминает Софиико Чиаурели, всегда им шуточно отменялись. Впрочем, задавали их только малознакомые. Зарецкий сам иронизировал над своими «неправильными» симпатиями, освобождаясь от комплексов.

Побывавшие в пассажирах у Зарецкого, до сих пор жалуются со смехом – водил зло, неистово, матеря все встречные автомобили. «Я не могу остановиться», – общал на полном ходу.

Ему нравилось выступать кредитором. В должниках, замечает Гига Лорткипанидзе, ходили его коллеги, друзья. Он всегда с легкостью одалживал деньги, не торопя с возвратом. Перед смертью «списал» всем многолетние долги: «Потратьте на помин моей души». Предпочитал отдавать. Даже свою премию им. Котэ Марджанишвили передал в фонд реставрации памятников Грузии.

«Таких уже нет, – ностальгически вздыхает Лана Гогоберидзе, – Остряк, циник, скептик и в то же время дитя с тонкой, ранимой душой. Преданный друг и гениальный фантазер».

Он умирал в абсолютном сознании. Позвал к себе самых близких – Этери Гугушвили и Нателу Ионатамишвили. Шептал почти не слышно: «Спасибо, спасибо, спасибо за все...»

СУДЬБА КОЛЛЕКЦИИ

Город волновался: «Чудо, изумительно! Какая роскошь!» Теперь все горожане могли видеть бесценные приобретения балетмейстера, прикоснуться к этой сокровищнице, которая пополнялась в течение 30 лет (и как только все это умещалось в двухкомнатной квартире?).

Распорядителем завещания был друг Зарецкого – архитектор Виктор Джорбенадзе. Сестре были отписаны ценности и, говорят, квартира на Сабуртало. На третий день после смерти балетмейстера (он скончался 8 марта 1985 года) вещи перевезли в Караван-сарай и устроили экспозицию. Всего музей получил в наследство более 420 предметов 340 наименований. Зарецкий хотел, чтобы была создана постоянная выставка «Го-

родская квартира и быт Тбилиси XIX-XX веков».

Какое-то время его воля выполнялась. А потом...

«В 1991-м экспозицию пришлось закрыть, - объясняет заведующая фондами музея Карвасла Нана Махатадзе. - Знаете, смутные были времена, обстановка в обществе беспокойная, нестабильная. Много случалось грабежей.

Вооруженные люди. А у нас не работала сигнализация... »

И все-таки... Двадцать лет - не такой большой для памяти срок, чтобы забыть ту первую выставку (экспозиция собрания Зарецкого вновь открылась в 2003 году). Одна из газет провела расследование и выяснила - не хватает 23 «заметных» экспонатов. Не уберегли? Искать виноватого - черт ногу сломит.

Заходишь на выставку и сразу встречаешься с фотографией Юрия Зарецкого. Мягкий, насмешливый взгляд, ни о чем не сожалеющий. И сегодня сюда водят школьников на экскурсии.

В коллекции разнотильная мебель русского и европейского производства. Экспозиция повторяет интерьер гостиных. Особенно Зарецкий любил приобретать секретеры. Лишь некоторые из них функциональны. Другие же служат просто дорогой подставкой. Среди любопытных экспонатов так называемое «кресло главы семейства» (итальянская школа), инкрустированная слоновой костью, карта мира на серебре, складные иконы для путешественников и другое.

Зарецкий увлекался миниатюрами. В основном, портреты известных деятелей, императорских особ, придворных дам и господ: Александр I, Павел, императрица Анна Иоанновна, Суворов и Кутузов...

Большой стенд занимают серебряные самоварные и чайные комплекты. Тут же фарфор, фаянс, изделия фирмы «Фраже», европейских и русских мануфактур.

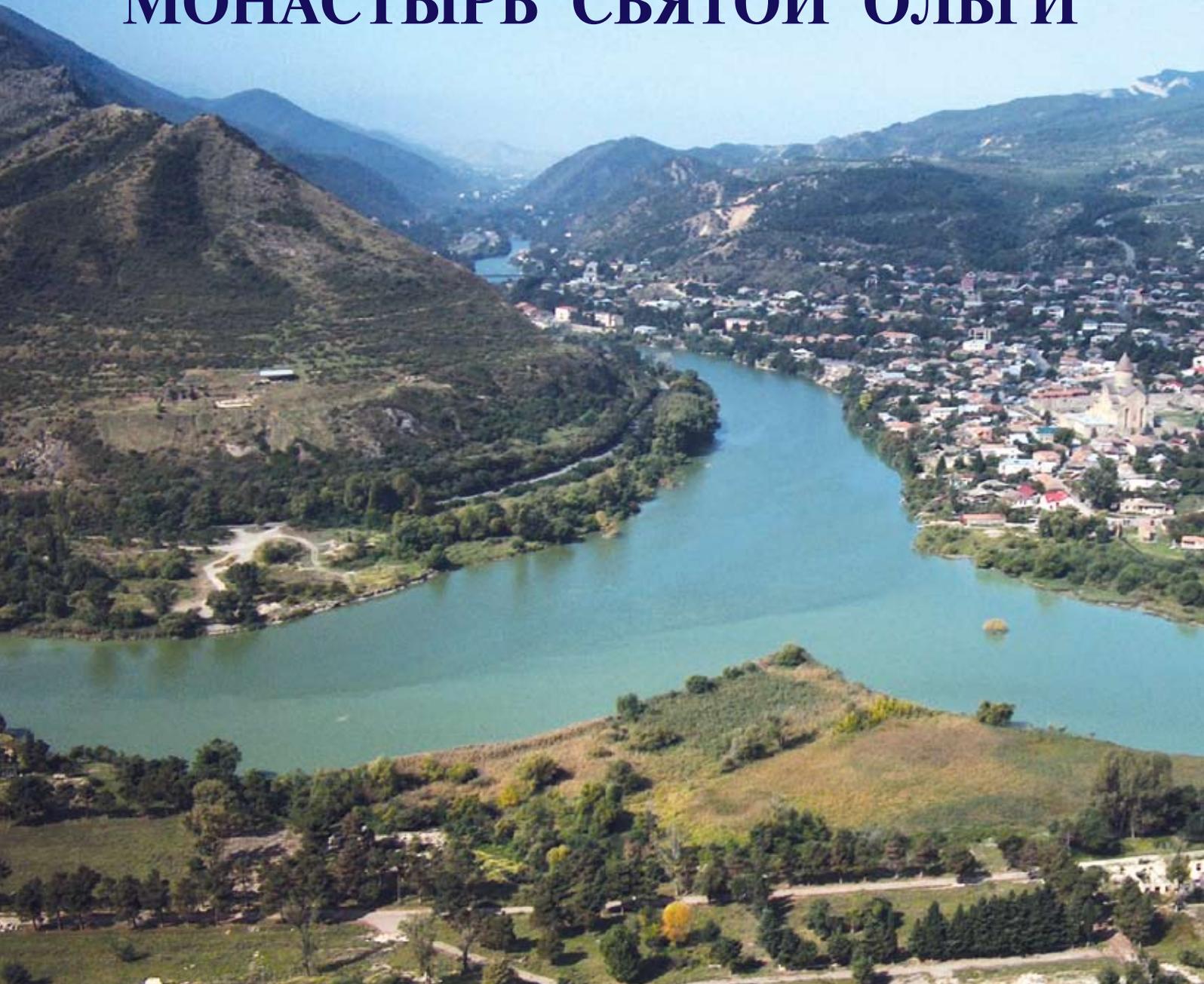
На одной из декоративных тарелок надпись: «Товар полюбится - ум расступится».

Страстным приобретателем и был коллекционер Юрий Зарецкий, избравший в наследники родной Тбилиси.

МЕДЕЯ АМИРХАНОВА

МОНАСТЫРЬ СВЯТОЙ ОЛЬГИ

Поистине великую радость испытываешь, обнаружив в независимой Грузии заповедные, почти не тронутые временем оазисы истинно русской культуры и истории. Именно так воспринимаешь незабываемые, ни с чем несравнимые встречи с матушками из Ольгинского монастыря, где веками хранили и пествовали тот русский дух, который и в самой России не часто встретишь.

Более четырнадцать веков назад на грузинской земле возвышались стены монастыря, который был возведен в честь великомученицы Екатерины. Затем следы монастыря в летописных данных исчезают надолго и появляются вновь только в конце XIX века.

Ольга Горнич, жена русского инженера, начальни-

ка дорожной станции Мцхета, гуляя по окрестностям, случайно обнаружила в расщелине иконостас. Рабочие произвели раскопки, и, о чудо, взору людей предстала церковь. В начале прошлого столетия монастырь был реконструирован, освящен и наречен Ольгинским, в честь княгини Ольги на Руси, жены киевского князя Игоря, еще в 957 году принявшей христианство.

Сегодня монастырь все так же стоит в своем первоначальном виде: маленькая, каменная базилика, чуть поодаль – аскетические монашеские кельи да уходящее в гору монастырское кладбище.

В начале прошлого века здесь было двадцать послушниц, направлялись они сюда со всех уголков России – по личному желанию нести обет послушания в русском

монастыре Грузии. В 20-х годах XX столетия, когда многие монастыри были разграблены и закрыты, однако каким-то чудом еще оставались небольшие общины монахов, как после жатвы остаются еще колосья на поле. В числе таких общин была и Мцхетская Ольгинская обитель. Многие монахини нашли приют в Ольгинском монастыре, где их приняла схиигуменья Ольга (та самая Ольга Горнич, принявшая постриг в 1905 году).

Среди прибывших находилась монахиня по имени Ангелина, которую родители привели в обитель еще одиннадцатилетним ребенком. Впоследствии она стала игуменьей Ольгинского монастыря, и многое сделала для его восстановления в послевоенные годы.

Славился монастырь строгим соблюдением богослужебного устава, поэтому в советские годы (когда в Грузии еще не были открыты семинарии) в монастыре происходила подготовка священников по изучению церковного устава и практического богослужения. Матушка Ангелина лично подсказывала и обучала, какие священнодействия нужно производить, она как опытный лодман, который проводит корабль между камнями и скалами, уверенным взглядом определяла путь.

Часто посещал Ольгинский монастырь митрополит

Ефрем (Сидамонидзе) – будущий Католикос-Патриарх Грузии. Когда игуменья Ангелина тяжело заболела и скончалась, именно он дал ей схиму, а затем похоронил у западной стены храма.

Все праздничные церковные богослужения в Ольгинском монастыре ведут мужчины-священнослужители из других храмов.

В наши дни жизнь в монастыре течет медленно, размеренно, по строго установленным канонам.

Сюда, по словам его обитательниц (теперь их всего шестеро: игуменья Пелагея, сестры Ангелина, Любовь, Варвара, Надежда, Елена (прибывшая в монастырь совсем недавно), редко ступает нога мирян, исключение составляет 24 июля – День Святой Ольги.

В этот день начинается паломничество в монастырь. По узкой, вырубленной в горе тропинке медленно поднимаются люди к церквушке, непостижимым, поистине чудесным образом слившейся с почти отвесной скалой. Какая-то сила ведет тебя вверх, и вот настает миг, когда твоему взору предстает парящая в пронзительно-синем небе маковка, и ты невольно шуришься от блеска православного креста.

Ольгинский монастырь расположен между гор и большую часть года скрыт от солнечных лучей. Человеку, попадающему туда, кажется, что он – в ущелье, где царит тишина и полумрак. Внизу под монастырем, струится источник чистой горной воды; чудный вид открывается с площадки горы: реки Мтквари и Арави, где на месте их слияния произошло крещение Грузии, высится, как утес, собор Животворящего Столпа – Светицховели. Именно с уступа скалы недалеко от Ольгинского монастыря можно часами любоваться этими святыми местами.

Тишину нарушают лишь негромкие удары в колокол, призывающие монахинь на молитву. В своих темных одеяниях они быстро и бесшумно, как тени, одна за другой идут в храм. Нелегко живется монахиням. Подсобного хозяйства нет: смотреть за огородами и скотиной возраст уже не тот (старшей 87 лет, младшей 68). Нет и мизерных доходов от продажи свечей, совершения церковных обрядов в виду отсутствия прихожан. В кельях и летом достаточно сыро и холодно. Не понимаешь лишь того, как удалось выжить в таких условиях этим мужественным женщинам с мудрыми, божественными взглядами. Ведь зимой горная тропинка, ведущая в монастырь, часто непроходима. Изредка удается иеромонаху Андрею подняться в храм и принести с собой хлеб.

К счастью, заботами Католикоса-Патриарха Всея Грузии Святейшего и Блаженнейшего Илии Второго монастырю пусть не часто, но привозят продукты. Также оказывается гуманитарная поддержка Посольством Российской Федерации в Грузии, в частности, госпожа Ольга Викторовна Чхиквишвили, супруга Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Грузии, в частности, поддерживает монахинь и оказывает им помощь.

Поистине, надо быть очень верующим человеком, чтобы жить в монастыре, преодолевать трудности быта и испрашивать молитвой радость и счастье для других.

«Слушайте нашу службу, и Господь запишет ваши имена в Великую книгу жизни...», - благословляет игуменья Пелагея.

АЛЛА БЕЖЕНЦЕВА

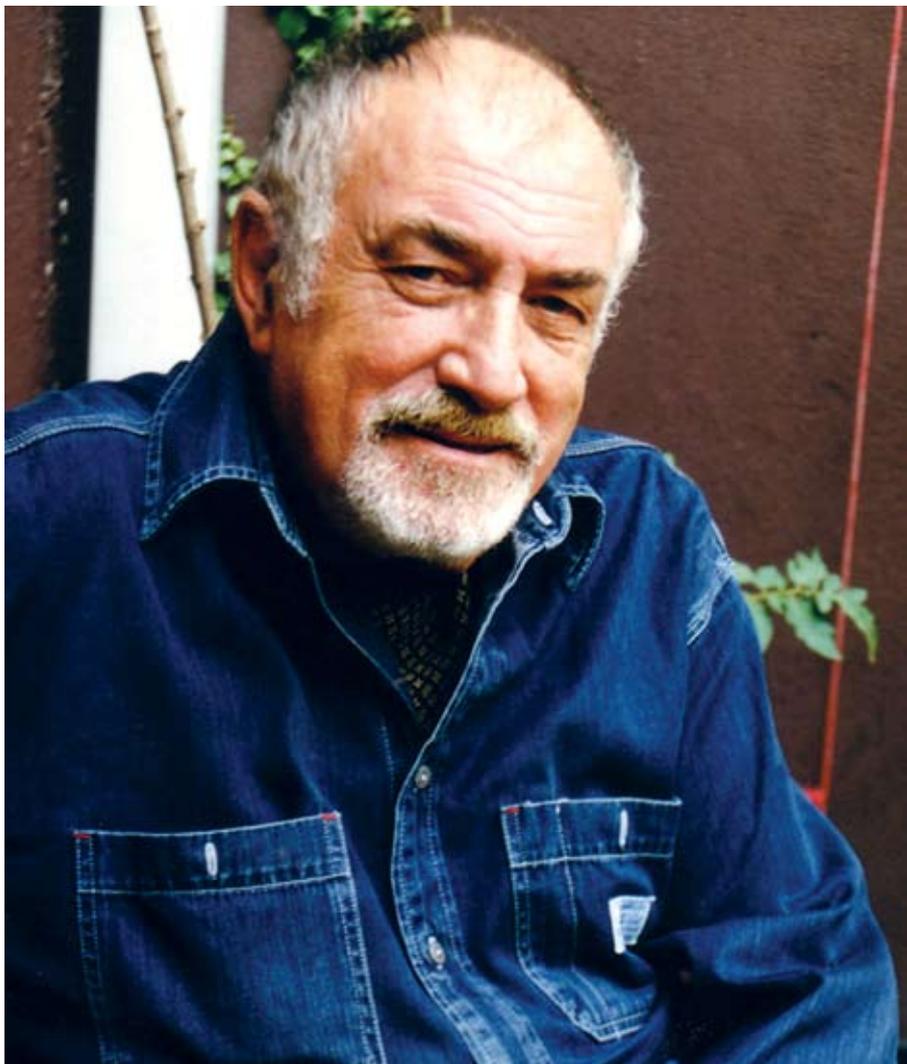
после родов, только два года видевого отца, знаменитого общественного деятеля, ученого, поэта, скульптора Вахтанга Котетишвили, расстрелянного в 1937-м году; трогательный рассказ о бабушке, пережившей двух сыновей, дедушке - священнике, который покинул сей мир, поднимаясь заснеженной зимой проводить службу в церкви Святого Давида, но, увидев «свергнутые колокола», просто рухнул замертво и больше не поднялся; тети, дяди по линии отца и со стороны матери - все они

РЫЦАРЬ, СОЗДАННЫЙ ДЕТСТВОМ

Калитка и дверь, как всегда, не заперты. В комнате в течение разговора работал телевизор - французский музыкальный телеканал Мещо, в основном передающий классику, с отключенным звуком... В некотором смысле отчасти отключена внешняя звонкость голоса у хозяина дома Вахушти Котетишвили (в горло имплантирован аппарат, врач спас одну голосовую связку, дабы, шутит батано Вахушти и по словам врача, никто в Грузии не говорил, что Коте Мардалеишвили у Вахушти речь отнял). Но на самом деле голос громкий, возвышенный. Этаким камертон порядочности. И народное отношение к известному фольклористу, востоковеду, литератору, переводчику выражается в том, что почти все его называют по имени - Вахушти. Так в Грузии выражают свое почтение к очень уважаемому человеку (Например, скажешь Галактион, или Акакий, или Илья - и понятно, о ком речь). В 80-е годы Андрей Вознесенский, познакомившись на море с Вахушти, на салфетке написал экспромт: "Не царевны повсюду, а лягушки-квакушки. Если хочется чуда, постучитесь к Вахушти". Вот только в одном ошибся поэт: стучаться не надо. А чудо обязательно будет.

КНИГА ЖИЗНИ

Слова Валериана Габашвили о том, что "Грузия - страна идадьго", подтверждает именно он, и в атмосфере дома сохранилось рыцарство, которого, сокрушается сам Вахушти, вокруг практически нигде не осталось. Здесь жильцы, живые и вечно живые, сохраняют истинную идею дома с подлинным отношением друг к другу; и ты знаешь, что где бы ни был, как бы плохо ни становилось - есть такое место, такой человек, к которому просто можно прийти, даже просто о нем подумать - и холод, часто прорезающий существование, распадается и тает, как льдинки в сердце Кая. Есть место, и есть человек, рядом с которым просто хорошо, и душа ощущает себя дома. Такими были и его предки, которым посвящена книга «Мой век минутный», изданная в Петербурге. Трагическая судьба автора книги, не знавшего матери, красавицы Нюси (Нино), умершей

были умными, образованными людьми, говорившими на нескольких языках. Большинство из них подгребла под собой страшная эпоха. А Вахушти воспитала сестра Лейла, которая посвятила ему всю свою жизнь, и не ведала иной радости, кроме брата. В ее память и честь - книга «Мой век минутный». И читая эту книгу, понимаешь, что потеряв прошлое, обязательно потеряешь будущее. А настоящего, сущностного так и не случится.

В Тбилиси каждый порядочный и даже непорядочный человек знает этот дом, находящийся на улице Вахтанга Котетишвили. В начале 90-х звиадисты сожгли и взорвали знаменитый дом семьи Котетишвили. Сгорела почти вся коллекция отца, труды многих лет, фотографии предков, книги, живопись. Что-то спасли соседские парни, что-то просто находилось у друзей. Сейчас

дом отстроен заново, внешне он выглядит иначе, но суть осталась.

- Вы пишете, что перед разрушенным домом ощутили «вакуум свободы». И после этого пришло осознание Иова и Экклезиаста...

- Да! Знаете, этот момент, эта трагедия вызвала переворот в моей психике. И не только в психике - в мировоззрении вообще. Вдруг стало ясно, что все материальное преходяще, все материальное не имеет никакой ценности. Даже ценные вещи. Главное - что внутри тебя, духовность. Единственное! И после этого я стал абсолютно индифферентным к земным благам. И живу в себе, и очень хорошо себя чувствую.

- В Евангелие же Иисус Матфею говорит, что нельзя дорожить тем, что может украсть вор...

- Конечно. Разве можно дорожить тем и вообще надеяться на что-то, что может исчезнуть за одну секунду. Вот бабахнули - и все, нет дома. Но ничего не могли сделать со мной, с моим миром, нутром. Так что они не знают, какой мне сделали подарок. Подарили самого себя, и вообще - подарили Бога.

- В книге Вы пишете, что наше личное своеобразие - «икебана генов». Почему именно гены?

- Потому что в человеке постепенно выявляют себя разные гены. Например, я абсолютно не был похож на своего деда [дед по отцу - священник, отец Илия]. Ни внутренне, ни внешне. Сейчас - копия! И, что главное, характер, и юмор тот же самый - он был человек с большим чувством юмора. А в детстве я был очень похож на маму, потом стал похож на отца, и темпераментом, и прочим. Так что - икебана.

- Судя по фотографиям и тому, что Вы пишете, Ваши родители были красивыми людьми, и внешне, и внутренне.

А у деда-священника почти библейская внешность... Вы говорите, что человек не бывает одиноким. То есть он и кто-то еще, Вы и Ваши предки...

- Конечно. По состоянию здоровья я сейчас очень редко выхожу... На полчаса - час максимум. И нахожусь, в основном, дома один, но я не одинок, абсолютно. Потому что я все время общаюсь. С моими предками, с близкими, живыми, мертвыми. Знаете, в чем дело: человек должен быть живым. Индийцы говорят о пране.

Прана - способность к жизни, жизненная энергия, по-грузински - талант жизни. Ведь очень много людей как будто живые, а на самом деле...

- Параджанов говорил, что великие призраки его окружают, и он любит их больше, чем его любят те, кто живы...

- Да, конечно. У меня бабушка была, попадая, ну гениальная просто. Как «Отарова вдова». Но мне говорили литераторы, Отарова вдова все-таки схематичный тип, продукт писательской фантазии. А она была живая. И такая сильная... А какой острый язык! От нее я знаю этот грузинский язык так. Вообще наше старшее поколение говорило совершенно на другом языке.

- Вас и Ваших предков (самих по себе уникальных людей) окружали уникальные люди. Например, приемный папады - Галактион, друзья отца - Тициан Табидзе, Павел Ингорква и т.д. Глина Вашей духовности, как Вы говорите, была замешана в детстве.

- Да, точно. И я хочу особо отметить роль Лейлы в моей жизни, моей сестры. Я такого человека и не знал, и не знаю. В литературе тоже нет подобного персонажа и персоны такого типа. Она была святая. И все вокруг меня были очень благородные люди. Вот это было мое счастье. Моя тетька, Ивлита, тоже святой человек, да и дяди, и все. Мою маму называли Цминда Нино - Святая Нино.

- Что такое духовная аристократия, о которой Вы говорите, подчеркивая разницу между ней и интеллигентностью?

- Есть интеллигентность, которая исходит из интеллекта. И само слово от этого, корень один. Аристократом надо родиться. У Поля Валери гениально сказано: «Гюго миллиардер, но не князь». Он очень богат, но не князь. Чего-то не хватает.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДУЭНДЕ

- Вы как-то сказали, что причина повсеместной коммерциализации литературы в том, что перепутали цивилизацию и культуру.

- У меня есть сборник статей «Скажу правду», и первая статья в нем так и называется: «Культура или цивилизация?» Цивилизация основана на прогрессе, а культура не знает прогресса. «Эпос о Гильгамеше» сегодня имеет ту же ценность, даже больше, что и тогда, в XXIV веке до нашей эры. Это не стареет. Любой телефон завтра надо будет выкинуть на свалку, потому что появится лучший, новый, более совершенный. А Шекспир остается Шекспиром. Вот разница между культурой и цивилизацией.

- Сегодня интерес к культуре такой же, какой был раньше?

- К сожалению, нет. Потому что надо иметь культуру, чтобы ценить ее. Это тоже врожденное, в генах должна быть приемлемость культуры. А то бывает, люди не принимают культуру, как бы ни воспитывали. Способность, талант должен быть - приятия культуры. Гены и воспитание.

- Что делать, скажем, молодому человеку, который захочет читать?

- Не знаю. Я как-то сам вырабатывал эти ценности. Сам догадывался, что ценно, что нет. Лейла, дорогая,

конечно, большую роль сыграла в моем воспитании, но эстетические ценности, например, наоборот, она от меня получала потом уже. Не знаю, откуда у меня... ну вкус к литературе, к поэзии. Откуда у кого-то еще. Это Божий дар.

- Вы много переводили персидскую поэзию, западную, русскую: Гумилева, Волошина, Мандельштама, Цветаеву, Бродского....

- Я вообще с русского не переводил, потому что считал, что каждый грузин должен знать русский язык и читать в оригинале. Почему надо читать в переводе? Но быть переводчиком значит быть полисемантическим человеком. Перевод - в первую очередь литературный акт, то есть акт искусства, творческий. Кроме того, исторический. Это грамматический, языковой процесс, культурный, культурологический. И еще спортивный: получится или нет и как это получится - азарт. И поэтому я начал переводить и с русского. Вообще я занимался персидским, потому что по специальности я востоковед. Переводил классику персидскую, в основном. Потом у меня появился интерес к немецкой поэзии.

- Вы про Рильке хорошо сказали, что пришлось не переводить, а пересказывать на родной язык... Потому что, в отличие от персидской, совершенно другая культура.

- Да, да. И это тоже получилось. Перевел Рильке. Мои первые переводы сделаны 60 лет назад: Омар Хайям, на втором курсе я был. И сейчас, когда публикую их, нет никакой разницы. Как вышло, так и печатается. Но каждую элегию Рильке я переписывал 30 раз, эти огромные элегии. Столько вариантов. В хорошем смысле адский труд, адско-райский. И я доволен. А потом вдруг перевел Иннокентия Анненского. Люблю это стихотворение... «Не потому, что от нее светло, А потому, что с ней не надо света»... Затем перевел Гумилева: «Да, я знаю - я Вам не пара, Я пришел из другой страны...». С детства люблю это стихотворение. И, что главное, я переводил стихи, которые знал наизусть с детства. Прямо- появится перевод, и пишу, без книги. И Цветаеву перевел. Что касается Бродского - его я знаю, читаю, люблю. Но это невозможно переводить. Я так считал, что это неперево- димый поэт. А я его читаю с 57-го года, когда его никто не знал. В самиздате. Мне дали его стихи в Москве.

- Личных контактов не было никаких?

- Удивительно, но нет. У меня был друг Костя Богатырев. Блестящий переводчик Рильке. Сын ученого Богатырева, друга Jakobсона, знаменитая Пражская школа... Изумительный человек, культурнейший, интеллигентнейший. У него были два друга близких: Борис Пастернак и я. Но, несмотря на это, я с Пастернаком не был знаком. И его третий друг был Иосиф Бродский. Когда я приезжал в Москву, то проживал на квартире Богатырева и спал на его диване. На этом же диване спал Бродский, когда приезжал из Питера в Москву. Костю убили кГБэшники. Он что-то сказал или написал, или интервью дал. Пришли, позвонили, он открыл дверь - ударили. Генрих Белль приехал с лекарствами, но не помогло уже. Так мы с Бродским не встретились. Я поехал в Нью-Йорк и отвез свой перевод «Два часа в резервуаре», но он был в Венеции.

- «Два часа в резервуаре» - конгениальный перевод. По- отыывам многих...

- Я собирал все книги Бродского, друзья знали, что я его обожаю и привозили, дарили. И мои русские друзья, и грузинские, и из-за границы присылали. Так что у меня была целая коллекция. Ну все сожгли. «Два часа в резервуаре» я почти наизусть знал. И, конечно, считал, что это стихотворение неперево- димо: там такие выкрутасы, немецко-русское косноязычное, доведенное до виртуозности. Как-то работал до полуночи и должен был лечь спать. Взял последнюю сигарету перед сном, и еще я должен читать - иначе не могу, рядом лежала книга Бродского. Развернулась она прямо на этом стихотворении. И я не помню, как взял перо и ручку и начал переводить - стихотворение, которое я знал наизусть больше 25 лет. И когда я поставил точку, было уже утро. Я обалдел, потому что не мог поверить, что я это перевел. И в чем моя победа (могу похвастаться сейчас). У Бродского «Бог органичен, да, а человек, а человек, должно быть, ограничен». Эту игру слов по-грузински невозможно передать. Но игра должна быть. И я выдумал несуществующее слово в грузинском языке. Получилась и игра, и смысл сохранился.

Тоже самое с Пастернаком. С детства знаю эти стихи... «Февраль. Достать чернил и плакать!..», «Марбург», «Гамлет», «Импровизация». Но я недавно перевел десять стихотворений Пастернака. (А сейчас, буквально за сутки, еще четыре стихотворения). Сто раз начинал, сто раз рвал листы. И вдруг, в старости, - десять стихотворений сразу. Причем большие: «Марбург», «Август» и т.д.

- Кому сегодня нужны переводы? И нужно ли вообще переводить русскую литературу?

- Надо. Знаете, почему? В Доме книги была презентация, просто читка переводов Пастернака, тогда еще не было напечатано, я рукопись просто читал. И слушатели начали говорить, что это адекватные стихи. Очень было приятно, что это говорили молодые. Значит, нужно. Значит, жаждают они. И если даже один человек будет, который поймет и которому это нужно, надо делать... А еще среди моих переводов - русские частушки. Это тоже спортивный интерес. Я же и фольклорист. Частушки - это же чисто русский фольклор неперево- димый. Блестящий перевод получился.

... Далее батона Вахушти стал читать частушки и их перевод. К сожалению, журнальной публикации сие прекрасное зрелище не подлежит, но можно ручаться, что было здорово. Редкое удовольствие - слушать двуязычие острых «матовых» частушек из уст этого человека. Не уверена, что где-либо слышала что-то приличнее - просто любой вид словесности у рыцаря Вахушти благороден, интересен, будь это очень смешно, сочно или невыносимо грустно. Сами частушки напечатаны на обыкновенных игральных картах. По диагонали в одном углу - русские, в другом - грузинские.

- Мандельштамовская «тоска по мировой культуре» свойственна грузинской литературе?

- Наверное. У Галактиона очень хорошо сказано: «Оцнеба мгониа, сизмари мгониа картули мотиви мец- ре симфониа» - «Мне кажется, это сон - слышать грузинский мотив у Бетховена. Грузинский мотив - Девятая симфония». Вот так надо чувствовать мировую культуру. «Под чистый, как детство, немецкий мотив», как у Пастернака... «Мне Брамса сыграют - тоской изойду». Да-а...

Все хорошее, что есть в мировой литературе, в мировом искусстве для меня это очень родное – как грузинское. Так надо чувствовать, воспринимать: очень близко. Например, Лорка для меня – грузинский поэт. По своему темпераменту, по своему дуэнде [дуэнде – слово испанского происхождения, непереводаемо. Дословно значит “дух”, “невидимка”, “домовой”, но применительно к искусству оно приобрело другой смысл: примерно как “чувство”, “огонь” или “магия”]. Ангел, муза и дуэнде – его классификация. Немецким искусством правит муза, говорил он, итальянским ангел, а испанским дуэнде. Это сила земли.

- А если продолжить эту цепочку – кто правит грузинским и русским искусством?

- Грузинским – дуэнде, а русским – ангел.

- Ахматова вообще считала поэзию переводом с серафического. А дальше, наверно, зависит от степени абсолютности слуха поэта.

- Конечно. Перевод, я считаю, безусловно, творческий акт, но он очень близок к исполнительному искусству. Как пианист, как актер, играющие Шекспира или Мольера, так и переводчик тоже меняется. То переводит Пастернака, то Гильгамеша. И он должен уметь перестраиваться внутренне. Становиться тем, кого переводит. Входить в роль. Но, конечно, вообще совершенно выйти из себя невозможно. И поэтому, например, мой Пастернак, несмотря на то, что считают его самым точным переводом, это мой Пастернак. Это мой Бродский. «Рождественская звезда» Бродского, скажем. Последняя строка: «Это был взгляд Отца» (о звезде). А у меня не взгляд, а подглядывание. Ему, Богу, как отцу, интересно, кто выйдет из него. Подглядывает, а не смотрит. В этом есть что-то, какая-то соль. Даже лучше. Не сердитесь. Я с юмором, конечно, говорю. Не думайте, что я себя считаю очень хорошим, очень способным, очень умным. Просто я люблю поэзию.

- Какая книга в русской, грузинской, мировой литературе стала за последние лет десять событием?

- Я не припомню, что когда было. Например, вчера читал афоризмы житейской мудрости Шопенгауэра. Хорошая вещь. Я очень люблю древних авторов. Греков, латинскую литературу. В старости меня меньше – о прозе речь – интересует художественная литература, чем публицистика, эссеистика. Например, мне приятней читать статьи Томаса Манна, чем его романы. И интересны мемуары. Более настоящее.

- Вы им доверяете?

- Не очень. Но иногда да. Смотря как написаны. Некоторые пишут хорошо.

- В Грузии, считалось, особое отношение к поэтам. 30-летие Пушкина так пышно только в Тифлисе справили, на руках носили. Пастернак, другие поэты... Сейчас изменилось отношение к поэтам?

- Изменилось, конечно, сейчас поэт – никто. Смотря для кого. Для таких людей, как я, для читающей публики поэты остаются поэтами. Но сейчас он никто. Очень трудно мне говорить, когда не хочется упоминать о каких-то меркантильных делах, но нельзя, чтобы не существовал гонорар. В обществе. Ну, конечно, не должен быть поэт богатым. Но и нищим не должен быть. Моя тетя Нина, персонаж моей книги, говорила: «Нет, мы не

бедные, мы нищие». Она была княжна. Поэт не должен быть нищим.

- «Есть вещи страшнее, чем искусство», как писала Цветаева... Как недавно мы переговаривались с Кенжеевым, и он сказал, что должна быть «мера горя» у поэта. Все хорошо, но своя мера должна быть.

- Знаете, настоящему поэту даже если создать все условия, у него свое горе все равно всегда найдется. Потому что иначе он не сможет писать. Так что хватит.

ПОЭТИКА ФОЛЬКЛОРА

...Вахтанг Котетишвили первым начал читать курс поэтики в университете. Его продолжателем стал сын Вахушти, и не только в поэтике, он тоже талантливый литератор, поэт, а также специалист по изучению фольклора. Он пешком обошел всю Грузию, собирая народное творчество.

- Знаете, я очень нормальный грузин. «Те, кто хорошие, все грузины» – не моя песня, не мои слова, не моя позиция. Но такого фольклора, поэтического фольклора, в мире, по-моему нет. По поэтичности, образности. Своему благородству. В особенности, пшавская поэзия. Пшави – маленький уголок Грузии, но там все поэты. Они очень плохо поют. Но все говорят стихами. Возьмут пандури и поют на очень простой мотив, но какие слова!

- Можно дословно, хоть что-то?

- Возьмем идейное стихотворение (по-грузински оно звучит в рифму):

«Что есть этот мир? – Катящийся камень.

Как только мы рождаемся, там же могила уже вырыта. Внутри земля, а вокруг море.

Мы все сыновья Адама. И татарин тоже наш брат.

Какая разница между нами и армянами?

Если женщина тебе станет сестрой, она будет лучше, чем сестра.

И если ты не так мыслишь, то кто же человек, рожденный утробой матери?»

Любовная лирика изумительная. Пастух говорит, парень, который в Шираки пасет овец (там зимние пастбища):

«Ширакская пустыня - проклятая, потому что безлюдная.

В Пшави лучше молодому человеку.

За день 15 девушек увидит, по дороге проходящих».

Увидит! Не то что сделает что-то, а просто увидит!

- *Рыцарский фольклор...*

- Конечно!

- *Вы же хорошо знаете и персидский фольклор, и русский...*

- Знаете, и в персидской поэзии, и вообще во всем мире, насколько я знаю мировой фольклор и мировую литературу, литература стоит выше, чем фольклор. В грузинском фольклор выше. Тоньше. Посмотрите: «Туман, о чем ты думаешь, застрявший на вершине горы. Неужели и тебя что-то беспокоит на этой проклятой Земле?» Певец не говорит, что его беспокоит что-то. «Неужели и тебя...». Одной буквой он передает свою трагедию. Но надо быть мастером слова.

- *Юнг выводил из фольклора архетипы, коллективное бессознательное. Те же бродячие сюжеты. Что главное в фольклоре - подчеркивание национальных особенностей или общечеловеческая основа?*

- Нет, конечно, общечеловеческая основа. Но что меня удивляет: откуда возвышенность духа такая, которую можно встретить у Шекспира, у самых великих людей, мыслителей? Тот же уровень, иногда даже выше. У простых людей, безграмотных...

- *«Духовная аристократия»...*

- Я их знал. Сейчас где они? Сейчас, в основном, юмор, очень хороший.

- *Это повсеместное явление - такое вымирание?*

- Немцы издали стихотворения физиков, инженеров, математиков. Это не фольклор. Я написал статью «Фольклорный парадокс» о сущности фольклора. Общеизвестны его четыре особенности: коллективность, вариантность, устность, анонимность. Под коллективностью подразумевается количественность. Я сказал, кто-то услышал, создал свои варианты, устность тоже связана с этим, и анонимность - постепенно теряется автор. Железные правила фольклора. А я утверждаю: может не быть никаких признаков, но это стихотворение - народное. Каким образом? Я как-то своих фольклорных стихотворцев взял из восточной Грузии в западную - в экспедицию. Вечера проходили в разных районах. Когда мы приехали в Местиа (в Сванетии), оказалось, попали

с корабля на бал: было Мишаоба - в честь Михаила Хергиани, альпиниста, который в Альпах погиб. Ежегодно отмечают там. И нас прямо с автобуса забрали в президиум. Со мной сидел с одной стороны Иванэ Циклаури - изумительный хевсурский поэт, а с другой - пшавский, Иосеб Балишвили. Я спрашиваю: «Случайно у вас нет стихотворения, посвященного Мише Хергиани?» - «Нет». Говорю: «Хорошо было бы». Дядя Иосеб, чудесный старик, говорит: «Сынок, ничего, я сейчас напишу». Взял пачку «Примы». Кончались сигареты, он две-три выложил, бумаги не было, и с внутренней стороны написал стихотворение. Изумительное! И чисто народное. Потому что стиль, стихосложение народное, образы, рифмы народные.

- *Не банальные, а именно народные...*

- Мышление народное. Поэтика народная. Я обалдел. Коллектив не принимал никакого участия в создании этого стихотворения. Вариантов никаких нет. Не анонимно, и устно тоже не распространялось. Сказал - точнее, написал. И я пришел к заключению, что эти четыре свойства фольклора характерны и обязательны для классического фольклора. Но существует и современный фольклор. Так почему это стихотворение народное? Потому что оно тоже коллективное. По мышлению. И я сделал вывод, что главное - коллективность не в количественном смысле, а в качественном.

- *Где грань старого и современного фольклора?*

- XX век. Потому что нам известны имена авторов, создававших здесь в XX веке народную поэзию, некоторых по кличке, некоторых по имени, и их внуков знали.

От разлуки к встрече

- *У Вас много друзей в России. Юрий Рост, другие...*

- Юра ближайший друг. Настоящий человек, вашкаци [по-грузински - настоящий мужчина, мужественный человек]. У меня был не только друг - побратим, мы

братались в Хевсуретии, Ярослав Голованов, журналист. Слава был мой брат. Очень трудно... Вот мне даже не хочется в Москву приезжать – мало кто остался. Он жил в Переделкино. Помню, я прилетел в Москву - меня пригласили в Литературный институт имени Горького на один семестр прочесть лекции о грузинской культуре, грузинской литературе. Слава встретил меня в аэропорту, и когда мы подъехали к Переделкино - зимой, был снег - перед калиткой остановил он машину. И я вижу: красной краской на снегу написано: Вахушти, я тебя люблю.

- Как сказала сравнительно недавно Ахмадулина про Грузию: «Я не еду туда не потому, что боюсь увидеть разруху. Не разруху, а разлуку».

- Хорошо сказано.

- Поэтически. Так что же делать? Все-таки двести лет вместе...

- Я человек оптимистического склада и знаю, что все преходяще. Уйдет и эта индифферентность к культуре. Культура всегда будет. И всегда найдутся люди, ценящие культуру и вообще духовность. Потому что всем управляет Бог. Так что не надо отчаиваться. А вообще даже хорошо, что нас мало. Когда много - обесценивается. Для меня очень симптоматично, что моя книга вышла на русском языке...

- Да, впервые за много лет билингва на русском и грузинском.

- Сейчас, когда наши политики никак не могут договориться между собой, в такой ситуации находится вдруг петербургский бизнесмен, человек, который не имеет никакого отношения к книге, кроме того, что просто любит читать: Дмитрий Беркутов, у которого жена – грузинка. Она достала мою книгу «Мой век минутный» и прочла. Я их не знал. Потом, когда мы познакомились, Хатуна рассказывает: «Читаю Вашу книгу и то смеюсь, то плачу. И Дима сошел с ума: что ты читаешь, переведи, говорит. Я в ответ: как перевести, это художественное произведение, так написано, что не могу перевести. Ну объясни, говорит, вкратце. Ну я объяснила». И Дима захотел приехать в Тбилиси, встретиться со мной. Они приехали, мы познакомились. Конечно, я взял их во Мцхета... И Дима говорит – а он большой, как Пьер Безухов: «Батоно Вахушти, что надо делать, чтобы я тоже смог прочесть Вашу книгу?». Я отвечаю: «Надо перевести». – «Ну давайте переведем». Я говорю: «Сложно сейчас. Раньше, когда государственное издательство заказывало перевод книги, то была гарантия, что книга выйдет, и переводчики получают свой гонорар. Сейчас нет никакой гарантии. Переводчики заранее требуют деньги. Ну а у меня нет ни копейки». – «Зато у меня есть. Узнайте, сколько надо, я плачу и эту книгу издам». Я сразу обратился к Гине и Лиане [Г.Челидзе и Л.Татишвили – переводчики книги на русский язык], они согласились. По-моему, хорошая работа. У меня в оригинале, на грузинском такие обороты, выкрутасы – карталинские, народные, сочные. Но я считаю, это профессиональный хороший перевод. И я послал ему русский текст - компакт-диск с уже готовой книгой. Вдруг звонит Дима и говорит: «Батоно Вахушти, я хочу издать и на грузинском, и на русском». - «Дима, есть, конечно, двуязычные переводы. Параллельный текст: оригинал и

перевод. Это, скорее, для студентов языковых вузов. Но такого, чтобы половина книги была на одном языке, половина на другом, я просто не встречал». И спрашиваю, для чего, кому это нужно в России – грузинский текст. И от Димы слышу удивительный ответ: «Батоно Вахушти, очень много грузин живет в Петербурге и в Москве. Они забывают свой язык. И я хочу им сделать такой подарок». Где вы сейчас увидите такое? А он сделал. Это же двойные расходы, две книги! Он говорит: «Меня не интересует доход. Это мой подарок грузинскому народу». Вот что значит культура! Культура не имеет никаких границ и преград.

- В дальнейшем и в общем, будут ли такие же крепкие связи, какие были у Вас?

- Например, сейчас я приглашен в Питер на презентацию этой книги. Не знаю, смогу ли поехать, но очень хочется пообщаться. Еще меня приглашают в Петербургский университет прочесть две-три лекции о грузинской культуре, о восточном искусстве. Конечно, хочется. И, что главное, в России умеют хорошо слушать. Это и есть культура. Когда я читал в Литинституте, должны были сидеть 19 студентов в группе. А на каждой лекции присутствовало 100-150 человек, и лектора, профессора сидели. Гинзбург, другие известные литераторы. Мне было неудобно, я говорю: «Почему приходите вы?» - «Нас интересует». Очень приятно! Хотя я знаю русский язык, но мне было неудобно, что могу ляпнуть какую-то погрешность грамматическую, и я заранее извинялся. «Ничего, ничего», - в ответ. Не знаю, как у меня получалось, но, что главное, говорил с темпераментом.

Не знаю, кто построит сейчас, воссоздаст прежние связи. Кто-то должен на нашем примере как-то продолжить.

- Сейчас молодые литераторы, в основном, ориентированы на западную, великую, литературу. Какие будут дальше отношения и их вид, качество?

- Трудно сказать. Но, исходя из моего оптимизма, я верю, что молодое поколение скажет свое слово. И в свете культурных, литературных взаимосвязей. Так что все будет нормально.

ИННА КУЛИШОВА

Вахушти Котетишвили (род. в 1935 г.)
 – известный грузинский писатель.
 Книга «Мой век минутный» вышла
 в 2005 году в Санкт-Петербургском
 издательстве товарищества Д.Н. Беркутова.

ВСТУПЛЕНИЕ

Стою у дымящихся руин моего взорванного дома в абсолютном бездумье. Это не назовешь «отчаяньем» или «безысходностью». Бездумье – это новая форма моего бытия. Все, кто окружают меня, существуют словно не здесь, а где-то. Они суетятся и высказывают какие-то мысли, проявляют ко мне сочувствие, посылают брань и проклятья на чью-то голову, пытаются вывести меня из этого состояния, но ничего из всего этого я понять не могу и даже не слушаю их, поскольку нет у меня никакого желания очнуться от этого бездумья.

Здесь удивительный покой и ощущение невесомости. Сила притяжения земли словно вдруг испарилась, ссыпалась, как в песочных часах, бесшумно, без шелеста. А вокруг и во мне самое большое и светлое пространство. Этот свет будто проникает в меня не извне, а все озарено каким-то сиянием изнутри. Ощущение беспредельной свободы овладевает мной в этом замкнутом для других пространстве. Парадоксальная истина: вакуум свободы! Какое-то иное, необычное измерение, и в нем только я один и никого больше, я один – освобожденный от всего материального и земного, кинутый на произвол судьбы, стоящий непосредственно перед Всевышним, нищий и блаженный.

И вдруг Божественная мудрость книг Иова и Екклесиаста открывается мне и вместо укора Господу тихая, благодарственная молитва сходит с моих губ: «Слава тебе, о Боже, что удостоил меня Ты и этого испытания и причастил к истине».

Я чувствую, что улыбаюсь, но чувствую также, как неуместна и кощунственна здесь эта улыбка. Тут ведь одни покойники: дом мой, картины и скульптуры отца, резное кресло и крестик матери, большое венецианское зеркало, семейные альбомы с чуть потускневшими фотографиями, с которых глядят на меня мои предки на удивление спокойными глазами, книги, раскрывавшиеся сами собой на привычных страницах, рукописи, исторические документы и не счесть еще сколько всего другого... Это их дым устремляется в поднебесье. Туда, где обитают души их прежних владельцев. А дом этот был целым миром, единственным и неповторимым. И был, вместе с тем, тяжким грузом, лежащим у меня на плечах, Сизифовым камнем.

Всю жизнь я нес это бремя, чтобы непременно донести его до рубежа, передать своим детям и внукам, чтобы и они в свою очередь впряглись в это ярмо и тянули бы на себе лямку семейственности.

И вдруг этот груз разом сваливается у меня с плеч, этот камень строжайшей ответственности. И я уже не обязан что-то хранить и лелеять, беречь как зеницу ока. Я словно освободился и от имени, и от фамилии, сбросил с себя отрепья всего плотского, мундир общности, простреленные насквозь доспехи национальности...

Все кончено! И нет больше прошлого. Новое бытие мое беспредметно, безвещественно и, что главное, лишено каких бы то ни было желаний. Соответственно и бесцельно. Поскольку цель – это всего лишь желание и ничего больше. Пространство и время перестали существовать, превратились в руины, и теперь они нехотя и лениво тлеют у моих ног...

И вдруг на фоне nirваны, в которую погрузился я мыслями, и хора моих доброжелателей раздается, как выстрел:

- Поделом ему, жаль, что и сам не сгорел в том огне!
- Это заключительный аккорд страшного проклятья, адресованного мне проходившей мимо женщиной в черном, намеренно громко произнесшей это, чтобы быть услышанной нами. Кто-то из окружающих меня пытается нагнать ее и вступить в спор, но я протестую. Женщина еще раз оглядывается. - Изменники родины! - бросает она в наш адрес и исчезает за углом улицы Вахтанга Котетишвили.

Несчастливая родина! Скольким безумцам приходится быть ей матерью. Сколько беззаконий творят они от ее имени. Одни, не зная, что творят, другие - вполне осознанно. Им, то и дело размахивающим знаменем родины, и невдомек, что родина и государство - разные понятия и что государство всего лишь шелуха, кожура этой родины. А что означает родина, им понять не дано.

Спустя несколько дней я узнаю, что кое-что из скульптур и картин отца удалось спасти ребятам, соседям по улице. За несколько минут до взрыва они

вынесли из огня скульптуры с отколотыми конечностями и пробитые пулями портреты и попрятали у соседей.

В 1937 году чекисты без национальности расстреляли 44-летнего Вахтанга Котетишвили, а через 55 лет, в 1992 году 2 января, в судьбоносный, по народному поверью, день, «борцы за национальную независимость» трижды ограбили дом Вахтанга Котетишвили и, поскольку самого Вахтанга Котетишвили уже не было в живых, тщательно изрешетили его портреты. Дом, по рассказам очевидцев, трижды поджигался, и все три раза пожар гасили соседи, пока на них не наставили автоматы: не лезьте, дом этот должен сгореть.

Друг детства моих сыновей, выросший у меня на глазах, Гия Надирашвили (который погиб на войне в Абхазии вместе с Леваном Абашидзе и Сухией, царствие им небесное), напустив на себя вид блатного парня, заявил:

- Пропустите меня, елки-палки, у меня там товар, надо вынести.

Уловка сработала - иди, сказали ему, да поживее, пока мы не взорвали дом. Позднее Гия извинялся: дядя Вахо, успели вынести только то, что было в первой комнате, в остальных уже обваливался потолок. И «муха» у них была наготове, только мы вышли, как они пальнули.

И таким вот образом моему нирванному битию приходит конец. Бремя моей жизни, показавшееся мне уже сброшенным, вновь ложится на мои плечи. Это как в гениальной грузинской сказке «Земля своего требует». Ну и я опускаюсь вновь на грешную землю. Хожу по соседям, подбирая осколки прошлого, и, подобно кочующему цыгану, таскаю их за собой из одного временного убежища в другое, из другого - в третье и так до тех пор, пока не будет отстроен мой дом. Я чувствую, как тянутся ко мне эти уцелевшие предметы, как хотят поселиться вновь в моих воспоминаниях.

Они обязывают меня разворошить пепел прошлого, обмести паутину с сумрачных образов и постепенно проявить, как фотографии, тусклые тени их владельцев. Сумею ли? Кто знает?!

Эта книга - попытка спасти эти образы. И пусть никто здесь не требует от меня так называемой объективности. Это ведь не канцелярский журнал и не учетный листок кадров, а книга всей моей жизни, чрезвычайно частная, личная и предельно субъективная. Что может быть легче объективности?! Для этого необходимы лишь равнодушие и индифферентность. Объективность придумана самими объектами, ничего не имеющими общего с субъективностью. Объективности чуждо «дуэнде», а существование без «дуэнде» лишено всякого смысла!

И не спорьте со мной! Нет у меня времени на празднословие. Меня ждут великие призраки. И уже взнудан скакун воспоминаний.

Итак, «вперед, мой Мерани!..»

«Город. Зимнее небо.

Тьма. Пролеты ворот...», - невольно вспоминался

Борис Пастернак...

Еще ближе к теме:

«На меня наставлен сумрак ночи

Тысячью биноклей на оси...», - опять Пастернак, но

«под гитару Высоцкого» в легендарном «Гамлете»

на Таганке...

«А на улице вьюга

Все смешала в одно,

И пробиться друг к другу

Никому не дано», - тоже очень похоже...

Никакой надежды на то, что вечер памяти Владимира Высоцкого, намеченный на этот день, все же состоится, не оставалось - ни света, ни отопления во всем городе. Да и кто в такую пору покинет свои темные и холодные жилища и отправится сквозь вьюгу на буксующем и ничего не гарантирующем транспорте в такое же темное и не отапливаемое помещение? Надежды не оставалось, но инициаторы все же решили попытаться. Потрудиться доехать. Хотя бы собраться и разойтись. Хотя бы тем, кто сможет добраться. Ради поступка. Ради памяти... Мероприятие планировалось провести в баре «Круглый сад» по улице Барнова, 83.

«...Вырастают из мрака

Декораций холсты...», - все тот же Пастернак...

На углу Круглого сада темно и безлюдно. Без пятнадцати назначенных семь. Из снежного мрака начинают появляться темные фигуры. «На Высоцкого?» - «Да.» - «Вниз по лестнице и налево, но только очень осторожно ... Не поскользнитесь...». Светят друг другу фонариками. Еще

«Я ВЕРНУСЬ...»

ВЕЧЕР ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Известно, что театр начинается с вешалки. В этом случае все началось несколько отдаленной и во времени, и в пространстве. Прежде всего прозвучали взрывы газопровода и высоковольтной линии электропередач, лишившие Грузию необходимой энергоподпитки. «Крещенское» понижение температуры и обильный снегопад довершили картину. А утром 26 января город остался полностью без электричества, потому что «полетел» один из местных энергоблоков... Тбилисцев, за плечами которых с десяток холодных и темных зим, этим не возьмешь, но все же за два последних года относительного энергетического благополучия мы разбаловались, расслабили мышцы, упрятали в чуланы керосинки и газовые баллоны... По городу потянулись длинные очереди за керосином и хлебом... А снег все валит. Непригодный к нему транспорт буксовал, переваливался с боку на бок, шел юзом, но героически шел. По тротуарам двигались, скользя, спотыкаясь и увязая в сугробах, редкие прохожие...

группа и еще, и еще, и еще... Да хватит ли мест? И все это - и холод, и бессветие, и редкая для Тбилиси метель, не предусмотренные сценарием, - органично включилось в общее действие, которое, да, состоялось.

В проходах не стояли, но свободных мест видно не было. В небольшом зале царил уместный полумрак, самовольно, но деликатно вписавшийся в антураж происходящего. Не атмосферы ради, а по необходимости - света все еще нет. Светилось несколько свечей. Развернутый том стихов Высоцкого и афиша спектакля «Гамлет» с портретом актера и поэта на фронтальной стене - аскетичный и достаточный инвайронмент...

- Всем спасибо за поступок присутствия, - открыл вечер ведущий, он же руководитель группы «Молот О.К!», Михаил Ляшенко. - Если бы мы в такую погоду и при таких обстоятельствах просто добрались бы сюда, раскланялись друг с другом и разошлись, то и это можно было зачесть за концептуалистическую акцию в традициях постмодернизма. Но мы поступим традиционнее и проведем вечер, задуманный, подчеркнутый, и подготовленный молодежным литературным

объединением «Молот О.К!», что нам, людям эпохи Высоцкого, кажется особенно ценным. Интересно то, что эти молодые люди, выросшие в иных социальных, да и всех прочих реалиях, «слышат» барда, которого мы считаем своим, поэта кровно нашего поколения. Интересно и то, что творчество Высоцкого, опирающееся на весьма конкретные исторические и бытовые обстоятельства, канувшие в прошлое, остается живым и сегодня, более того, многие хорошо известные его вещи обретают в новом историческом контексте новую жизнь и новый звук».

А еще ведущий рассказал о дружбе Высоцкого с Сергеем Параджановым, который был к нему особенно расположен, а вот песен его не любил... Все любили и любят, а он не любил!? Почему? «Все вы знаете Володю, как крикуна и горлопана, ну, пусть, трибуна, – говорил Параджанов, – а он был совершенно другим. Володя был человеком очень тонким, чутким и глубоким и умел гениально молчать... И нес в себе значительно больше, чем вылилось в песни...» Более того, в двух этих трагических биографиях можно нащупать интересную связь: последний арест Параджанова спровоцирован его громким выступлением против запрещения таганаковского спектакля памяти Высоцкого. Последовавший по поводу ареста протест мировой общественности и сложившаяся в результате всего этого позиция Эдуарда Шеварднадзе послужили тому, что состоялся третий и заключительный этап кинематографического творчества режиссера.

Программа вечера шла, что называется, unplugged (без штекера) – доставленная сюда аппаратура отдыхала в углу – электричества так и не было. Но всем все было слышно без усиления. А услышали мы стихотворные

посвящения Высоцкому Юлии Ключниковой, Ады Пленинг и Михаила Ляшенко и, конечно, песни и стихи самого Владимира Высоцкого в исполнении Дмитрия Спорышева, Антона Белоусова, Дмитрия Лоскутова, Олега Мчедлишвили, Ирины Порошиной. И опять поразил диапазон поэта – «блатная романтика», облагороженная ироничным, чутким взглядом, и напряженные, глубокие, развернутые сюжеты, как «Мой Гамлет» и «Энгибарову – клоуну от зрителей», бытовые пародийные зарисовки и честный пафос песен о войне. И опять поразило то, что эти вещи слышны и сегодня, и их слушает с затаенным дыханием молодая, по преимуществу, аудитория.

Известный тбилисский журналист Михаил Айдинов рассказал, что познакомился с Владимиром Высоцким лично в самом начале его «песенной карьеры», еще до легендарной всенародной славы. Диссидентская среда, место поэта в

неподцензурной реальности, бытовые подробности и краугольные, весьма выразительные обобщения – и тут возник воздух и образ времени, судьба поколения, болезненные противоречия пережитых времен... «Как-то Володя оказался у меня дома, но без гитары, – вспоминал Михаил Айдинов. – Понятно, что без песни мы его бы не отпустили, и пришлось мне, на ходу вспоминая свои навыки начальной музыкальной школы, аккомпанировать ему на домашнем фортепьяно»

И опять песни и стихи Высоцкого...

Завершилась программа известным песенным посвящением Высоцкому Булата Окуджавы в исполнении Олега Мчедлишвили и стихами учащейся 43-й школы Юлии Ключниковой.

В завершение собравшиеся поблагодарили хозяев гостеприимного бара, которых представляла в этот вечер Юлия Муравия, кстати, кинодраматург по основной профессии. И тут, на последнем слове, в уютном зале и, вероятно, во всем городе зажегся свет!

Остается добавить, что это уже вторая успешная публичная акция молодежного литературного объединения. Первый свой гвоздь «Молот О.К!» забил в культурном центре «Кавказский дом» в ноябре прошлого года на презентации одноименного коллективного поэтического сборника. Аббревиатура МОЛОТ – это Молодежное Объединение Литераторов, Обитающих в Тбилиси, пишущих, надо добавить, по-русски, а О.К! – это, чтоб все было хорошо. Сложилось оно весной 2005 года по инициативе тбилисского поэтического журнала «АБГ» и собрало молодых людей, разных как по возрасту (от четырнадцати лет и до тридцати пяти), так и по литературному опыту. По первым итогам работы новой литературной группе удалось издать скромный по объему и тиражу сборник, вышедший при спонсорской поддержке САЭМ – Молодежного Экологического Движения Грузии.

Необходимость в организации такого объединения, как считают его инициаторы и участники, назрела давно: несмотря на то, что поэзия потеряла традиционный для Грузии и России массовый читательский спрос, а поэт – статус «владельца дум», она все равно продолжает жить, а молодые люди продолжают изъясняться стихами. И, конечно же, очень важно помочь им услышать друг друга, расширить кругозор, понять свое место в сложном и противоречивом современном литературном процессе. Одной из своих основных задач объединение считает переводческую работу и творческий контакт с грузинскими поэтическими же ровесниками. Кураторы объединения составляют для молодых авторов мини-антологию новейшей русской поэзии, дискуссионно предлагая им ключевые и спорные положения искусства XX века. Почти с уверенностью можно сказать, что в Тбилиси о некоторых реалиях современной русской поэзии можно услышать только на собраниях этой группы.

Есть повод надеяться, что со временем на основе объединения возникнет реальная литературная общность. Не исключено, что в этом пространстве созреет и эстетическая парадигма, которая продолжит русскую тбилисскую поэтическую традицию, имеющую свои устойчивые признаки.

ДАВИД ДЕНИСОВ

бою выплыл в заголовок – это был действительно поток бурной энергии: обсуждалось буквально все интересное с точки зрения вечности – от фламандской живописи до итальянского вокала, от готической архитектуры до вопросов шахматной эстетики.

Спорт, между прочим, в иерархии ценностей Георгия Михайловича занимал далеко не последнее место.

Настоящей любовью профессора Гиголова был теннис. Корт он посещал регулярно вплоть до преклонного возраста, и в этом выборе именно аристократического вида спорта также сказался его независимый от царившего тогда пролетарского плебейства, свободный от партийных рекомендаций дух. Уже будучи пожилым человеком Георгий Михайлович с успехом сражался на корте в турнирах ветеранов.

В юности будущий профессор увлекался и конным спортом, даже брал призы на скачках. Но, однажды, неудачно упал с лошади, после чего отец, обожаемый тбилисцами хирург Михаил Георгиевич, которого называли не иначе как «золотые руки» и «золотое сердце», воспротивился этому увлечению. И сын беспрекословно послушался.

Но к шахматам Георгий Михайлович питал особую страсть. Он видел в этой игре синтез честной борьбы во имя торжества интеллекта – идеал, которому оставался верен всю свою жизнь в науке.

В студенческие годы наши отношения складывались на уровне спокойной взаимной симпатии, а сблизились мы после того, как я попросил Георгия Михайловича взять руководство над моей диссертационной работой по сонетам К. Бальмонта. Я стал последним из учеников Георгия Михайловича, и черная рамка вокруг его фамилии на развороте автореферата навсегда останется печальным тому свидетельством.

Попав в число избранных, вхожих в этот старинный дом, где в начале XX века пела звезда bel canto Луиза Тетраццини, знакомая родителей матери Георгия Михайловича, итальянки редкой музыкальной одаренности Джульетты Галли, я чувствовал себя здесь как в храме. Сама же синьора Джульетта была внучатой

«СЕДОЙ ВОДОПАД» ГАРМОНИИ

6 января исполнилось десять лет со дня кончины профессора русской филологии, кумира многих поколений студентов Тбилисского государственного университета Георгия Михайловича Гиголова.

Накануне печальной даты автор этих строк пересмотрел свои архивы, где обнаружили любопытные записи фрагментов наших бесед. Но, конечно же, остью данного материала стали воспоминания вдовы Георгия Михайловича, Светланы Кошут, в гостях у которой мы побывали в новогодние дни.

Просматривая дневники, я еще раз поразился широте и многогранности интересов профессора Гиголова. Хлебниковский образ «седого водопада» как бы сам со-

племянницей любимого дирижера Федора Шаляпина Иосифа Труффи.

Не отсюда ли благоговейная любовь Георгия Михайловича к музыке?

Разбуди его ночью и скажи, например, 3-я часть 5-й симфонии Бетховена, он, не задумываясь, напойет. Слух абсолютный. Фонотеку он собрал уникальную, одно и то же произведение имеется у нас часто в нескольких редакциях. Георгий Михайлович обладал даром глобального музыкального мышления, мне кажется, он мог бы стать незаурядным дирижером. Но в детстве не повезло с педагогом, и на карьере музыканта был поставлен крест, - вспоминает Светлана Кошут.

На Светлане Станиславовне, у отца которой не было сыновей, завершается прямая потомственная линия боготворимого в Венгрии Лайоша Кошута, руководителя национально-освободительного движения 1848 года против австрийского господства. Его имя для венгров сопоставимо по значимости с именем Авраама Линкольна для американцев или Ильи Чавчавадзе для грузин. На центральной площади Будапешта – площади Парламента, высится памятник Лайошу Кошуту. На другой площади – Героев – статуя Лайоша Кошута среди десятка главных действующих лиц истории Венгрии. И когда Светлана, тонкий ценитель искусства, кандидат филологических наук, гостила с супругом в Венгрии в 1977 году, ее встречали и привечали чуть ли не с королевскими почестями.

Но вернемся в старинный сололакский дом, где дух истории, словно дирижер-невидимка, задает особый ритм и тон оркестру интерьера, где стены намолены пребыванием здесь в разные годы интереснейших творческих личностей, о которых речь впереди.

Консультации Георгия Михайловича всегда были точны, глубоки и содержательны, но не только. Они были проиллюстрированы, обильно приправлены мягким юмором высокой пробы.

Георгий Михайлович умел слушать – дар редкий. Но когда он говорил, перебивать его как-то не тянуло. Восстановим эти мини-монологи:

- Вот ты у Таля интервью брал. Как он сказал насчет ситуации в СССР? Цугцванг? Точно, в яблочко. А с Петросьяном встречаться, говоришь, не приходилось... Я помню, он играл в каком-то отборочном турнире. От выигрыша этой партии (пауза), здесь играл, в театре Руставели. Да. Так вот, от выигрыша этой партии зависел его выход, кажется, в чемпионат СССР. А играл он с мастером, не буду фамилии называть. У этого мастера была привычка стрелять у зрителей сигареты. Именно стрелять – здесь другое слово неуместно. Тигран, он еще совсем мальчиком был, попал в такие тиски, просто газовая камера. В это время в зал входит какой-то армянин, цеховик. Оценивает ситуацию и кому-то из своих

говорит (пауза). Я слышал.

- Этот, когда за сигаретой побежит, ты близко стой, сигарету дай и скажи – пусть проиграет, я ему двести рублей приготовил (пауза).

Двести рублей, ты представляешь, по тем голодным временам. У этого мастера таких денег и во сне не было.

Разведчик идет к играющим, Тигран делает ход, а этот мастер как сел, как обхватил голову руками, так и не поднялся, пока не выиграл. Представляешь, что с ним было, когда рассказали, какой куш он в воду бросил.

Да, много здесь перебивало шахматных тузов. В Боржоми как-то довелось лицедреть Ботвинника. Повара, сам знаешь, для участников турнира готовили отборные деликатесы. Заказы принимались индивидуальные – кому что по душе. Доходит очередь до Ботвинника. Повар, человек-гора, с огромным ножом, тут вот, за поясом фартука. Подходит с лицом всемогущего волшебника, готового к услугам:

- Что закажете, Михаил Моисеевич?

Ботвинник поднимает глаза от газеты и сухо отвечает:

- На первое суп овощной. На второе гречневая каша.

На десерт компот персиковый.

Повара оттуда унесли (пауза). Я вспоминаю, кто-то из его поколения обронил насчет Ботвинника фразу: «Не нужны мне его успехи и не нужен мне его режим».

Не восстановить, к сожалению, неповторимых интонаций Георгия Михайловича, его мимики, жесты, превращавших эти с виду обычные беседы за ужином в настоящие театральные мизансцены.

Музыкальность Георгия Михайловича проявлялась и в особом стиле чтения лекций. Он их не читал, он их декламировал, завораживая студентов особым ритмом изложения материала. Никогда не забуду, как изобразил и прокомментировал он сцену смерти Сирано де Бержерака из пьесы Ростана, хотя к русской литературе XVIII века, которую он нам преподавал, Ростан не имеет отношения. Но Георгий Михайлович любил и умел импровизировать экскурсии в священные роши мировой литературы.

Он превращал лекции в спектакли на протяжении почти полувека работы в ТГУ.

- Да, это был настоящий театр одного актера, - вспоминает Светлана Станиславовна, - он пришел к нам, когда я училась на четвертом курсе, тогда и завязался наш роман по классической модели преподаватель – студентка. А до прихода на кафедру русской филологии в конце 40-х Георгий Михайлович преподавал русский язык и литературу в 42-й

средней школе, где его учениками были будущий великий кинорежиссер Сергей Параджанов, блистательный композитор Отар Тактакишвили, выдающийся ученый и полиглот, президент Академии наук Грузии Тамаз Гамкрелидзе и другие прославившие впоследствии свою страну люди.

Многие из его бывших учеников продолжали дружить с Георгием Михайловичем и после окончания школы, например, Параджанов, бывало, засиживавшийся у нас до утра.

Парадоксальным был его метод преподавания в университете. Обычно, и это естественно, лектор требует от студента «вернуть должок», т. е. проявить полученные знания. Георгий Михайлович никогда не действовал по принципу «ответь чему я тебя научил». Он разыгрывал свои моно-спектакли на темы Блока, Гумилева, Есенина. И это в те годы, когда их имена старались не озвучивать публично. Он читал, а ты хочешь слушай, хочешь нет. Ответы середнячков его мало волновали. Он славился либерализмом и ироничностью. Но если Георгий Михайлович видел перед собой человека начитанного, знающего, не случайного в филологии, он не жалел на него времени – ты это знаешь по себе. И вот этот его принцип – хочешь слушай, хочешь не слушай, хочешь знай, хочешь не знай, давал обратный эффект. Все старались освоить и обязательную программу, и сверхобязательную – это я уже по себе сужу.

Особое пристрастие Георгий Михайлович питал к русской литературе XVIII века. Его привлекал культ галантности, театрализованности, царивший в этом веке и соответствовавший его артистическому духу. Происхождение гения обожаемого Пушкина Георгий Михайлович относил к XVIII веку.

И свою кандидатскую диссертацию он посвятил творчеству русского комедиографа XVIII века Владимира Лукина, проследив его роль в становлении и диалектическом развитии русской национальной комедии.

Другая долговечная любовь Георгия Михайловича – Максим Горький, о котором он знал, без преувеличения, все. И его докторская диссертация по драматургии Горького 1902-1906 гг. в современной ей критике и публицистике потребовала поистине египетского труда. В московских и ленинградских библиотеках Георгий Михайлович исследовал тысячи журналов и газет, большинство из которых умирали во младенчестве – через два, три, пять номеров, но они многое могли рассказать о том времени. Попутно Георгий Михайлович собрал солидный материал по церковной литературе, отраженной в публицистике тех лет.

Но публиковать свои изыскания он никогда особо не стремился. И хотя Георгий Михайлович обнародовал сотни статей самого широкого филологического спектра, всякий раз его приходилось упрашивать и в ТГУ, и в ИМЛИ, и в других авторитетных научных центрах. Он не искал популярности, она его сама находила. Вместо того чтобы бегать пристраивать свои работы, по десять раз вычитывать гранки, он предпочитал в свободное время послушать новую запись или сыграть партию в шахматы.

Близко друживший с Георгием Михайловичем Леонид Гроссман, автор знаковых литературоведческих работ и историко-биографических романов «Записки д'Аршиака», «Рулетенбург», «Повесть о Достоевском», в личном письме восхищался работой Георгия Михайловича по проблематике поэмы в прозе М. Горького: «Спасибо за новое, такое же сердечное и дружеское, как и первое, письмо, которое мы прочли с Серафимой Германовной, любясь «Человеком» (название работы – В.С.), который весь отражается в своем теплом и артистическом стиле».

Дружбу с Гиголовым высоко ценили видные литературоведы и писатели: Арсений Алпатов, глубокий исследователь творчества А. Н. Толстого, Семен Трегуб, благодаря которому по крупницам воссоздана биография

Николая Островского, Галина Белая, блестящий специалист по теории и истории русской литературы 20-х гг. XX века, а также автор вдумчивых статей о современной грузинской романистике, Борис Бялик, известный горьковед, откликнувшийся на выход монографии Георгия Михайловича таким восторженным письмом:

«Поражает широта охвата материала, демонстрирующего все направления и течения критики и прессы, вплоть до церковных изданий, ценно и то, что Г. Гиголов выходит за рамки русской прессы, обращаясь, например, к печати Грузии. Но еще более ценно то, что в книге широта охвата материала важна не сама по себе, а как путь к более глубокому пониманию драматургии М. Горького».

Особая дружба связывала нас с поэтом Александром Межировым, который иногда ночевал у нас и всегда аккуратно застилал раскладную кровать. Однажды, не поверишь, Саша читал стихи, свои и чужие, наизусть с шести вечера до шести утра.

Ну и, конечно, мы с Георгием Михайловичем были неизменными участниками посиделок у тбилисского писателя Эммануила Фейгина, собиравшего в своем гостеприимном доме весь часто приезжавший в Тбилиси российский литературный бомонд. Здесь у Георгия Михайловича продолжились приятельские отношения с Булатом Окуджава, который был когда-то его студентом.

И впоследствии он вдохновенно провел, наверное, один из лучших творческих вечеров Булата Шалвовича в ТГУ в 1982, я сам тому свидетель.

- Ну, и напоследок хочу вспомнить об одном из самых ярких и дорогих гостей нашего дома - Аркадии Исааковиче Райкине. Эти воспоминания я опубликовала в сборнике «Наш Петербург», вышедшем в ТГУ, но он издан совсем небольшим тиражом, так что не грех и повториться.

Первый раз Аркадий Исаакович и его супруга Рома Марковна Рома побывали в нашем доме в пасхальные дни 1972 года. Познакомились мы в Тбилиси, в доме у наших близких знакомых.

Никогда не забуду, какой фурор на нашей улице произвел их приезд. Был теплый весенний день, многие из соседей гуляли, дети тут же играли. И вдруг все увидели самого живого Райкина! Он со своей супругой в сопровождении моего мужа и сына вышли из машины.

- Ваш сын Михаил живет с семьей в Германии, он выпустил отдельными книгами романы «Чертовое колесо» и «Толмач», имевшие хорошую аналитическую прессу и в России, и в Грузии, и в Германии, а также монографию «Рассказчики Достоевского» на материале своей кандидатской диссертации, не говоря уже о десятках рассказов и статей на филологические темы, опубликованных в той же Германии и в российских толстых журналах.

- Да, и на моем правнуке Сандрике заканчивается почти полуторавековая цепь Георгиев Михайловичей и Михайлов Георгиевичей Гиголовых.

Но вернемся к приезду Райкина. Что творилось на улице! Все сбежались и почти до неприличия откровенно и удивленно-радостно приветствовали своего кумира.

В Тбилиси у него в тот раз было несколько концертов. Аркадий Исаакович очень настойчиво просил, чтобы у нас не было никого, кроме членов семьи, и мы не могли не выполнить этой просьбы, что явилось причиной обиды со стороны многих наших друзей.

Понять Райкина можно: во-первых, он уже порядком устал от широких тбилисских застолий, а во-вторых, вечером он должен был выступать. Спустя несколько часов он, в преддверии концерта, не нарушая режима, отдохнул полтора часа в нашем доме. Ведь, несмотря на невероятно динамичные и физически столь напряженные выступления, он был человеком с очень большим сердцем.

Невозможно было не поражаться тому удивительному перевоплощению, той невероятной метаморфозе только что совершенно обессиленного, расслабленного, смертельно утомленного человека, которая вдруг происходила с ним в нужный момент. Он расправлялся, как пружина, и легко выбегал, вернее, выпархивал на сцену, восхищая зрителей поразительным мастерством своего высокого искусства.

Несравненный сатирик, владеющий могучим оружием осмеяния краснобаев и казнокрадов, чванливых дураков, бюрократов, хапуг, беззастенчивых карьеристов, моральных уродов, пьяниц, делавший это удивительно виртуозно, вызывая бурю неудержимого смеха только ему, Райкину, известными колдовскими способами, - в жизни этот «Паганини эстрады», как называли его кри-

тики, был серьезным и даже грустным человеком. Какая глубокая эрудиция и разносторонняя образованность, сколько ума и наблюдательности, сколько блеска и остроумия было всегда в суждениях и разговорах этого красивого, стройного, всегда с большим вкусом одетого, интеллигентнейшего человека с немного застенчивой улыбкой и умными, чуть усталыми глазами. И еще: никто не умел так внимательно, понимающе и сочувственно слушать, как это делал Райкин. Я помню наше с ним посещение больших грузинских художников Ладо Гудиашвили и Кобы Гурули. Даже на фотографиях видно, с каким глубоким интересом и вниманием он осматривал их творения, с какой трепетной благодарностью принимал в дар их картины. Дома у Райкиных я видела много подобных подарков от известных художников, среди которых было и несколько чудесных полотен Елены Ахведиани, восхищавшейся его несравненным талантом.

Уморительно было наблюдать, как у себя дома Райкин, переходя в разговоре на запрещенные темы, прикладывал палец к губам, с подчеркнуто-серьезным видом брал подушку и накрывал ею телефон, приговаривая: «А этого Иван Иваныч не должен слышать!»

К своей супруге Аркадий Исаакович относился с трогательной заботой, любовью и вниманием, - и тогда, когда она была в полном здравии, и тогда, когда тяжело болела. Рома была не только прекрасной актрисой, но и очень талантливой рассказчицей и даже тамадой. Как-то раз я была приглашена к Райкиным на день рождения их очаровательной дочери Кати, и вела застолье именно Рома, причем на очень высоком уровне, произнося красноречивые и остроумные тосты.

Вспомнить можно и соревнования в остроумии между моим супругом, Райкиным и нашим общим другом, режиссером Додо Алексидзе, и нашу незабываемую поездку на дачу к Петру Леонидовичу Капице, где Георгий Михайлович и Аркадий Исаакович состязались в остроумии не с кем-нибудь, а с самим Ираклием Луарсабовичем Андрониковым.

Однажды Райкин, который любил расспрашивать по телефону о наших впечатлениях от его спектаклей, произнес целый монолог, который я постараюсь воспроизвести: «Видите ли, мне всегда представляются главным в искусстве не способы самовыражения художника, не их разнообразие, усложненность и прочее, а та цель, та основная задача, которая была перед ним, когда он брался за произведение. Выступая перед людьми, имея смелость и дерзость говорить с ними, надо знать, ЗАЧЕМ ты это говоришь, с какой целью? А самовыражаться, показывать мне, ЧТО ты есть сам, - это не то искусство, которое меня трогает. Художник должен знать, что сегодня важно и нужно сказать людям. А вот когда король-то голый, когда нечего сказать и ничего нет за всеми этими недомолвками, недосказанностями - это плохо».

В августе 2005 года исполнилось 90 лет со дня рождения Георгия Михайловича Гиголова, человека, сумевшего сотворить свой богатейший и многообразный мир и открыть в него врата для всех, достойных этого богатства.

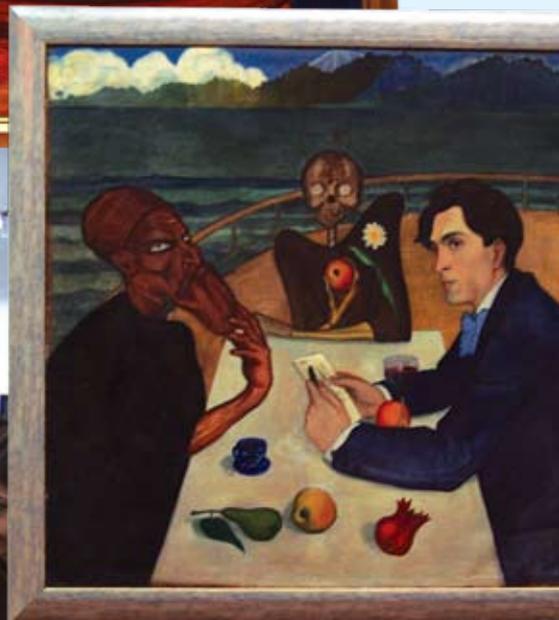
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

КИСТИ БЕЗ СТРАХА, ЯРКИЕ РОСПИСИ...

*ДВЕ ВЫСТАВКИ И
ОТКРЫТИЕ ПОСЛЕ
КАПИТАЛЬНОГО
РЕМОНТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ТЕАТРА ИМ. Ш.
РУСТАВЕЛИ
ОЗНАМЕНОВАЛИ
ОКОНЧАНИЕ 2005
ГОДА В ТБИЛИСИ.
МНЕ КАЖЕТСЯ, ИХ
МОЖНО ПРИЗНАТЬ
ЭПИЗОДАМИ
ОДНОГО СОБЫТИЯ,
ТАК КАК КАЖДОЕ
СОБЫТИЕ ПРЯМО
ИЛИ КОСВЕННО
ПОЗВОЛЯЛО
ПЕРЕНЕСТИСЬ В
НАЧАЛО XX ВЕКА,
ВСПОМНИТЬ СТАРЫЙ
ТИФЛИС.*

«Фантастический город» и «Грузинский модернизм» – выставки, представившие изобразительное искусство Грузии начала XX века. Авторы первого проекта (выставка и каталог в традиционном и компьютерном CD формате) Байя Цикоридзе и Заира Берелидзе повторили название книги Татьяны Никольской «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917-1921)», изданной в Москве в 2000 году. «Фантастический город» – это трансформированное название «Фантастического кабачка», открытого в 1917 году в Тифлисе. Авторы хотели подчеркнуть фееричность событий в истории грузинского и мирового искусства того времени. «Начало XX века – самый полиструктурный период в истории современного грузинского искусства, очень насыщен со стилистической точки зрения, калейдоскопически изменчив, а иногда и эклектичен», – объяснила Байя Цикоридзе. Выставка «Фантастический город» – хроника тбилисской культурной жизни 1910-1920 годов. Представлены живопись, графика, сценография, книжная иллюстрация, фотоматериалы из частных коллекций. «Мы хотели разыс-

кать и зафиксировать образцы грузинского искусства начала XX века, хранящиеся в частных коллекциях. Это был важнейший период в истории новейшей культуры Грузии, когда она подключилась к системе художественных ценностей России и Европы, а Тбилиси – «фантастический город» стал центром авангардного искусства на Кавказе», – пишет Байя Цикоридзе в статье, опубликованной в каталоге.

«Фантастический город» собрал работы Е. Ахвледиани, М. Тоидзе, И. Занковского, В. Борисова-Мусатова, И. Гамрекели, Т. Абакелия, Р. Зомера, С. Валишевского, Д. Какабадзе, К. Зданевича, Е. Лансере, О. Шмерлинга, Д. Шеварднадзе, Л. Гудиашвили, Н. Пиросмани, Ш. Кикодзе, К.

Сомова, С. Судейкина, В. Шухаева, С. Кобуладзе, В. Сидомон-Эристави, Б. Фогеля, П. Оцхели – всего 41 автор.

Она была открыта с 25 ноября по 4 декабря в одном из залов ТВС-Банка. Отреставрированное здание т.н. старого универмага, а изначально – «Офицерское общество», построено в 1903 году по проекту архитектора К. А. Саркяна.

«Грузинский модернизм» – проект, осуществленный при участии Посольства Республики Германия, Посольства Республики Франция, немецкого культурного центра им. Гете в Тбилиси (Институт Гете), французского культурного центра А. Дюма (Дюма-центр), Министерства культуры, охраны памятников и спорта и Национального музея Грузии. Кроме выставки, открывшейся 29 декабря в Музее истории Тбилиси (в бывшем Караван-сарая Арцруни), в рамках этого проекта осуществлено издание альбома «Грузинский модернизм 1910-1930» и запланировано пять просветительских программ (четыре для студентов и одна для школьников). Авторы – Майя Цицишвили, Дмитрий Туманишвили, Майя Кутателадзе, Цико Джанкарашвили и Лаша Бахрадзе проанализируют вопросы художественной и литературной жизни Тбилиси начала XX века в контексте европейской культуры. В сравнении с «Фантастическим городом», выставка «Грузинский модернизм», название которой напоминает одноименную статью Григола Робакидзе, опубликованную в 1918 году в журнале «ARS», представляет собой более масштабный проект.

Это обусловлено, в первую очередь, тем, что наряду с экспонатами из частных коллекций здесь представлены работы из государственных собраний (фонды Музея искусств Грузии и Государственного музея театра, музыки и кино). Многие из них хорошо известны по постоянной экспозиции Музея искусств и по репродукциям в альбомах. Это прежде всего относится к ранним работам Ладо Гудиашвили («Праздник», 1919, «Рыба цоцхали», 1920 и другие), Пиросмани («Натюрморт» и «Женщина с кружкой пива»), пейзажам Елены Ахвледиани и Давида Какабадзе.

29 декабря на открытии выставки авторы проекта Майя Цицишвили и Нино Чогошвили объявили, что она является новогодним подарком горожанам и гостям столицы. Выставка продлится до 9 марта. Лекция для

школьников «Художественная жизнь Тбилиси 1916-1921 годов» пройдет 11 февраля.

Третьим событием, позволившим вспомнить о живописи XX века, стало открытие 11 ноября после капитального ремонта Государственного академического театра им. Ш. Руставели.

Приглашение в театр им. Ш. Руставели – это приглашение не только на спектакль. Это возможность спуститься в нижнее фойе, где некогда располагалось артистическое кафе «Химериони», расписанное Ладо Гудиашвили, Сергеем Судейкиным, Давидом Какабадзе, Сигизмундом Валишевским и другими художниками. Сегодня здесь можно увидеть единственный дошедший до нас образец

настенной живописи Д. Какабадзе – фреску «Творец и Муза». В центре пейзажа, в характерном для того времени стиле модерн, возвышается дерево. Две стилизованные фигуры – мужчина, протягивающий сидящей напротив девушке белый лист, – расположены по углам фрески. В изображенном мужчине узнают автора. Это один из немногих автопортретов Давида Какабадзе. Из росписей, принадлежащих кисти Ладо Гудиашвили, особенно выделяется «Духан Степко», занимающий целую стену.

В новейшей истории театра было предложение продать фрески. Современные технологии позволяют демонтировать и перевозить настенную роспись. Но предложение зарубежных ценителей живописи было отвергнуто.

История фресок «Химериони» драматична. Датируемые 1919 годом, они уже в середине 20-х годов были забелены. О фресках почти никто не вспоминал вплоть до 1974 года, когда руководство театра приняло решение расписать фойе и выбрало для этого Коку Игнатова. Эта новость всколыхнула в памяти тбилисцев все, что было известно о «Химериони». Позвали реставраторов, они расчистили одну из стен и вызвали из небытия фрагменты забытых фресок. Воодушевленный находкой Акакий Бахрадзе ходатайствовал о реставрации перед Министерством культуры республики. С осени 1981 года работы начались. В 1982 году театр закрыли на ремонт (последний капитальный ремонт, длившийся с 2002 года – не первый в истории знаменитого «Дома Питоева», построенного в 1898-1901 годах по проекту архитекторов К. Татищева и А. Шимкевича).

«Прогулка по театру – цепь открытий. Спустившись по мраморной лестнице в нижнее фойе, попадаешь в сказочный мир, мир фантазий известных художников.

Алым цветом граната, сочной зеленью имеретинского пейзажа привлекает панно Давида Какабадзе. Колоритный тбилисский духан с ярким натюрмортом плодов предстает с панно Ладо Гудиашвили. Каждый зал, проход, лестничный пролет выделяются неповторимостью художественного оформления», – эти слова Роберта Стурца из интервью 1986 года можно повторить и в 2006 году. Встреча с произведениями искусства – это каждый раз открытие.

АЛЕКСАНДР АХСАХАЛЯН

ЮБИЛЕИ

ВЕРНОСТЬ МЕЧТЕ

Мое знакомство с Левой Гавриловым состоялось в 1958 году, когда после окончания школы я пришла в русский ТЮЗ, чтобы получить необходимый стаж работы в театре для поступления в Театральный институт. Годом раньше Лева начал здесь работать, отметившись в спектакле “Всадник без головы” Майн Рида в постановке замечательного режиссера Николая Маршака.

Спектакль и работа Левы над ролью Генри удостоились самых лестных отзывов в рецензии известного грузинского театроведа Надежды Шалуташвили.

Сегодня актер-юбиляр охотно вспоминает первые шаги на сцене. А начинал Лева в драмкружке клуба имени Плеханова, которым руководил Николай Троянов.

“Однажды к нам пришел Додо Алексидзе, - вспоминает Лева Гаврилов, - и после спектакля сказал мне: “Молодой человек, вы можете стать актером”.

Эти слова определили судьбу одаренного юноши: проходил набор артистов вспомогательного состава в театре имени А. Грибоедова. Он прошел волнующую процедуру прослушивания и был принят в театр, где начал работать еще будучи школьником. Окончив школу, он пробует силы на сцене театров Кемерово и Уральска, в телестановке на Кемеровском телевидении. Тогда же осуществилась его заветная мечта - он поступает на заочное отделение актерского факультета ГИТИСА, где учился актерскому мастерству у Нины Соломоновны Михоэли, дочери великого актера. В 1962 году Лева возвращается в Грибоедовский театр, где он родился как актер, и которому служит верой и правдой более пятидесятилетий! Сыграл множество ролей - больших и маленьких, впрочем, для актера такого уровня, как Гаврилов, последних не существует. Сам он, коренной тбилисец, вспоминает рассказ матери о его прадеде - генерал-майоре Якове Викторовиче Амасийском, участнике русско-турецкой войны, тогда и остался жить на Кавказе. И дядя Левы - Игорь Амасийский был тесно связан с искусством; известный оператор, он работал с Михаилом Чинаурели.

Я многие годы поработала с Левой и всегда знала, что любую роль он сыграет хорошо; несмотря на тяжелый для него репетиционный момент, он всегда придет к цели и оправдает любое режиссерское задание, всегда вникая в суть образа и не скользя по поверхности. В моем спектакле «Улица Шолом-Алейхема, дом 40», где он интересно создал образ белогвардейца, не крася его черной краской, раскрывая большую человеческую трагедию. Легко, с большим юмором он сыграл в комедии П. Шено «Будьте здоровы» доктора Гарона.

Лев Борисович по-прежнему полон сил и энергии, мечтает о хороших ролях, и я верю в его новые большие творческие победы.

ЛЕЙЛА ДЖАШИ

ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ (Москва)

Мотив Брэдбери

Будет ласковый дождь шелестеть в тишине,
И забудет природа о страшной войне...

Будет солнце ласкать золотые поля,
И навечно о смерти забудет земля...

Будут воздух питать ароматом сады,
И не вспомнят деревья прошедшей беды...

Будет пение птиц в изумрудных лесах,
Но уйдут в неизвестность людей голоса...

И один за другим будет шествовать век,
Но уже не пройдет по земле человек...

И забыв обо всем, как в загадочном сне,
Будет ласковый дождь шелестеть в тишине...

Моя звезда

Нет! Она еще не растаяла!
Нет! Она еще не погасла!
Моя чистая и простая,
Моя прекрасная...

Может быть загорожена тучами
Или скрыта туманностью
Моя самая-самая лучшая,
Моя странная...

Знаю, где-то на звездных улицах,
Где сиреневый снег,
Она очень-очень волнуется
Обо мне...

Песня об ангелах

На землю спустились ангелы -
Как будто открыли Евангелие,
Как будто прочли страницу -
И вот они - люди-птицы...

Не часто читают Евангелие,
Не часто спускаются ангелы...
Но все-таки изредка надо
Окинуть провинцию взглядом.

А что там Земля? Все вертится?
А что на Земле им встретится?
Вот только вопросов не было бы:
«Зачем у вас крылья белые?»...

И бродят послы небесные,
Бесхитростные и честные...
Пылится в углу Евангелие:
Какие там еще ангелы?

Плевать на Адама с Евою!
Найти бы дорогу левую,
Воспользоваться бы случаем,
Урвать бы кусок получше бы!

Забывать бы науки школьные,
Найти бы пути окольные,
Залезть по служебной лестнице...
А кто не залез - пусть бесится!

И в мелких страстях запутаны,
Зачем-то грозим кому-то мы,
Зачем-то смеемся мстительно
Над ангелами-хранителями...

Готовы уже с утробы мы
К убийству себе подобного,
Не ценим великой вечности,
Подаренной человечеству...

И странно послам божественным
Смотреть на людские бедствия,
Не небом им учрежденные,
Самими себе рожденные!..

Нельзя, видно, вовсе верить нам!
И зря людям Жизнь доверена!
Ведь просто дышать не можем мы,
Как звери и птицы божие...

Едины в жужжащем рое мы,
И Вечности яму роим мы,
В бездумной забыв беспечности,
Что нам она, а не Вечности!

Упала роса вечерняя...
И в этот момент, наверное,
Покинули Землю ангелы...
Как будто закрыли Евангелие...

ДАРИТЕ ДЕТЯМ ТЕПЛО

Приятно получать подарки, но еще приятнее дарить. В этом недавно убедился координатор проекта об оказании помощи воспитанникам отдела Грузинской детской федерации города Поти артист театра имени А. С. Грибоедова Зураб Чипашвили. Довольные лица ребят красноречивее слов говорили, что благотворительная акция удалась. Ее осуществили международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» и Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А. С. Грибоедова.

– Под Новый год мы решили всем театром сложиться и устроить детям праздник, – рассказывает З. Чипашвили. – Купили спортивную одежду, кроссовки и сладости. Воспитанники нас не ожидали и были, конечно, рады вниманию. Слов высокопарных сказано не было, но они и не требовались... Отдел Грузинской детской федерации города Поти, который возглавляет директор Каха Каландадзе, это, по сути, реабилитационный центр. В нем тринадцать детей и подростков от семи до семнадцати лет из неблагополучных семей. У кого-то есть родители, но они лишены родительской заботы, другие – сироты... Несмотря на то, что в отделе о ребятах заботятся – разработана ежегодная государственная программа реабилитации беспризорных детей – они нуждаются во внимании окружающих... Им необходима чисто психологическая помощь для их социальной адаптации.

– Два года назад, во время гастролей театра имени Грибоедова в Поти, нас пригласили на вечер. Он был устроен для этих детей одной из молодежных организаций, – рассказывает генеральный директор театра и президент «Русского клуба» Николай Свентицкий. – Попали на эту встречу случайно и вот решили взять над потийскими детьми шефство. Подарили им движок, велосипед... Мы относимся к этим ребятам с любовью, и нам не безразлично, как сложится их судьба. Как знать, может, кто-нибудь из них придет работать к нам в театр? На мой взгляд, мы должны как можно чаще привозить воспитанников центра в Тбилиси, показывать им достопримечательности. Такая практика была... До этого мы организовали поездку потийских детей в Тбилиси, побывали с ними в Дидубийском пантеоне, зоопарке, в «Макдональдсе», на Черепашьем озере. Несколько ребят из отдела Грузинской детской федерации отдыхали в прошлом году в России благодаря содействию Посольства Российской Федерации в Грузии. Надеемся, и в нынешнем году такая возможность представится.

К сожалению, «Русский клуб» не располагает большими возможностями для благотворительной

деятельности. Мы сами нуждаемся в помощи, наш союз – небюджетная организация. Даже наш журнал «Русский клуб» раздаем бесплатно – это наша принципиальная позиция, потому что читатели этого издания имеют более чем скромные доходы.

Мы очень внимательно относимся к юбилеям наших актеров, всех работников театра, из доходной части бюджета выделяем им премии. В соответствии с социальной программой театра и клуба стараемся никого не оставлять наедине с бедой.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

Это случилось в декабре прошлого года. Ушел из жизни Юра Гегешидзе, один из лучших театральных художников Грузии, обладавший удивительным обаянием, которое освещало весь его долгий творческий путь.

Где бы он ни работал, на какой бы сцене ни творил, под его кистью, как по волшебству, рождались полные фантазии, художественного вкуса, отвечающие главной теме спектакля, эскизы. Да, Юра Гегешидзе обладал удивительным вкусом, поразительным чутьем, а его оформление всегда отвечало задумке режиссера-постановщика. Его творческая биография отличается удивительным многообразием – театры Тбилиси, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова, Таганрога... Вот неполный перечень его творческих поездок.

Талант Юры был многогранен. Он оформлял не только спектакли драматических театров, но и оперных, в том числе балеты, и всегда его творение вызывало восторг и одобрение зрителей. Обладая творческим

даром, Юра Гегешидзе был невероятно скромным, порядочным, честным. Внешность художника запоминалась особенно тогда, когда улыбка освещала лицо. Стоило ему улыбнуться, как все лицо начинало светиться, добротой и лаской, глаза становились удивительно теплыми, согревающими.

Поразительно, но на работе его громкого голоса никто никогда не слышал, несмотря на возникающие трудности. И также тихо ушел из жизни, оставив теплые воспоминания. Можно ли его забыть? Нет, конечно.

И какое это счастье, что на твоём жизненном пути встречается такой друг как Юра. Как больно говорить о нём в прошедшем времени.

Прощай, дорогой друг, и пусть земля тебе будет пухом!

**ИРИНА ГОЦИРИДZE,
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ,
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
И ВСЁ КОЛЛЕКТИВ
ГРИБОЕДОВСКОГО ТЕАТРА**

Болью в наших сердцах отозвалось известие о кончине Юрия Аркадьевича Гегешидзе. От нас ушел талантливый художник, оформивший в БДТ «Солнечную ночь» Думбадзе и «Маскарад» Лермонтова, за который он был награжден высшей театральной премией «Золотой софит». Юрий был не просто замечательным художником. Ушел добрый, умный, талантливый, обаятельный человек, даривший свет и тепло своей души всем, кто был рядом. Ставший для коллектива нашего театра родным человеком.

Память о Юрочке Гегешидзе навсегда сохранится в наших сердцах. Особый поклон и самые искренние соболезнования Нате, Нине, Элисо, Георгию, всем родным, близким, друзьям Юрия Гегешидзе.

ЛАВРОВ, КОЧЕРГИН, МАКАРОВА, БАСИЛАШВИЛИ, ФРЕЙНДЛИХ, ШАРКО, ТОЛУБЕЕВ, БОГАЧЕВ, ПОПОВА, ЗАБЛУДОВСКИЙ, ИВЧЕНКО, НЕВЕДОМСКИЙ, КУЛИКОВА, ИГНАТОВА, САПОЖНИКОВА, ИЗОТОВ, ВЛАСОВ, ВЕЛИМЕЕВ, РУДАНОВА, МАЛОВА, ШИМБАРЕВИЧ И ВСЁ КОЛЛЕКТИВ БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ГЕОРГИЯ ТОВСТОНОГОВА.

АФК «СИСТЕМА» – КРУПНЕЙШАЯ В РОССИИ И СНГ ПУБЛИЧНАЯ ДИВЕРСИФИЦИРОВАННАЯ КОРПОРАЦИЯ, ВЛАДЕЮЩАЯ И УПРАВЛЯЮЩАЯ ПАКЕТАМИ АКЦИЙ КОМПАНИЙ БЫСТРОРАСТУЩИХ СЕРВИСНЫХ СЕКТОРАХ ЭКОНОМИКИ

«Наш бизнес – растущий бизнес»

В настоящее время в портфеле АФК «Система» сосредоточены наиболее перспективные активы в таких отраслях как телекоммуникации, высокие технологии, страхование, недвижимость, банковский сектор, розничная торговля и масс-медиа.

Крупнейший оператор мобильной связи МТС предоставляет услуги 58,2 млн абонентам в России, Украине, Белоруссии, Узбекистане и Туркменистане.

«Концерн Ситроникс» объединяет ведущие высокотехнологичные предприятия электронной промышленности Российской Федерации.

Региональная сеть страховой компании РОСНО состоит из 100 филиалов, которые обслуживают более 7 млн людей и 50 000 предприятий по всей России.

ЗАО «Система-Галс» – одна из ведущих девелоперских компаний на рынке недвижимости, специализация которой позволяет комплексно подходить к реализации всех стадий проекта – от формирования идеи и разработки проекта до строительства и последующей эксплуатации объекта.

Компания «Детский мир» управляет не только знаменитым детским универмагом в Москве, крупнейшим в Европе, но и еще 45 магазинами в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и 13 российских городах.

АФК «Система» концентрирует финансовые, интеллектуальные и управленческие ресурсы для развития высокотехнологических отраслей России.

В корпорации работает около 80 000 человек во всех регионах страны – от Калининграда до Дальнего Востока. Более 100 промышленных, финансовых и торговых предприятий, входящих в корпорацию, работают в интересах российского общества.

ОАО АФК «Система»:
125009 Москва, Леонтьевский пер, 10.
Тел: (495) 629-06-00, факс: (495) 232-33-91
<http://www.sistema.ru>
<http://www.sistema.com>

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge